

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

Кафедра истории русской литературы
Семинар «Русский XVIII век»

Литературная культура России XVIII века

Выпуск 4

Под редакцией
П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, А. Ю. Тираспольской

Санкт-Петербург
2011

ББК (2Рос=Рус)1
Л64

Рецензенты:

А. Ю. Веселова

к. ф. н. (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН)

Е. В. Душечкина

д. ф. н. (филологический факультет СПбГУ)

Л64 **Литературная культура России XVIII века. Выпуск 4** / Под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, А. Ю. Тираспольской. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 280 с.
ISBN 978-5-93682-746-4

Настоящий сборник является четвертым сборником научных статей о литературной культуре России XVIII века, подготовленным участниками междисциплинарного семинара «Русский XVIII век», работающего на филологическом факультете СПбГУ в тесном сотрудничестве с отделом «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН. В сборник включены доклады, которые были представлены на секции «Русская литературная культура XVIII века» XXXIX Международной филологической конференции (Филологический факультет СПбГУ, 17 марта 2010 года), и другие научные работы, посвященные проблемам изучения истории литературы и литературной культуры XVIII столетия, в том числе содержащие публикации произведений XVIII столетия. Первый раздел сборника составляют статьи, написанные к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова.

Издание предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов, а также для всех интересующихся проблемами изучения литературной культуры XVIII столетия.

ББК (2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-93682-746-4

© Авторы статей, 2011

© СПбГУ, Филологический факультет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

I

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

ДВИНЯТИН Ф. Н. (СПбГУ)	ОМОСИЛЛАБИЧЕСКИЕ СЕРИИ В ПОЭЗИИ М. В. ЛОМОНОСОВА: ОБ ОДНОМ СПЕЦИАЛЬ- НОМ ТИПЕ ЗВУКОСМЫСЛОВЫХ СВЯЗЕЙ	6
БУХАРКИН П. Е. (СПбГУ/ИЛИ РАН)	ПОЭЗИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА: СТИЛИСТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДЫ	33
МАТВЕЕВ Е. М. (ИЛИ РАН/СПбГУ)	ОДИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА: МЕ- ТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ	48
ВОЛКОВ С. С. (ИЛИ РАН/СПбГУ)	КУДА ПРИВОДЯТ НАС «ВРАТА УЧЕНОСТИ»?	62
САЛОВА С. А. (БГУ, УФА)	ФРАНЦУЗСКИЕ «СОБЕСЕДНИКИ» М. В. ЛОМОНО- СОВА В ЕГО «РАЗГОВОРЕ С АНАКРЕОНОМ»	69
КАРНАЧЕВ А. Е. (БАН)	«ТОРЖЕСТВО ЛЮБВИ» (ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК М. В. ЛОМОНОСОВА)	81

II

КАРЕВА Н. В. (ИЛИ РАН)	СТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (1730–1750-е гг.)	90
КИСЛОВА Е. И. (МГУ)	«СЛОВО В ДЕНЬ ЯВЛЕНИЯ ИКОНЫ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ ВО ГРАДЕ КАЗАНИ» ДИМИТРИЯ СЕЧЕНОВА	110
ГУСЬКОВ Н. А. (СПбГУ)	ДЕРЕВЦЕ И ПТИЦЫ СРЕДЬ ГОВОРЯЩИХ СТЕН (К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО БЫТА ЕКАТЕРИ- НИНСКОЙ ЭПОХИ)	148

ВЛАСОВ С. В. (СПбГУ)	О ФРАНЦУЗСКИХ ВЕРСИЯХ ПЬЕСЫ ЕКАТЕРИНЫ II «ОБОЛЬЩЕННЫЙ» ИЗ СОБРАНИЯ РУКОПИ- СЕЙ ЭРМИТАЖНОЙ БИБЛИОТЕКИ	205
ВЛАСОВ С. В., МОСКОВКИН Л. В. (СПбГУ)	«ЗАМЕТКИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО АЛФАВИ- ТЕ» Е. Н. И Ф. В. КАРЖАВИНЫХ (1789–1791)	216
ТИРАСПОЛЬСКАЯ А. Ю. (СПбГУ)	К ПРОБЛЕМЕ НЕЗАВЕРШЁННОСТИ ПОВЕСТИ Н. М. КАРАМЗИНА «ЛИОДОР»: ВОПРОСЫ ПО- ВЕСТВОВАНИЯ	238
РУДНЕВ Д. В. (СПбГУ/ИЛИ РАН)	НЕИЗВЕСТНЫЕ ИМЕНА XVIII В.: ПРОХОР ИВА- НОВИЧ ЖДАНОВ	262

I

**К 300-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. В. ЛОМОНОСОВА**

Федор Никитич Двинятин

Санкт-Петербургский

государственный

университет

**Омосиллабические серии
в поэзии М. В. Ломоносова:
об одном специальном типе
звукосмысловых связей**

В «Оде на рождение его императорского высочества государя великого князя Павла Петровича сентября 20 1754 года» Ломоносова есть примечательные строки:

От всех полей и рек широких,
От всех морей и гор высоких¹.

Каждая из двух строк состоит из шести слов. Первые, вторые и четвертые слова обеих строк совпадают: *от всех... и...* В третьих, пятых и шестых словах совпадают: а) морфологические характеристики: третьи слова — имена существительные среднего рода в родительном падеже множественного числа, пятые — имена существительные женского рода в той же форме, шестые — имена прилагательные в той же форме; б) флексии, а в последнем случае и суффиксы: *...ей — ...Ø — ...оких*; в) слоговой объем и акцентологические характеристики: третьи слова — двусложные окситоны, пятые — односложные, третьи — трехсложные парокситоны; г) семантические характеристики: третьи и пятые слова — ‘элементы ландшафта’, шестые — ‘пространственные характеристики элементов ландшафта’.

Но этим дело не ограничивается. Тому глубокому параллелизму, который объединяет обе строки, подчинен также и материальный, звуковой облик их несовпадающих элементов.

¹ Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 144 (Библиотека поэта. Большая серия). Далее все тексты Ломоносова цитируются по этому изданию, с указанием страницы в скобках.

В основах слов *полей* и *морей* расположение согласных и гласных звуков подчинено схеме CVC (где С обозначает согласный, а V — гласный)², в словоформах *рек* и *гор* — также схеме CVC, и этой же схеме CVC подчинено расположение звуков в корнях слов *широких* и *высоких*. По этому признаку процитированные строки можно представить в таком виде:

От всех CVCей и CVC CVCоких,
От всех CVCей и CVC CVCоких.

Если же заменить соответствующими условными обозначениями и совпадающие элементы строк, то схема примет такой вид:

VC CCVC CVCVC V CVC CVCVCVC
VC CCVC CVCVC V CVC CVCVCVC.

Налицо, таким образом, полный, скрупулезный параллелизм звуковой структуры разбираемых строк — параллелизм, поддержанный также синтаксическим, морфологическим параллелизмом, отдельными буквальными, материальными тождествами и семантической эквивалентностью.

Это, конечно, исключительный пример. Но отдельные вкрапления подобного звуко смыслового принципа встречаются у Ломоносова не столь уж и редко.

Объемлет *мягкий луг* крилами,
Крутится *чистый ток* полями,
Брега питает тучный ил,
Древа и цвет покрылись медом (96).

Мягкий луг и *чистый ток* из соседних строк, при морфологическом тождестве и частичном буквальном звуковом повторе во флексии, полностью подобны слоговой структурой: CVCCVC CVC (но не параллельны, в отличие от предыдущего примера, синтаксически: *мягкий луг* — прямой объект, а *чистый*

² Кроме того, совпадает корневой гласный *о* и общий тип согласных: *п* и *м* слева от гласного — губные, а *р* и *л* справа от гласного — плавные.

ток — субъект). *Брега и древа* (также в соседних строках) объединены схемой CCVCV, при наличии и ряда буквальных звуковых совпадений. Оба случая фиксируются в пределах четырех соседствующих строк.

Не *мрачной лес*, не *грозной шум* (181).

CCVCCVC CVC, при морфологическом и звуковом тождестве флексии.

Как *гром* от тучей удаленных,
В горах раздавшись, множит *слух*,
Как *брег* шумит от волн надменных
По буре, укротевшей вдруг (141).

Более изысканный случай, демонстрирующий переплетение обычного звукового повтора, буквального и материального, и того структурного звукового повтора, основанного на тождестве слоговой структуры, которому посвящены эти заметки. Синтаксически параллельные и объединенные семантической эквивалентностью *гром* и *брег* подобны также слоговой структурой: CCVC. В этот же ряд вписывается и *слух* из исхода второй строки. В то же время буквальный звуковой повтор, а именно повтор Г и Р (а также эквивалентное положение в первых стопах соседних строк), связывает *ГРОм* с *ГОРах*, а звуковой повтор, основанный на Б и Р (и такое же их положение в началах соседних строк), — *БРЕг* с *БуРЕ*.

Описываемый тип звукового повтора было предложено называть омосиллабическим (т. е. подобосложным). Он описан на примере поэзии Державина³, в которой встречается достаточно часто и дает ряд превосходных примеров. Единица омосиллабического повтора — омосиллабическая серия. Под омосиллабическими сериями предлагается понимать звуковые (и в большинстве случаев звуко-смысловые) стечения в одном контексте слов идентичной слоговой структуры (задаваемой количеством

³ См.: Двигунин Ф. Н. Из наблюдений над фоносемантикой Державина // Русский язык конца XVII — начала XIX века: Сб. статей 2. СПб., 2001. С. 109–130.

и расположением гласных и согласных звуков, иногда с некоторыми дополнительными ограничениями).

Кроме указания на само существование омосиллабических серий и общей характеристики их строения, необходимо оговорить ряд специальных особенностей описываемого явления.

А. Материал для некоторых особо частых омосиллабических сопоставлений звуко-смыслового типа подсказывается самим языком и речевой практикой, такие серии проходят через обработку фразеологической и паремиологической традицией: *день — ночь, рука — нога, рыба — мясо, лес — луг, мрак — свет, тут — там, стыд — срам, одеть — обуть* и т. д. В этом отношении они совершенно подобны устойчивым паронимическим (парономастическим) сближениям, таким как отмеченные Р. О. Якобсоном *пить — петь* или *сокол — высоко*⁴. Спорадическое появление в текстах традиционных омосиллабов еще не свидетельствует о приверженности поэта к омосиллабическому принципу (как и разного рода «случайные» созвучия), но и сам традиционный характер омосиллабического сопоставления — не повод для его отвода; диалектика языка и идиолекта должна приниматься во внимание здесь, как и в прочих случаях.

Б. Во многих контекстах собственно омосиллабический принцип звукового сопоставления поддержан отдельными материальными соответствиями. Было бы в принципе неправильно описывать омосиллабический принцип формулой «слоговая структура идентична, а звуки разные»; правильно: «слоговая структура идентична, а звуки любые», в том числе и совпадающие. Следует заметить, что для парономастического и анаграмматического сближения слоговая структура в принципе иррелевантна, так что сопоставления типа *друг — враг* комбинируют «обычный», материальный звуковой повтор (совпадение Р и Г) и повтор структурного, омосиллабического типа (структура CCVC).

В. В случае многосложных слов, как следует и из приведенных выше примеров, имеет значение также акцентологический критерий: «сильный» случай омосиллабического сопоставления, по-видимому, предполагает и идентичное ударение в словах, составляющих серию.

⁴ Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 35–36.

Г. Для омосиллабической серии как чисто звуковой стратегии в принципе безразлично семантическое сближение сопоставляемых слов, однако неслучайна и значительная доля именно звуко-смысловых серий, что соответствует общему принципу актуализации в поэтическом тексте билатеральной структуры языкового знака.

Д. Омосиллабы тяготеют к эквивалентным позициям; это не обязательное условие, но встречается подобное положение вещей достаточно часто. В этой эквивалентности можно различить две стороны: стиховую и синтаксическую, причем синтаксическая эквивалентность реализуется прежде всего в составе синтаксического параллелизма. Параллелизм не предполагает полного тождества членов, буквального повтора; но в некоем пределе своего развития он становится буквальным повтором, и потому одна из тенденций в варьировании параллелизма и есть стремление к буквальному повтору, то есть к возможно более полному совпадению характеристик первого и последующего (-щих) членов, одной из форм чего можно признать звуковое, и в первую очередь структурное, т. е. омосиллабическое, упорядочение слов в эквивалентных позициях.

Е. «Сильный» случай омосиллабической серии (и, вообще говоря, единственный, который бы стоило рассматривать при строгом подходе) подразумевает слоговое подобие данных словоформ в данном контексте; однако, поскольку языковое и поэтическое сознание направлено не только на словоформы, но и на лексемы, реализациями которых являются словоформы, на периферии явления могут быть отмечены случаи сопоставления в контексте не-омосиллабических словоформ лексем с омосиллабическими основами: так, в строке Ломоносова

Но *враг* такого после *вреду* (153)

словоформы *враг* и *вреду* не подобносложны, но их основы и исходные формы обладают большим сходством: *враг* — *вред*, это особенно заметно на фоне буквального повтора начальных ВР-, но такой буквальный повтор, в принципе, необязателен.

Ж. Подобносложные слова — частный случай равносложных слов, и омосиллабическое сопоставление — частный случай

сопоставления слов по количеству слогов (и, почти всегда, по месту ударения): пары типа *день* — *ночь* находят ослабленное подобие в таких сопоставлениях, как *утро* — *вечер*, *зима* — *весна*, *светлый* — *темный*, *купить* — *продать* и мн. др., каковые, разумеется, тоже могут специфическим образом обыгрываться в поэтической традиции.

Вот несколько примеров из поэзии Державина, иллюстрирующих применение описываемой стратегии и ее возможности.

Что жрет и *мраз* и *зной* жестокий
Поля, леса; а там в глубоки
Моря обломки *гор* валят
И *рыб* в жилищах их теснят⁵.

Здесь сочетаются, по крайней мере, три ряда: 1) «атмосферные» слова *мраз* и *зной*; это односложные словоформы, расположение гласных и согласных CCVC; 2) «ландшафтные» слова *поля*, *леса* и *моря*, двусложные словоформы, ударение на втором слоге, расположение гласных и согласных CVCV, второй ударный гласный *a*; 3) обозначения дополнительных объектов воздействия, *гор* и *рыб*, односложные словоформы, расположение гласных и согласных CVC (кроме того, *жрет* тяготеет к *мраз* и *зной*, *жестокий* параллельно *глубоки*, а *глубоки*, в свою очередь, по слоговой структуре и по звуковым переключкам соотносится с *обломки*; далее, форма *обломки*, связанная с *гор*, параллельна форме *жилищах*, связанной с *рыб*; наконец, налицо явное притяжение рифмующихся глаголов *теснят* и *валят* — все слова этого четверостишия вовлечены в сложную и изысканную игру звукосмысловых соответствий, но доминируют при этом именно параллели по слоговой структуре).

Глагол времен! металла *звон*!
Твой страшный *глас* меня смущает,
Зовет меня, зовет твой *стон* <...> (85)

⁵ Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 269 (Библиотека поэта. Большая серия). Далее тексты Державина цитируются по этому изданию, с указанием страницы в скобках.

Сопоставляемые, в том числе по значению, «акустические» слова *звон*, *глас* и *стон* являются омосиллабами (по схеме CCVC).

Ахеян спасть, агарян стерть (163).

Оба члена антитетического параллелизма *ахеян спасть* — *агарян стерть* параллельны и в звуковом отношении: оба организованы как $[a(CVC')ан с(CVC)t']$.

В Европе *грады брал, тряс троны* (162).

Хиастический параллелизм (*грады брал* — *тряс троны*), значительное совпадение слоговых структур основ: *град* — *брал* — *тряс* — *трон* по модели CCVC, причем второй согласный — всегда *р*.

Где *стол* был яств, там *гроб* стоит (86).

Я царь — *я раб* — *я червь* — *я бог* (116).

В этих знаменитых строчках обнаженные контрастные сопоставления в немалой степени поддерживаются омосиллабизмом (при совпадении гласного) пары *стол* — *гроб* и эквасиллабизмом тетрады *царь* — *раб* — *червь* — *бог*, при омосиллабизме трех из четырех членов (CVC).

По-видимому, Державину подобные явления свойственны в целом больше, чем Ломоносову, — в отношении количественном (их у Державина обнаружено больше, чем у Ломоносова), качественном (поэзия Державина дает более сложные и яркие примеры) и, так сказать, системном, или же функциональном (представляется, что в поэтической системе Державина омосиллабическому принципу принадлежит более весомая роль, в частности, потому, что в поэзии Ломоносова более яркие и заметны звуковые повторы «обычного», материального типа). Тем не менее целый пласт подобного типа контекстов может быть вскрыт и в стихотворных сочинениях Ломоносова. Если по их количеству, качеству и функциональной нагрузке Ломоносов

и не достигает уровня Державина, то, во всяком случае, приближается к нему. Кроме того, есть все основания считать именно Ломоносова важнейшим из предшественников и учителей Державина в использовании описываемой стратегии.

В дальнейшем звуковой повтор омосиллабического типа, удерживаясь в некоторых ключевых позициях — но в значительно ослабленном виде — в творчестве ряда поэтов начала XIX века, со временем почти совершенно отходит в тень, чтобы в начале XX века возродиться уже на совершенно новых основаниях в поэзии авангарда и достигнуть подлинной кульминации в текстах Цветаевой середины 1920-х годов⁶.

Возвращаясь к поэзии Ломоносова, можно констатировать, что первую большую группу примеров дают такие «лексикализованные» случаи использования омосиллабического повтора, когда он оказывается связан с определенным словесным рядом, члены которого имеют омосиллабическую природу и фиксируются в стихах Ломоносова в составе омосиллабических серий достаточно регулярно. Такой ряд может иметь более устойчивую часть (слова, появляющиеся в относительно большом количестве серий) и периферию (слова, в единичных случаях подключающиеся к тем же сериям, что и слова устойчивой части).

Основу одного такого ряда составляют слова *стан*, *стыд* и *флот*. Еще в Хотинской оде (1739, с последующей редактурой) появляется строка, объединяющая два из трех этих элементов:

Забыв и меч, и *стан*, и *стыд* (65).

В «Оде на прибытие ея величества великия государыни Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации» обнаруживаются две строки, в каждой из которых *флот* по отдельности соединен со *стан* и *стыд*:

Трясет полки их, *флот* и *стан* (87);

И в мгле свой *флот* и *стыд* скрывают (90).

⁶ См.: Двинятин Ф. Н. Омосиллабические серии в русской поэтической традиции // Поэтика и фоностилистика: 1-й Бриковский сб. М., 2010 (в печати).

Разумеется, определяющее значение имеет сам характер сопоставления этих слов: во всех процитированных строках — в составе сочинительной связки, причем в двух последних случаях минимальной (типа «а и б») и оттого наиболее наглядной, всегда в формах, равных основе (не осложненных флексиями). В случаях сопоставления *стан* — *стыд* и *флот* — *стыд* семантическая асимметрия (вещественное и морально-психологическое) придает связке характер зевгмы⁷. Сопоставление с традиционными (исконными и «высокими») *стан* и *стыд* варваризма и относительного неологизма *флот*, по-видимому, должно способствовать его стилистической ассимиляции в одическом словаре. В целом же круг замыкается: *стан* и *стыд* — *флот* и *стан* — *флот* и *стыд*.

В свою очередь, *флот* образует устойчивую связку с *град*:

На *град*, на *флот*, и на полки (105);

Гласит сей *град* и *флот* <...> (208);

Покрытый *флотом понт*, среди *волн грады* новы (208) —

в последнем случае параллель затемнена ненулевыми флексиями падежных форм, но, с другой стороны, поддержана иной параллелью: *понт* — *волн*.

Что же касается слова *стыд*, то оно создает зевматическую связку и с другим своим омосиллабом, *труп*:

Оставшей *труп* и *стыд* смердит (79).

⁷ Недавно И. А. Пильщиков и М. И. Шапир еще раз обратили внимание на контрастность поэтики Ломоносова и на антитезы и оксюморны как на простейшие фигуры этой контрастности, указав на существование заметно более сложных случаев (Пильщиков И. А., Шапир М. И. Эволюция стилей в русской поэзии от Ломоносова до Пушкина (Набросок концепции) // Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 512). Зевгма, очевидно, занимает среднее положение между «сильным» контрастом антитезы и оксюморона и снятым контрастом того метафорического «сопряжения далековатых идей», которое является одной из основ ломоносовского одического стиля «парения». Тынянов называет зевгму «излюбленным приемом Ломоносова» (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 237), причем буквально тут же по ходу изложения отмечает и звуковые «соответствия» и переклички.

Другим примером лексикализации омосиллабических контекстов оказывается уже проиллюстрированный выше примером из Державина «ландшафтный» ряд. Основу его, по-видимому, составляет устойчивая тройственная связка *луга — леса — моря*: три слова, все во множественном числе, все с ландшафтным значением, все по слоговой модели CVCV, все с ударным *а* во втором слоге. Строка может содержать полный набор этих трех элементов:

В поля, в леса, во град, в моря (105)

(опять-таки наглядное сопоставление в однородных и параллельных, ничем не распространенных предложно-падежных формах) — либо, существенно чаще, «дефектное» бинарное соположение только двух из трех элементов:

Поля, леса, берега и воды (145);

Поля, леса, берега живит (172);

Скрываются поля, леса, берега и понт (219);

Гласят моря, леса и реки (158);

В моря, в леса, в земное недро (149);

*Молчите, горы и леса,
Моря и ветры беспокойны* (164);

Поля, бугры, моря и лес (204).

Некоторые из этих строк устроены особенно эффектно, с использованием наглядно-символических возможностей поэтического слова. 10 февраля 2010 года, на заседании одной из секций 1-х Бриковских чтений («Поэтика и фоностилистика»), в прениях после доклада автора статьи Г. В. Векшин, Ю. Б. Орлицкий и сам автор пришли в диалоге к пониманию строки

Поля, леса, берега и воды

как содержащей звуко-смысловое представление перехода от суши к воде, от земных элементов ландшафта к водным: *поля* и *леса* — это еще только суша, и им соответствует модель CVCV с ударным *a* во втором слоге; *брега* — это суша, но и граница воды, в их обозначении сохраняется двусложность с ударным *a* во втором слоге, но изменяется слоговая структура: CCVCV; *воды* — это уже не суша, и этому переходу соответствует изменение места ударения (на первый слог) и характера ударного гласного (Г. В. Векшин, в частности, особенно настойчиво обращал внимание на то, что расположение гласных и согласных в форме *воды* то же, что и в *поля* — *леса*: CVCV, а расподобляет их именно место ударения). Так же — только, пожалуй, еще более наглядно — устроена строка

Скрываются поля, леса, берега и понт.

На периферии «ландшафтного» омосиллабического ряда у Ломоносова такие примеры, как

Чрез *горы, реки* и моря (117);

Вам плещут ныне лес и *луги*,
Вам плещут *реки* и моря (142);

Лугам, горам и островам (175).

В принципе, существует и другой ландшафтный ряд, построенный по модели CVC и включающий, в качестве ядра, такие слова, как *лес, бор, луг* и *сад*, причем через *сад* сюда же может подключаться и, собственно говоря, не вполне ландшафтное слово *дом*. К периферии принадлежит, очевидно, *дол*. Пример из Ломоносова:

Шумит с ручьями *бор* и *дол* (65).

У Державина есть более развернутый пример:

Разрушится *сей дом*, засохнет *бор* и *сад* (333).

Что же касается ряда *луга* — *леса* — *моря*, то «соперником» Ломоносова в его разработке может считаться Сумароков (1759):

*Леса, поля, луга сияньем освещались*⁸;

ср. повторение тех же трех элементов *леса — поля — луга* (в измененном порядке) в «Вольности» Радищева:

Плодит *луга, поля, леса*⁹ —

и в «Оде на рабство» Капниста (1783):

Поля, леса, луга пустеют.

Следующий ряд объединяет обозначения отрезков времени в мужском роде со слоговой структурой CVC. В стихах Ломоносова обнаруживаются такие примеры:

Блажен тот *год*, тот *день* и *час* (93);

Сей *день* и тот блаженный *час* (115).

Впоследствии Радищев продемонстрирует четверной ряд:

Летит, мой друг, крылатый *век*,
В бездонну вечность всё валится,
Уж *день* сей, *час* и *миг* протек <...>¹⁰

(с прибавлением «крайних» мер — *века* и *мига*, но с утратой *года*), а Цветаева эффектно и заботливо соберет воедино и в обнаженной градации расположит все пять элементов, образующих основу ряда:

Между любовью и любовью распят
Мой *миг*, мой *час*, мой *день*, мой *год*, мой *век*.

В то же время *день* не только входит в один ряд с такими мерами времени, как *год*, *час* и прочие, но и образует устойчивую

⁸ Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 497 (Библиотека поэта. Большая серия).

⁹ Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 133.

бинарную связку (антитетическую по семантике) со словом *ночь*. У Ломоносова есть случаи обращения к этой традиционной паре, ср. в соседних строфах «Оды всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской, которою Ее Величество в новый 1764 год всенижайше поздравляет всепокорнейший раб Михайло Ломоносов»:

Печется, *ночь* вмения в *день* (178);

Равняют *день* и *ночь* на свете (179).

Здесь, собственно, происходит переход ко второй большой группе примеров: «разыгрывание» (слово В. Н. Топорова) в ломоносовской поэзии традиционных и устойчивых (как правило, бинарных) связок, имеющих омосиллабическую природу, таких как *день — ночь, свет — мрак, друг — враг, меч — щит*:

Устроил *внук* меня красные,
Открыл мне полдня *свет* ясные,
Кумиров мерзких *мрак* прогнал (70);

Где верный *друг*, где скрытый *враг* (141);

Познав, кто носит скиптр, *меч, щит* (163);

Мечи, щиты и крепость стен
Пред божьим *гневом* *гниль* и *тлен* (90)¹¹

(ср. в первом примере слово *внук*, поддерживающее омосиллабическое подобие *свет — мрак*, а в последнем — эффектную связку *гниль — тлен*, поддержанную падежной формой с ненулевой флексией от *гнев*, что, будучи омосиллабической параллелью, перекликается с *гниль* еще и по двум начальным согласным,

¹¹ «Грандиозно-теологическим» называет язык этих строк Пумпянский (Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 105), отмечающий — с важными историко-литературными экспликациями — текстовую их близость к соответствующему пассажию «Оды, выбранной из Иова» (Там же. С. 106 и далее).

а с *тлен* — по одному из согласных и общему характеру ударного гласного).

Сюда же, пожалуй, относится использование омосиллабического подобия обозначений двух из четырех частей света:

Умолкни *запад, север, восток* (70).

Прежде чем идти дальше, имело бы смысл отметить два особых случая. В основе одного из них — омосиллабическая связка *бури — тучи*:

Ногами *тучи* попирает,
Угрюмы *бури* презирает (114);

Он выше *бурь* и *туч* промчится (97).

В то же время Ломоносов использует согласованное словосочетание *бурны вихри*, оба элемента которого оказываются омосиллабичны:

Вы, *бурны вихри*, не держайте (100).

Это, вообще говоря, не слишком частый случай: омосиллабический принцип обычно подчеркивает, как видно и из явного большинства вышеприведенных примеров, однородность и параллелизм, а не синтаксическую связность элементов¹². Но, пожалуй, еще более любопытно то развитие, которое получает эта связка в последующей строфе той же «Оды на день брачного сочтения их императорских высочеств государя великого князя Петра Феодоровича и государыни великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года», откуда взят и предыдущий пример:

Там *вихрей нет*, ни *шумных бурь* (101)¹³.

¹² Но случай и не исключительный. Ср. в двух соседних строках *новы веки и плодом драгим* (168).

¹³ В обоих случаях, кстати, тема вихрей и бурь взята в аспекте их преодоления. Последний пример П. Е. Бухаркин рассматривает в ряду реализаций

Омосиллабическую параллель с *вихрей* образует уже прилагательное *шумных*, а *бурь*, в свою очередь, оказывается параллельно с *нет*, но при этом сама связка элементов *бур'*- и *вихр'*- сохраняется; соблазнительно было бы сказать, что существенную роль в этом играет вхождение обоих элементов в том же тексте, девятнадцатью стихами выше, в одну омосиллабическую связку, — к сожалению, подобные предположения ни доказуемы, ни наглядно-убедительны.

Второй из оговоренных особых случаев относится к «акустическому» ряду, объединяющему односложные слова мужского рода, обозначающие разного рода звуки и звучания. Многочисленные примеры связок подобного рода предоставляет поэзия Державина, что уже было продемонстрировано¹⁴. Но слова этого ряда не омосиллабичны, а только эквасиллабичны, т. е. обладают не слоговым подобием, а только равенством числа слогов. Примеры использования слов этого ряда, в том числе и в соединении с другими эквасиллабическими элементами, есть и у Ломоносова:

Вопль, шум везде, и кровь, и звук (147);

Там пламень, звук, и вопль, и шум (151);

Внезапно с шумом, ревом, стоном (154);

Весельный шум, гребущих крик (90).

На этом фоне выделяется более точная, собственно омосиллабическая параллель:

Презрев с ним смешанный и стон и плач велик (233).

Именно она открывает путь в будущее, к той строфе из «Недоноска» Баратынского, которая оказывается одной из

у Ломоносова «топики тишины» (Бухаркин П. Е. Топос тишины в одической поэзии М. В. Ломоносова // XVIII век: Сб. 20. СПб., 1996. С. 5).

¹⁴ См.: Движанин Ф. Н. Из наблюдений над фоносемантикой Державина. С. 109–130.

вершин русской омосиллабической поэтики (если допустимо такое выражение):

Смутно слышу я порой
Клич враждующих народов,
Поселян беспечных вой
Под грозой их переходов,
Гром войны и крик страстей,
Плач недужного младенца...
Слезы льются из очей:
Жаль земного поселенца!

(вблизи односложного, но не укладывающегося в омосиллабическую схему *вой* четырехкратная связка: *клич* — *гром* — *крик* — *плач* с яркими материальными повторами звуков, с параллелизмом акустического значения и по той же модели CCVC, что *стон* и *плач* — в последнем случае буквальное пересечение — у Ломоносова).

Третью большую группу случаев использования омосиллабов в поэзии Ломоносова — после «лексикализованных» рядов (регулярных у Ломоносова и многочленных) и традиционных связок (единично используемых Ломоносовым, тяготеющих к бинарности, почти общеязыковых по стандартности употребления) — образуют тесные контексты, буквально «прошитые» значительным числом омосиллабических элементов, почти всегда односложных и относящихся к числу имен существительных¹⁵. Эти элементы, как правило, не образуют семантической эквивалентности (в отличие от вышеописанных случаев) и могут рассматриваться как одна из периферий описываемого явления. Таковы следующие фрагменты (к сожалению, по соображениям экономии места приходится отказаться от любых сколько-нибудь развернутых комментариев к этой группе примеров, как и от обсуждения любых других особенностей цитируемых в этом разделе фрагментов):

¹⁵ Обсуждая роль односложных слов в русском стихе вообще и в Я4 Ломоносова в частности, Якобсон бегло обращает внимание на «осязательные альтерации в расположении моносиллабов» (Якобсон Р. О. Об односложных словах в русском стихе // *Slavic Poetics*. Columbus, Ohio, 1973. С. 248). Об односложных словах в стихе XVIII века см. также: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 2000. С. 85–87.

Но [В]ышний *зрак* свой отвращает
От готфских ослепленных стран
И тем продерзость их смущает,
Трясет полки их, *флот* и *стан*¹⁶;
Как сильный вихрь с полей *прах* гонит
И *древ* верхи высоки клонит.
Богине русской *гром* вручил (87).

CCVC: *зрак* — *флот* — *стан* — *прах* — *древ* — *гром* в семи соседних строках.

Не *швед* ли мнил, что он главою,
Как Атлас, держит целой *свет*
И море сильною рукою
И полной властью в узах *жмет*;
Что твердь с собой в союзе свяжет
И вспять идти луне укажет,
Однако род российский *знал* (90–91).

CCVC: *швед* — *свет* — *жмет* — *знал*, при сильном материальном подобию двух первых элементов.

От мести уstraшенный *фин*,
И с *гор*, оцепенев, взирает
На *дым*, всходящий из долин,
На *меч*, на готов обнаженный,
На пламень, в селах воспаленный;
Там ночью от пожаров *день*,
Там днем в пыли ночная *тьнь* (91).

CVC: *фин* — *гор* — *дым* — *меч* — *день* — *тьнь*.

О чистый Невский *ток* и ясный,
Счастливейший всех *вод* земных!
Что сей богини *лик* прекрасный (92).

CVC: *ток* — *вод* — *лик* в трех соседних строках.

¹⁶ Эта строка комментировалась выше.

<...> Тобой, великий *князь* российский.
К тебе весь *норд* и *край* азийский
Воскресшу прежню *читит* любовь.
Как в *гроб* лице Петрово скрылось,
В сей день веселья солнце тмилось,
Но *днесь* тобою светит *вновь* (97).

CCVC: *князь* — *край* — *читит* — *гроб* — *днесь* — *вновь*, шесть элементов в шести строках; два последних (наречия времени) связаны и тесными отношениями семантической эквивалентности.

Покажешь *меч* и страх в *день* брани,
Подобно как твой *дед* в полках.
Премудрость сядет в *суд* с тобою,
Изгонит лесьть и *ков* с хулою (98).

CVC: *меч* — *день* — *дед* — *суд* — *ков* в четырех строках.

Там смертну *хлябь* разинул ад!
Но промысл *мрак* сей разгоняет
И волны в мыслях укрочает:
Отверзся в славе божий *град* (151).

CCVC: *хлябь* — *мрак* — *град*.

Парящей слыша *шум* Орлицы,
Где пышный *дух* твой, Фредерик?
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты велик?
Еще ль смотря на *рок* саксонов <...> (151)

CVC: *шум* — *дух* — *рок*.

Бодришь, мой *дух*, смотри, внимай:
Сквозь *дым* небесный луч блистает!
Сквозь волны, пламень вижу *рай*;
Там [Б]ог десницу простирает
И крепость неизмерных *сил* (161).

CVC: *дух* — *дым* — *рай* — *Бог* — *сил*.

Сам [Б]ог ведет, и кто противу?
Кто *ход* его остановит?
Как Океанских *вод* разливу
Навстречу кто поставит *щит*?
Где звуки? где огни и страхи?
Где, где всегдашний *дым* и прахи? (177)¹⁷

CVC: Бог — ход — вод — дым — щит (ср. частичное совпадение слов в разных приведенных примерах).

Наконец, напоследок имеет смысл обратиться к отдельным разрозненным случаям.

Особо следует рассмотреть группу ярких глагольных примеров. Как показывают наблюдения, омосиллабический принцип реализуется преимущественно в грамматической области имени существительного (возможно, помимо определяющей роли этой части речи, играет роль и то, что существительное несравненно легче сводимо к своей основе и даже чистому корню, которые могут сопровождаться или краткой и невыразительной, или вообще нулевой флексией, и омонимия основ не затемняется тождеством или тем более различием суффиксов и флексий). Тем важнее показать, что и глагольные формы могут объединяться в стихах Ломоносова по омосиллабическому принципу:

Чинят то умысл нам жесток,
Хотят нам желчи быть горчае (77);

Покрыл, воздвиг, *венцем* почтил (177);

Стремись, *шуми*, *теки* обильно (92);

Как прежде, так и впредь, *пали*, *рази*, *гони* (233).

Здесь надо специально и отчетливо оговорить, что во всей этой заметке совершенно не используется материал омосиллабов — как имен, так и глаголов, — стоящих у Ломоносова в позиции рифмы (точнее, рифмующихся друг с другом)¹⁸, так как

¹⁷ Последние две строки процитированного фрагмента — реализация топоса *Ubi sunt*.

¹⁸ Впрочем, возможно и исключение — если рифмующиеся омосиллабы входят в состав пространной серии.

это относится к строению рифмы, а не к омосиллабическим сериям как таковым. При учете рифм материал возрос бы не менее чем вдвое, а по глаголам — и намного более того.

Некоторые прочие случаи:

Проклята *гордость*, злоба, *дерзость* (71)¹⁹;

Пронзает очи странен *луч!*
Незнаем *шум* мой слух неволит (73);

Победы *знак*, палящий *звук* (75)²⁰;

Что *родом*, *духом* и лицом (83);

Моя десница мещет *гром*,
Я в пропасть сверг за *грех* Содом (87)²¹;

Уже мрачится *свет* полдневный,
Повсюду вид и *слух* плачевный (89)²²;

Теперь во всех *градах* российских,
По селам и в *стениях* азийских (103);

Возри на *храмы* опаленны,
Возри на *стены* разрушенны (126);

Отрады ради утомленных,
Избавы ради разоренных (167);

Смесившись с прахом, *кровь* кипит;
Здесь *шлем* с головой, там *труп* лежит (90)²³;

¹⁹ Симметрическое положение *р* и переключка через *д*. Дальнейшая эффектная разработка у Державина — геральдическая строка *Чтоб орлюю дерзость, гордость лунну* (192) — предполагает контактное соположение омосиллабических элементов.

²⁰ Строка отмечена Тыняновым (Тынянов Ю. Н. Указ. соч. С. 237), который, впрочем, указывает здесь только материальный звуковой повтор («па-з-к»).

²¹ Поддержано материальным звуковым повтором на *гр-*.

²² Параллелизм позиций в стихе и примыкающих эпитетов; то же в трех следующих случаях.

²³ Тройной ряд, симметричное расположение плавных *р* и *л*.

Я слышу стихотворцев шум,
Которых жар не погасится (94);

Какой *веселый лик* приходит?
Се вечность от пространных недр
Великий ряд веков приводит (97)²⁴;

Фиссон шумит, *Багдад* пылает (98)²⁵;

И *горлиц* нежное вздыханье,
И *чистых* голубиц лобзанье (101);

Сарматов и *саксонов* пленных (126)²⁶;

Се зиждет здесь *Елисавета*
Красу приличну небесам.

Великия Семирамиды
Рассыпанна окружность стен (130)²⁷;

Что строены вы *целы веки*:
Вас *созидали человеки* (130)²⁸;

Прекрасны *храмы, грады* строя (137)²⁹;

²⁴ Сильная параллель *веселый лик* — *великий ряд*: полное омосиллабическое подобие и прилагательного и существительного; оба эпитета с начальным *в*-; звуковая переключка через —*лик*-.

²⁵ Омосиллабичность тем более примечательная, что Сумароков в своей пародии ее не соблюдает (*Эфес горит, Дамаск пылает*; другие случаи еще дальше от ломоносовского «оригинала»); нет ее и в указанном Пумпянским (*Пумпянский Л. В.* Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век: Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 42) прототипе Гюнтера (*Der Nil erschrickt, Damascus brennt*). Ср.: *Пумпянский Л. В.* Очерки по литературе первой половины XVIII века. С. 126.

²⁶ Интересные продолжения и развития у Жуковского (*калмык — баши-кир — черкес*) и Пушкина (*тунгуз — калмык*).

²⁷ На границе строф сильная ономастическая параллель.

²⁸ Превосходная рифма, достойная самой изощренной словесной и стиховой техники, поддержана омосиллабическим принципом.

²⁹ Омосиллабический повтор сопровождается буквальным: —*ра*-.

К трудам их крепки *мышцы, бедра* (149);
За *Вислой* и за *Вартой* грады (153);

Но *враг* такого после *вреда* (153)³⁰;
Российски *стоны* досягают
Чрез *трупы* к франкфуртским стенам (153)³¹;

С *железом* сердце раскаленным,
С *перуном* руки устремленным,
С зарницей очи равны зрю (153)³²;

Воззри на *плач* осиротевших,
Воззри на *слезы* престаревших,
Воззри на *кровь* рабов твоих (156);

Безгласна видя на *одре*
Защитника, *отца*, героя (157);

Взглянуть на *небо* — не сияет;
Взглянуть на *реки* — не текут (157);

С Парнаса *льют* и *глас* и *свет* (181);

Героев *дух* и *суд* небес (182);

Сквозь *дождь*, сквозь *вихрь*, сквозь град блистая (200).

Уже практически завершив представление коллекции омо-
силлабических серий в поэтических текстах Ломоносова, следу-
ет еще раз оговорить то обстоятельство, что повтор омосилла-
бического типа соседствует в поэтической системе Ломоносова
со звуко-смысловыми сцеплениями других конфигураций,
и в первую очередь — с «обычным», «традиционным» мате-
риальным повтором паронимического (паронимического)
типа. В принципе, пишущие о Ломоносове обычно отдают себе
отчет в звуковом напряжении его стиха, иногда даже отмечая

³⁰ Омосиллабизм основ затемнен расхождением во флексиях, что компен-
сируется материальным повтором: *вр-*.

³¹ Материальный повтор: —*ны*.

³² Омосиллабизм поддержан параллелизмом стиховых и синтаксических
позиций; в следующей строке — сильный материальный повтор на *ЗР*.

это как одну из самых важных черт стиля (ряд ярких и значимых примеров приводит Тынянов³³, предпочитающий, как и в «Проблеме стихотворного языка», пользоваться термином «звуковая метафора»), но нередко все же недооценивают количество и значение глубоких звуковых повторов. Между тем, как можно предполагать, Ломоносов в этом отношении — прямой и едва ли не единственный в русской поэзии XVIII и начала XIX веков предшественник Пушкина.

В последнее время внимание к звукословесной организации ломоносовских поэтических текстов в своем систематическом и богатом подробностями сочинении привлек Г. В. Векшин, в частности, подвергший убедительной фоностилистической реинтерпретации стихотворение «Бугристы берега, благоприятны влаги...»³⁴ и рассмотревший технику и семантику анаграммирования ключевого имени *Елисавет(a)* в одах Ломоносова, обращенных к императрице³⁵. В частности, Векшин указывает³⁶ на обилие и глубину звуковых повторов в таких фрагментах³⁷, как

И устремлялся гром на гром,
И что надутых волн громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты гор с влажным дном

(гром — громады — грады и др.) — и

От стран, роднящих град и снега,
С Атлантской буря высоты
Стремится чрез бугристы бреги,
Являя страшные следы

(стран — стремится — страшные; буря — бугристы — бреги и др.).

³³ Тынянов Ю. Н. Указ. соч. С. 238–239.

³⁴ Векшин Г. В. Очерк фоностилистики текста. М., 2006. С. 137–142. (Стихотворение, ранее ставшее предметом историко-филологического анализа Успенского. См.: Успенский Б. А. Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова // Успенский Б. А. Избранные труды: В 3 т. Т. 2. М., 1996. С. 255–298.)

³⁵ Векшин Г. В. Указ. соч. С. 341–343.

³⁶ Там же. С. 142.

³⁷ Связанных лексическими и звуковыми переключками со стихотворением «Бугристы берега, благоприятны влаги...».

Обилие сильных звуковых повторов разного рода отличает поэзию Ломоносова. Одни из таких повторов пронизывают весь текст соответствующего фрагмента, другие почти неощутимы в звуковой структуре целого, но предлагают сильные звукосмысловые параллели к некоторым ключевым словам контекста (как правило, именам); возможны, разумеется, промежуточные или какие-то совершенно иные случаи (в дальнейшем, в пределах этого раздела, курсив как способ выделения ключевых слов-омосиллабов сменяется выделением повторных звучаний и графем прописными буквами).

Так, к фрагментам, содержащим звукосмысловое обыгрывание имени (иногда через сопоставление с другим именем), принадлежат, например, следующие:

ЦВЕТущий славою ЦВЕЙТин (168);

Казнишь ИСКуССТвОм ИСКОреСТ (137);

Не сам ли в аРФу ударяет
ОРФей, и камни оживляет (103);

Лежит поверженный АЗов <...>
Сквозь степь и блата Петр прошел,
В средину АЗии достигнул (125).

Примеры парных контактных или умеренно-дистантных повторов:

Там РаВНой РеВНостью пылают (126);

Мечтанье в ПРаВду ПРетВоРил (153);

Во все страны свой ВЗОР ВОЗВОдит (115);

Великолепными веРЬХАМи
Восходят ХРАМы к небесам (130);

В восторге СЛАДком возгласят,
Коль СЛАВными она делами (135);

Из гор иссеченны колоссы,
МеХАНика, ты в честь возвысь
МоНАрХАМ (132);

Поставила б ей в честь пречудны ОБелиски
Превыше ОБЛаКОв (228);
Плутон в РаССелинах мятется,
Что РоССам в руки предается
Драгой его металл из гор (120);

Воззрите с высоты СВЯТья,
Коль СВЕТло в наши дни Россия (136);

Когда ты кРЕСТ несла рукою
И на пРЕСТол взвела с собою (116);

На прочи ГраДы оглянись:
Что им не равная судьбина;
Не храбростью своей ГоРДись (151–152);

Как ВеРЬХ высокия горы
Взирает непоколебимо
На мрак и вредные пары;
Не может ВиХРЬ его достигнуть (114);

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен ОкЕАН;
Небесной синевою ОдЕЯН,
Павлина посрамляет вран (119);

и, наконец, своеобразная кульминация этой модели, дающая
заполнение двумя перекликающимися словами целой строки:

ЗВЕРообРаЗны иЗуВЕРы (181).

Более пространный, троичный ряд:

Как кЕДР меж низкими ДРЕВами,
Пречудна в ДРЕВней красоте (141).

Глубокий повтор на фоне аллитерационного нагнетания от-
дельных звуков:

Что с ТРЕПЕТОМ ПЕред тОбою
Падут Полки ПОТОМков их (119).

Пересечения двух рядов звуко-смысловых повторов:

Богини нашей важность СЛОВА
К БЕССМЕРТной СЛАВе совершить
СТРЕМится СЕРдце САЛтыкОВА (153)

(*бессмертной — стремится и слова — славе — Салтыкова с общим в обоих рядах элементом с*) — и

Как Печь, ГОРТаНь его дымится,
В ПуЧине след его ГОРИТ;
Сверкают очи раздраженны,
Как уголь, в ГОРНИле раскаленный (203)

(*печь — пучине и гортань — горит — горниле*).

Еще один замечательный случай объединения в одном фрагменте двух звуко-смысловых рядов:

Когда ЗаРя багряным оком
Румянец умножает РоЗ,
Тогда на ветвии высокою
И посреде ЗеЛеных ЛоЗ (129)

(удвоенный повтор *зр — рз — зл — лз* с общим *з* и перекликающимися плавными *р/л*, с симметричной хиастической последовательностью плавных и *з*, с вынесением совсем близких *роз* и *лоз* в позицию рифмы). Так же в следующем фрагменте, открываемом тройным повтором на *пол/пло*, в дальнейшем шестикратное *ст-*, ср. также переключку *простирает — пространныя*:

В ПОЛЯх, исПОЛненных ПЛОдами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон,
Своими чистыми СТруями
Шумя, СТАдам наводят сон,
Седит и ноги проСТИрает
На СТЬе, где Хину отделяет
ПроСТранная СТена от нас (125).

Ср. также в Хотинской оде (все примеры со страниц 62 и 64–65) рифмующиеся словосочетания *ГРОмады сТОНУТ* и *ГОРЫ ТОНУТ*; в соседних строках *ПРОходит Сквозь ТАТАР* и *ПРОСТРАНный*; строку *О РОССы, вАС САМ РОК пОКРыть*; строки

КРуТиТ РеКа ТаТаРсКу КРовь,
Что пРоТеКала между ними;

в соседних строках *от РЕВу <...> дРоЖит — РЖЕт — РВЕт — РВы*; и многие другие случаи звуко-смысловых связок. Среди них и такое четверостишие:

Им воды, *лес, бугры*, стремнины,
Глухие *степи равен путь*.
Где только *ветры могут дуть*,
Доступят там *полки Орлины*,

замечательное обилием и стройным расположением омо-силлабов (выделены курсивом). Повтор омосиллабического типа — только один из возможных в поэзии Ломоносова, но им не следует пренебрегать. Как в создании общего впечатления стройности, смысловой уплотненности, звуковой напряженности стиха, так и в установлении частных звуко-смысловых перекличек между словами и словосочетаниями роль его значительна и специфична.

Петр Евгеньевич Бухаркин

Санкт-Петербургский государственный университет/

Институт лингвистических исследований

РАН

**Поэзия М. В. Ломоносова:
стилистика и проблематика торжественной оды**

I

Торжественная, панегирическая ода пиндарического типа является ведущим жанром поэзии М. В. Ломоносова; это — ее центральный нерв, в конечном счете регулирующий бытие сотворенного «Российским Пиндаром» художественного мира и, одновременно, определяющий его роль в дальнейшем историческом движении русского поэтического слова. Этой оде — при вариативности конкретных одических текстов — неизменно присущи три определяющих свойства: принадлежность к придворной панегирической культуре, единообразию метрико-строфической структуры (не исключаяющее, однако, некоторой степени свободы), одический восторг, причем наибольшее значение имеет все же третье — одический восторг; и не только из-за того, что он прямо связан с главными семантическими линиями, очерчивающими поэтический смысл торжественной оды, но и потому, что от него непосредственно зависит одический стиль, переносящий этот восторг в область стихового слова.

Действительно, ломоносовский одический стиль уже в XVIII столетии квалифицировался не иначе, как парящий, великолепный, необыкновенный, причем эти его качества ощущались как прямое проявление «восторженного» состояния пиита, перенесенного Пегасом на Геликон и искушавшегося в Гиппокрене. Возможно, отчетливее всего ощущение от столкновения с этим стилем передал Г. Р. Державин: описывая свой поворот к самостоятельному творчеству, он (называя себя в третьем лице) замечал:

«Он в выражении и стиле старался подражать г. Ломоносову, но, хотев парить, не мог выдержать постоянно, красивым набором

слов, свойственного единственно российскому Пиндару велелепия и пышности»¹.

В этом суждении точно определена не только предельная возвышенность ломоносовского одического стиля, но и его системность, последовательность в использовании тех или иных приемов, «ровность», что неизменно отмечалось такими читателями и почитателями поэзии Ломоносова, как Н. И. Новиков, М. Н. Муравьев, А. С. Шишков, А. Ф. Мерзляков.

Поэтический стиль Ломоносова и нельзя определить по-другому: все в нем тщательно продумано; все в нем на своих местах, нет случайностей, спорадически возникающих здесь и там, согласованные между собой элементы на всех уровнях складываются в систему.

Начнем со звуковой организации ломоносовской стиховой речи:

Стремнинами путей ты разных
Прошел ли моря глубину?
И счел ли чуд многообразных
Стада, ходящие по дну?

Прежде всего бросаются в глаза ассонансы, тщательно продуманная вокалическая структура — повторение фонем *у*: *путей — глубину — чуд — дну* и *а*: *стремнинами — разных — моря — многообразных — стада — ходящие*. Созвучия затрагивают и консонанты, так, отчетливо заметна аллитерация на *р*: *стремнинами — разных — прошел — моря — многообразных*. Имеют место также и более глубокие и сложные звуковые соответствия: *ст* 1-го стиха (*стремнинами*) связано со *ст* 4-го стиха (*стада*), причем данная переключка усиливается одинаковым местом в стихе — началом, — в результате чего появляется оттенок анафоричности. Еще более существенны созвучия рифмующихся слов *разных — многообразных*, где второе слово, иное и по словообразовательной модели, и по этимологии, и по семантике, включает в себя весь звуковой состав первого: *мно-гооб-разных*. Стоит обратить внимание и на связь *многообразных* и с именем существительным 2-го стиха — *моря*. Благодаря этому

¹ Цит. по: Западov А. В. Мастерство Державина. М., 1958. С. 32.

возникает непрерывное и повторяющееся звуковое движение, проходящее через 3 соседних стиха: *разных — моря — многообразных* (р-а-з-н-ы-х-, м-р-а-, м-н-р-з-н-х-).

Такие же ровность и взаимосоответствия характерны и для лексики ломоносовских од, о чем уже писал А. И. Соболевский: «Эстетически чуткий Ломоносов тщательно избегает употребления славянских слов рядом с вульгарными русскими, и у него нет в одах ни одного места со сколько-нибудь, на наш взгляд, смешным сочетанием слов»². Данная характеристика очень точно определяет системность лексики од Ломоносова, показывая, тем самым, структурное подобие лексического и фонетического уровней стиха поэта: в обоих случаях все элементы подчиняются непрерывно действующим законам, обуславливающим единообразие текста.

Заговорив о лексическом уровне, мы неизбежно и сразу переходим к следующему — семантическому, ибо у Ломоносова происходит сплошная метафоризация лексики и очень часто многие строфы подряд представляют собой развитие переносных значений. «В отношении к принципам словоупотребления, для Ломоносова характерна борьба с обычным значением слова в языке. Слово, связанное своим конкретным, так сказать, земным значением, мешает его полету ввысь, оно должно утратить свое бедное, простое значение и воспарить в абстракцию»³. Такое отношение к поэтическому слову само по себе включает в себе состояние восторга: постоянные семантические трансформации, уводящие слово от привычных смыслов, свидетельствуют о необычности тех значений, которые это слово теперь получает; оно действительно как бы воспаряет над всем обыкновенным и приземленным.

Это обстоятельство придает образному уровню ломоносовского стиха особую важность: в стиховом слове именно на этом уровне поэтический восторг становится наиболее заметным. Причем «воспаренность» нисколько не отменяет предельной семантической значимости, совершенно напротив, большинство ломоносовских тропов неразрывно связаны с одическим смысловопорождением.

² Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 125.

³ Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 17.

II

Очень часто эпитет или метафора в сжатом виде заключает в себе все дальнейшее содержание оды. Таков, в частности, эпитет из 2-го стиха 1-й строфы оды 1747 года:

<...> Возлюбленная тишина <...>.

Поэт недаром употребляет имя прилагательное *возлюбленная*, заключающее в себе нечто более интенсивное, активное, направленное на предмет, нежели его синонимы *любимая*, *любезная*. Для языка XVIII века глагол «возлюбить» означал не просто полюбить, а полюбить горячо, сильно и, в другом плане, предпочесть, избрать для себя⁴. Одновременно *возлюбленная* предполагает и некоторую возвышенность, устремленность вверх, ведь префикс *воз-* содержит в себе представление «о предметах высших <...> и прямее указывает на подъем, вышину»⁵. Тишина оказывается не просто сильно любимой, она выбрана, предпочтена, в частности, потому, что способна вознести, т. е. духовно укрепить. Последний семантический оттенок эпитета *возлюбленная* актуализируется глаголом *держат* из 8-го стиха той же строфы, прямо и непосредственно связанным с *возлюбленной тишиной*: корабли «держат в море» за тишиной — когда царит последняя, любое плавание возможно. *Держат* означает: ‘осмеливаются’, ‘мужают’. Получается, что *тишина* не только придает смелость, она и способствует возмужанию, воспитывает.

И другие слова строфы также соединены крепкими смысловыми нитями. Они и позволяют эпитету — в нашем случае, выражению *возлюбленная тишина* — имплицитно содержать то, что затем эксплицируется всем текстом: поэтическую (т. е. полисемантическую, не сводимую к логической) идею гармонии, активно любимой человеком и в свою очередь возносящей его к блаженству.

Не менее действенны и метафоры. Так, оду 1748 года поэт начинает знаменитой метафорой:

Заря багряною рукою <...>.

⁴ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. Л., 1988. С. 13.

⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1956. С. 230.

Это выражение показалось даже П. А. Вяземскому бессмысленным, смутило его и напомнило «прачку, которая в декабре месяце моет белье в реке»⁶. Но оно далеко не бессмысленно, напротив, содержательно в высшей степени. В имени прилагательном *багряная* здесь важны, прежде всего, три оттенка: во-первых, связанный с кровью, с кровопролитием, во-вторых, цветовое обозначение — ярко-красный, пурпурный, в-третьих, представление о царском величии (багрянородный — принадлежащий по рождению к царскому роду)⁷. В случае с именем существительным *рука* на первый план выходят те его значения, что связаны с понятием власти и силы, а с другой стороны — с помощью, с возможностью подсобить⁸. *Багряная рука* — нечто возвышенное, чистое, способное подбодрить, «протянуть руку». Отсюда и развивается тема спокойствия, мира, идущего от императрицы Елизаветы и возносящего Россию к величию. Не случайно именно в этой оде находится знаменитое описание покоящейся России, где, в виде женщины, она:

Покоится среди лугов.

В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Сидит и ноги простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой обращает
И вкруг довольства исчисляет,
Возлегли локтем на Кавказ.

Но *багряная рука* одновременно — и кровавая; тема крови, огня, также соотносящегося с багрянцем («Как медь в горниле, небо рдится» — и *медь*, и *рдится* указывают на различные оттенки красного цвета), войны, в свою очередь, возникает в оде,

⁶ Гинзбург Л. Я. О лирике. М.; Л., 1964. С. 25.

⁷ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л., 1984. С. 126.

⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1956. С. 109.

контрастируя с темой тишины. «В оде 1748 года единство её основано на сквозной теме — борьбе двух контрастных начал»⁹, — замечал И. З. Серман, и эта борьба в сжатом виде, концентрированно, уже содержится в метафоре, открывающей текст.

Слово употребляется не само по себе, не отдельно, а как часть единого семантического целого, где все взаимосотнесено и от каждого элемента зависят все остальные. При этом все проникнуто пафосом восторга, парением одического поэта, прозревающего в реальном контуре идеального. Эти же идеальные начала бытия определяют и преломление русской жизни одическим словом: великолепный, парящий стиль формирует полностью соответствующий ему образ мира, явленный в ломоносовских торжественных одах.

Торжественные оды Ломоносова создавались по разным поводам, однако причина их написания неизменно оставалась одной и той же — восторг перед Россией. Россия в них и изображалась — вне зависимости от того, шла ли речь о взятии Хотина, первых трофеях Иоанна Антоновича, дне рождения Елизаветы или же восшествии на престол Екатерины¹⁰. Отвечая в «Разговоре с Анакреоном» на оду своего мысленного собеседника, имеющую в греческом подлиннике название «К девушке», а им обозначенную лишь порядковым номером (XXVIII ода), Ломоносов определяет задачу своей поэзии исключительно как изображение России:

О мастер в живописи первой,
Ты первой в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне.

Обобщенные картины России действительно обнаруживаются во всех его пиндарических одах. Прежде всего, Россия изображается им неизменно как огромная страна, раскинувшаяся

⁹ Серман И. З. Русский классицизм. Л., 1973. С. 43.

¹⁰ Это единство главной общей темы — темы России — является еще одним, так сказать, четвертым фактором, определяющим, наряду с указанными в начале статьи свойствами, целостность ломоносовской одической поэзии — уже на ее проблемном уровне.

во все стороны света; «формула протяжения России», как определил этот смысловой комплекс Л. В. Пумпянский¹¹, чрезвычайно важна для Ломоносова: он постоянно пользуется при характеристике своего предмета формулой «от — до»:

От теплых уж берегов азийских
Вселенной часть до вод Балтийских —

или в той же оде («Ода в торжественный праздник рождения Иоанна Третьего»):

От устья быстрых струй Дунайских
До самых узких мест ахайских.

Россию «обнять не могут семь морей», настолько она «пространная <...> держава».

Принципиальна для Ломоносова не только пространственная величина, «огромность», но и соединение в российских пределах различных частей света: Севера, Юга, Запада, Востока; в России есть все, что только можно обнаружить на земле в целом, в том числе — и разные народы:

Народов твоя державы
Различна речь, одежда, нравы.

Россию даже трудно назвать просто страной, она — нечто большее, скорее она — «вселенной часть». И на этой «пятой части всей земли» царят гармония и порядок, в ней — «ненарушимый строй во всем» (Ф. И. Тютчев):

Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь;
Между млечными облаками
Сияет злато и лазурь

(«Ода на день брачного сочетания <...> Петра Феодоровича и <...> Екатерины Алексеевны 1745 года»).

¹¹ См.: Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век: Сб. 14. Л., 1983. С. 22. О данной формуле у Ломоносова, а также о её дальнейшей судьбе в русской поэзии см.: Душечкина Е. В. «От Москвы до самых до окраин...» (формула протяжения России) // Риторическая традиция и русская литература. СПб., 2003. С. 108–125.

Или в «Оде на прибытие из Голстинии и на день рождения <...> Петра Феодоровича 1742 года <...>»:

Млеком и медом напоенны,
Тучнеют влажны берега,
И, ясным солнцем освещенны,
Смеются злачные луга.
С полудни веет дух смиренный,
Чрез плод земли благословенный.
Утих свирепый вихрь в морях,
Владеет тишина полями,
Спокойство царствует в градах,
И мир простерся над водами.

Огромные пространства России, многоликость ее уклада, то, что в ней «языки многи», еще более, разлитая всюду гармония — все это в совокупности говорит о том, что Россия в изображении Ломоносова — это Империя, причем Империя не столько в конкретно-историческом, сколько в историософском своем смысле.

III

Надо сказать, что в государственно-политическом отношении вопрос об императорском характере России стоял в середине XVIII столетия весьма остро: принятый Петром I титул императора большинством европейских стран не признавался, как раз в эти годы петербургское правительство о таком признании хлопотало особенно усердно. У русских же патриотов (а здесь уместно напомнить, что Ломоносов, как и все литераторы середины века, был безусловным патриотом) никаких сомнений императорский статус монарха не вызывал, да и вызывать не мог; в том, что Россия — империя, они были уверены, причем в российской исторической жизни они усматривали не только внешние, так сказать, признаки империи; нет, они — и Ломоносов в особой степени — ощущали в ней присутствие Империи в идеальном ее состоянии, Империи не как социальной реальности, но как историософской идеи.

Что же такое Империя в таком её понимании? В самом общем виде можно сказать, что Империя, — если перевести данную

категорию в отвлеченно-идеальный план, что и делали старинные европейские мыслители, в их числе Ломоносов, — совсем не просто государство, она — государство в самом идеальном своем выражении¹². Власть Империи — это власть особая, власть *gratia Dei*; более того, земная Империя подобна Небесному Царству, является его отражением, вернее — символом в религиозном смысле данного понятия: в Империи «одна реальность [земное государство. — П. Б.] являет другую [Царство Небесное, Царство не от мира сего со своей таинственной и сложной иерархией Небесных сил, описанной Дионисием Ареопагитом. — П. Б.], но — и это очень важно — только в ту меру, в которой сам символ причастен духовной реальности и способен воплотить её»¹³. Поэтому в исторической практике Империя никогда не может воплотиться с полной адекватностью; это заложено в идеальной природе данной историософской категории. Её возможно прозреть лишь посредством искусства, если иметь в виду искусство словесное — прежде всего в торжественной оде, что обусловлено глубинными особенностями одического жанра. В оде сущность Империи оказывается явленной во всей своей отчетливости: как торжество Логоса над хаосом, как воплощение Логоса в форме земного государства, как торжество Благодати — в философском, а вернее, богословском значении данного слова, в русской культуре проявившемся уже в первом завершеном порождении русского художественного слова — в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона (XI век).

Пожалуй, наиболее полно прозрение в России Империи проявляется в топике торжественных од Ломоносова, прежде всего, в топосе тишины, для Ломоносова особо важном. В самом общем виде в топосе можно видеть двуединое явление, с одной стороны, представляющее собой способ аргументации или даже аргумент, а с другой — средство словесного оформления мысли, обладающее определенными возможностями убеждения¹⁴. Для своего употребления топос требует общеизвестности: как

¹² См. в более подробном изложении: Бухаркин П. Е. Образ «другого» в русской культуре и мифологема Империи // Вече. Вып. 4. СПб., 1995. С. 5–19.

¹³ Шмеман А., *прот.* Евхаристия: Таинство Царства. Париж, 1988. С. 47.

¹⁴ См. о топосе как литературоведческом понятии: Абрамовська Я. Топос і деякі спільні місця літературознавчих досліджень // Теорія літератури в Польщі. Антологія текстів. Друга пол. XX — поч. XXI ст. Київ, 2008. С. 351–370.

автор, так и читатель должны представлять, что перед ними — именно топос и какие смыслы он в себе заключает. Подобная узнаваемость достигалась во многом тем, что в риторической словесности топосы не были принадлежностью какой-либо индивидуальной авторской системы; они принадлежали не отдельному автору, но словесной культуре в целом.

Узнаваемость топоса позволяет говорить — в известных пределах — о его клишированности; в топосе не так уж и трудно разглядеть «родство <...> со <...> стереотипом, т. е. с убеждением, глубоко укорененным в коллективном сознании, хотя и не проясненным и даже не могущим быть доказанным»¹⁵. Подобная «недосказанность» топоса, не мешающая его распознаванию, вместе с тем лишает его плоскостности и одномерности, делает содержательно емким и даже многоплановым, что, со своей стороны, поддерживается его открытостью: в топосе следует видеть скорее модель, нежели совокупность конкретных фактов и только их. «Топос, — писал Д. Чижевский, — это не жесткие формулы, но, скорее, лишь темы, которые каждый писатель может разрабатывать по-своему, в некотором роде рамки, которые оставляют место для весьма разнообразного содержания, оправа, в которую можно заключить всевозможные конкретные украшения»¹⁶. Собственно говоря, этой же цели служит и присущая топосу образность: в художественной речи ядром топоса обычно оказывается троп, прежде всего — метафора. Еще одна важная черта топоса — его аксиологичность: он неизменно содержит в себе оценку того явления действительности, характеристике которого служит; такая оценочность есть результат убеждающей функции топоса: убеждение в чем-либо с неизбежностью предполагает оценивание.

В эпоху рефлексивно-традиционалистской словесности топика, по словам Э.-Р. Курциуса, напоминала склад, в котором сберегались идеи самого общего характера, какие можно было использовать «во всех сочинениях, как устных, так и письменных»¹⁷.

¹⁵ *Абрамовська Я.* Op. cit. С. 358.

¹⁶ *Čiževskij D.* Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1956. S. 107.

¹⁷ *Curtius E.-R.* European Literature and the Latin Middle Ages. London, 1953. P. 79.

Такое её значение было обусловлено организующими культуру «готового слова» принципами: в условиях доминирования риторического сознания топика просто не могла не оказаться в самом центре процесса поэтического творчества. Ведь топос — это и есть «готовое слово» в наиболее явном виде; его употребление означает то, что действительность изображается не прямо, но «через слово» (А. В. Михайлов); автор не пользуется возможностями непосредственного описания реального мира, между этим миром и творцом лежит слово, определяющее и понимание, и последующее воссоздание этого мира художником в литературном произведении¹⁸. «Создание высказывания с использованием топоса напоминает добавление и соединение полуфабрикатных элементов или, возможно, точнее, вмонтирование такого элемента в стену словесных кирпичей»¹⁹, — пожалуй, трудно найти более точное определение акта литературного творчества в риторическую эпоху.

IV

Как уже отмечалось, топос тишины занимает в поэзии Ломоносова — прежде всего, в её ядре, в оде — исключительно важное место. Способы его языковой реализации оказываются весьма различными; в одних случаях он воплощается в предельно сжатой языковой форме — «тихих дней венец», «море нашей тишины»; в других — в более развернутой:

<...> Чтоб род российский и соседы
В глубокой были тишине
(«Ода <...> на праздник рождения <...>», 1757).

Иногда — приобретает вид подробных описаний:

Пять крат под счастливой державой
Цветами красилась земля;
Стократной облеклися славой
Российски грады и поля:

¹⁸ См.: Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 116–118.

¹⁹ Абрамовська Я. Ор. cit. С. 365.

Стоят трофеи вознесенны,
Цветут оливы, насажденны
Елисаветиною рукой,
Что новых светов досягает;
От той Европа ожидает,
Чтоб в ней восставлен был покой
(«Ода на день восшествия на престол <...>», 1746).

Или же — знаменитые стихи:

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют,
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли
(«Ода на день восшествия на престол <...>», 1747).

Рассматривая «тишину» в ломоносовских одах, нельзя не обратить внимания на её странное соседство с движением, шумом, войной, вообще динамикой разного рода. Это удивительно, ведь тишина, если понимать её как состояние и видеть в ней умиротворенность, покой, в принципе противоположна всякой внешней активности. У Ломоносова же такой противопоставленности нет, более того, в некоторых случаях наступление «тишины» прямо сопровождается чрезвычайными потрясениями:

Но холмы и древа, скачите,
Ликуйте, множества озер,
Руками, реки, восплещите,
Петрополь буди вам пример:
Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит <...>

(«Ода на прибытие императрицы Елисаветы Петровны <...>»,
1742).

Примеры подобного рода заставляют задуматься над тем, что, собственно говоря, представляет собою для Ломоносова «тишина», какое значение доминирует в ней. Для ответа на такой вопрос в первую очередь надо обратиться к семантике данного слова. Её достаточно хорошо вскрывают те синонимы, при помощи которых происходит словесное воплощение интересующего нас топоса. Наряду с такими лексемами, как «покой» («Дугу поставил в знак покоя», «Счастливых и спокойных лет») и «мир» («То нас желанный мир прославит»), развитие топоса связано с лексемами «кротость» («кротким оком», «сей кроткий глас», «кротко разглашайте»), «прозрачность» («ключи прозрачны»), «ясность» («где воды протекают ясно»), «стройность» («да движутся светила строино»). Последние два слова — «ясность» и «стройность» — особо важны, они непосредственно ведут к тому смыслу, который поэт вкладывал в понятие «тишины».

Характеризуя семантику слова «ясно» в древнерусском языке, И. И. Срезневский в своих «Материалах для словаря древнерусского языка» приводит такие значения, как «светло, чисто, отчетливо, определено, понятно, открыто»²⁰. С другой стороны, и в начале XIX века, в языке А. С. Пушкина, данная лексема также связана со спокойствием, безмятежностью, логичностью, четкостью²¹. Стоит иметь в виду и этимологические связи русского «ясно» с литовским *aiskus* (ясный, четкий) и древнеиндийским *yaṣas* (великолепие, пышность, блеск)²². Этот семантический комплекс при всех исторических модификациях сохраняет свое (по крайней мере потенциальное) значение и в XVIII веке, мерцающе присутствует и в лексеме «ясно» ломоносовских од. На это, в частности, указывает её синонимичность лексеме «строино». Для последней актуальны значения: отличающийся упорядоченностью, гармоничностью, согласованностью²³. В «Толковом словаре живого великорусского

²⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903. С. 1668.

²¹ Словарь языка А. С. Пушкина. Т. 4. М., 1961. С. 1043–1044.

²² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1973. С. 565.

²³ Словарь языка А. С. Пушкина. Т. 4. С. 408–409.

языка» В. И. Даля данная лексема (в варианте имени прилагательного «стройный») описана следующим образом: «стройный — что в должном порядке, образе, хорошо устроено, согласно; взаимосоглашенный»²⁴.

Такая лексико-семантическая реализация топоса «тишина» в ломоносовских одах показывает, что «тишина» для поэта включает в себя сложный семантический комплекс: это свет, красота, блеск, даже пышность и одновременно логичность, четкость, последовательность. Причем разные качества «тишины» согласованы между собой, ибо она, кроме всего, — и соразмерность. А соразмерность такого рода, полная уравновешенность всех элементов — это не состояние, а свойство, атрибут, всегда присущий явлению; он спокойно может сочетаться с динамикой, движением, грохотом. Они — только внешняя сторона дела, не нарушающая внутренней гармонии.

Стоит здесь обратить внимание на вышеприведенное словосочетание «кротко разглашайте», где глагол «разглашать», связанный с динамикой, активностью, даже громкостью, соединяется с наречием «кротко», т. е. скромно, безапелляционно, неосуждающе. Не навязывать другим свои суждения, а спокойно, с любовью нести истину. Но вместе с тем и не сомневаться в ней, не пассивно выжидать, а деятельно возглашать — таков смысл данного оборота.

Образ оды 1742 года, соединяющий тишину и грандиозный шум ликующей природы, конечно, может быть на языковом уровне понят как типичный барочный оксюморон. Однако на уровне поэтической семантики противоречие, лежащее в основе всякого оксюморона, оказывается мнимым и снимается. «Скакание» холмов и деревьев, «рукоплескание» рек и тому подобное не может смутить соразмерности, говоря ломоносовскими словами — «стройности» огромного и прекрасного универсума, его тишины. При этом «тишина» — это не просто порядок, но согласие, основывающееся на *взаимопонимании*, *взаимообщении* на одном и том же языке. Мир, где властвует «тишина», состоит из элементов, открытых друг другу, понятных друг для друга и способных к объединению. На это,

²⁴ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 341.

в частности, указывают значения открытости, понятности, светлости, присутствующие, как мы видели, в лексемах, посредством которых разворачивается у Ломоносова анализируемый топос. Это на самом деле мир не принуждения, а свободного единения, не рабства, но любви, не Закона, а Благодати. Свобода и Империя в ломоносовском одическом творчестве не противостоят друг другу, но органично совмещаются — что, впрочем, вообще характерно для классической литературной традиции рефлексивного традиционализма. Не в меньшей степени, нежели А. С. Пушкин — его гениальный поэтический преемник, завершающий в русской, а может быть, и в европейской литературе (наряду с Гете) таким образом понимаемую классическую эпоху, — Ломоносов вполне может быть назван «певцом Империи и свободы» (Г. П. Федотов).

Евгений Михайлович Матвеев

*Институт лингвистических исследований РАН/
Санкт-Петербургский государственный университет*

Одическая поэзия М. В. Ломоносова: методологические проблемы изучения

Значение поэтического творчества М. В. Ломоносова для русского XVIII века вполне сопоставимо с ролью поэзии А. С. Пушкина для века девятнадцатого. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» утверждал: «Бесспорных гениев, с бесспорным „новым словом“ во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и часть Гоголь»¹. И действительно, торжественные (панегирические) оды М. В. Ломоносова — это «узловой» текст русской литературы XVIII века, явивший собой, с одной стороны, начало русской одической традиции, а с другой — положивший начало новому русскому силлабо-тоническому стиху. Во многом именно такое положение ломоносовских од предопределило обилие отличающихся по методологии и при этом весьма продуктивных в научном отношении исследований оды. Не ставя себе задачи создания библиографического обзора литературоведческих работ об одах Ломоносова, попытаемся, опираясь на ряд репрезентативных исследований, проследить, к каким ракурсам рассмотрения одической поэзии Ломоносова обращались наиболее авторитетные ее исследователи и как менялся «облик» ломоносовской оды в зависимости от методологии и эпохи. Рассмотрим разнообразие подходов к ломоносовской оде как к литературному явлению на примере 10 исследований:

1. Мерзляков А. Разбор восьмой оды Ломоносова // Труды общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. М., 1817.

2. Покотилова О. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII-го и начала XVIII-го столетия // М. В. Ломоносов: Сб. статей / Под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1911.

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877 // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. СПб., 1995. С. 234.

3. Гречищева Е. Хвалебная ода в русской литературе XVIII века // М. В. Ломоносов: Сб. статей / Под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1911.
4. Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. М., 2000.
5. Гуковский Г. А. Ломоносов, Сумароков, школа Сумарокова // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001.
6. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. Теория литературы. Кино. М., 1977.
7. Бонди С. М. Третьяковский, Ломоносов, Сумароков // Третьяковский В. К. Стихотворения. Л., 1935.
8. Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. М.;Л., 1966 (глава III «Русская ода»).
9. Тарановский К. Ф. Из истории русского стиха XVIII в. Одическая строфа в поэзии Ломоносова // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000.
10. Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.

Круг вопросов, к которым обращались исследователи ломоносовской оды, представлен в таблице 1.

Условно было выделено 5 групп проблем: ИСТОРИЯ (историко-культурный контекст), СТИХ (стиховые показатели оды²), ТЕМА (круг вопросов, связанных с содержательной и сюжетной характеристиками оды), ЯЗЫК (особенности поэтического языка Ломоносова), ПРОЧЕЕ (то, что не попало в другие рубрики, главным образом, вопросы функционирования оды в литературной культуре XVIII столетия). Конечно, подобная классификация весьма условна: во-первых, спорным может показаться разделение вопросов формы (поэтического языка) и содержательных проблем (тематики и сюжета), когда речь идет о словесном искусстве; во-вторых, некоторые из выделенных проблем имеют отношение сразу к нескольким рубрикам. Так, например, «сопряжение далековатых идей»³ в ломоносовской оде может

² В этот раздел включены проблемы, описывающие базовые стиховые показатели текста — размер (включая ритмические формы) и строфическое строение. Пограничные вопросы (например, рифма, синтаксис в стихе и др.) отнесены к рубрике «ЯЗЫК».

³ О «сопращении далековатых идей» как о характернейшей из особенностей ломоносовского поэтического мышления писал Ю. Н. Тынянов: «Связь или столкновение слов “далеких” (по терминологии Ломоносова — “сопращение далековатых

Таблица 1

Затрагиваемые темы и проблемы		Мерзляков (1817)	Покотилова (1911)	Гречищева (1911)	Тынянов (1922)	Пумпянский (1924)	Гуковский (1927)	Бонди (1935)	Серман (1966)	Тарановский (1966)	Алексеева (2005)
ИСТОРИЯ (ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ)	ломоносовская ода и классицизм					+	+				
	развитие жанра торжественной (хвалебной) оды		+	+							+
	связь ломоносовской оды с традицией «школьной» поэзии XVII–первой половины XVIII в.		+								+
	ломоносовская ода как фактор европеизации и приобщения к античности					+					+
	ориентация ломоносовской оды на немецкую поэтическую культуру					+					+
	связь ломоносовской оды с одой второй половины XVIII в.			+	+						+
	Ломоносов и Сумароков				+		+				+
СТИХ	(4-стопный) ямб				+	+				+	+
	одическое 10-стишие				+	+				+	+
ТЕМА	государственная тема, географическое величие России	+		+		+		+			+
	панегирическая тема	+						+			
	умершие цари и царицы			+							
	Петр Великий			+		+					
	ликование народа			+							+
	природа			+		+					
	античная мифология		+	+		+					
	наука и развитие промышленности	+	+					+			
	публицистическое начало в оде, гражданский пафос			+				+			+
	общие места, «термины»		+	+		+					+
	«готовые представления» о действительности										+
восторг, порыв, исступление			+		+	+	+	+		+	

Продолжение табл. 1

Затрагиваемые темы и проблемы		Мерляков (1817)	Покотилова (1911)	Гречищева (1911)	Тынянов (1922)	Пумпянский (1924)	Гуковский (1927)	Бонди (1935)	Серман (1966)	Тарановский (1966)	Алексеева (2005)
ТЕМА	«лирический беспорядок», «парение», тематическая неоднородность оды						+	+			
	тематическое единство оды, «скрепляющие» повторы в оде			+					+		
	бессюжетность оды										+
	дистанция между изображением и действительностью, «универсальное знание» одописца										+
	система «персонажей» оды (в том числе одическое «я»)								+		+
	«круговое» строение, подвижная неподвижность										
ЯЗЫК	соответствие языка высокой тематике оды	+									
	сочетание несочетаемого в языке, «неточности» словоупотребления, «бессмыслица»	+						+	+		
	торжественность слога и его абстрактность						+				
	тропы (метафора, олицетворение, гиперболa и др.)			+		+	+	+	+		
	аллегория					+					
	поэтический синтаксис, периоды, фигуры речи (инверсии и др.)				+	+	+	+		+	
	фонетическая структура стиха, семасиологизация звуков и групп, звуковые метафоры, рифма				+	+					
	библейская стилистика								+		
	использование устойчивых образов древнерусской литературы								+		

Затрагиваемые темы и проблемы		Мерзляков (1817)	Покотилова (1911)	Гречищева (1911)	Тынянов (1922)	Пумпянский (1924)	Луковский (1927)	Бонди (1935)	Серман (1966)	Тарановский (1966)	Алексеева (2005)
ЯЗЫК	славянизмы						+	+	+		
	«идиллические» слова					+					
	подбор синонимов по стилистическим критериям								+		
	эмоциональность				+						
	начало наибольшего действия в каждое данное мгновение				+						
	начало словесного развития, развертывания				+						
	«сопряжение далековатых идей»				+						
	витийственная организация, конструирование под углом ораторского действия				+						
	усложненность, искусственность, разграничение между речью поэтической и речью обыденной, борьба с обычным значением слова в языке			+				+	+		
ПРОЧЕЕ	«бытование» оды (подношение, издание и т. д.)										+
	чистосердечность одизма					+					+
	неразделимость идеологии и поэтики в одах Ломоносова					+					+

ощущаться как на языковом уровне, так и на тематическом, тема «природа» предполагает не просто фиксацию определенных природных образов, но и художественные принципы изображения природы. В ряде случаев обозначенные проблемы не вполне

идей»; идея — слово в его конструктивной функции, слово развертываемое) создает образ» (Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр. С. 236). Любопытно, однако, что данное словосочетание (а тем более как термин) в трудах Ломоносова по риторике не встречается и принадлежит все же Тынянову, а не Ломоносову.

укладываются в ту или иную рубрику: например, «восторг» в некоторых трактовках является вовсе не темой, а «условием оды»⁴. Однако даже такая грубая, не учитывающая множества нюансов классификация все же представляется полезной, так как позволяет уловить различия в подходах к материалу у разных исследователей. Попробуем обобщить результаты анализа «востребованности» различных рубрик в конкретных исследованиях (см. табл. 2).

Таблица 2

	Больше всего представлено	Представлено в среднем объеме	Представлено слабо или вообще не представлено
ИСТОРИЯ	Пумпянский, Алексеева	Покотилова, Гречищева, Гуковский, Тынянов	Мерзляков, Бонди, Серман, Тарановский
СТИХ	Пумпянский, Тынянов, Тарановский, Алексеева		Мерзляков, Покотилова, Гречищева, Гуковский, Бонди, Серман
ТЕМА	Гречищева, Пумпянский, Бонди, Алексеева	Мерзляков, Покотилова, Гуковский, Серман	Тынянов, Тарановский
ЯЗЫК	Пумпянский, Гуковский, Тынянов, Бонди, Серман	Мерзляков, Гречищева, Тарановский	Покотилова, Алексеева

Работа А. Мерзлякова, в целом носящая характер критического сочинения, по вполне понятным причинам является «наименее проблемной» из всех представленных. Ее стиль не свободен от художественных принципов панегирических од Ломоносова, о которых идет речь в «Разборе»⁵. Ломоносовские оды, по Мерзлякову, «освящены печатю бессмертия»⁶ и при этом представляют собой некую идеальную, не устаревшую до времени первой трети XIX века языковую модель («И ныне можно

⁴ Алексеева Н. Ю. Русская ода. С. 190.

⁵ Ср., например, одну из первых фраз статьи: «Песнопевец, прославляющий добродетельную Монархиню, был громозвучным органом благодарных чувствований» (Мерзляков А. Ф. Разбор осьмой оды Ломоносова. С. 29).

⁶ Там же. С. 28.

еще сказать, что хорошо написанное сочинение написано языком Ломоносова»⁷). Соответственно, автору трудно «остраненно» посмотреть на оды Ломоносова, поскольку он сам находится в рамках торжественно-панегирической языковой стихии. Мерзляков характеризует оду Ломоносова вдохновенно и вместе с тем довольно-таки схематично, постепенно разбирая ее «содержание», «цель», «тон», «ход», «слог». В этих характеристиках «скрыты» многие подробно описанные позднейшими исследователями принципы ломоносовской оды. Так, например, характеризуя «тон» оды, Мерзляков пишет: «Он столько же тих и спокоен, как предмет, им описываемый, — совершенно приличен тому высокому Лицу, пред коим вещает Песнопевец»⁸ (здесь подчеркивается, с одной стороны, гармоничность формы и содержание ломоносовской оды, с другой — ораторское, витийственное начало, присущее ей). Характеризуя «ход» (композицию, лирический сюжет) оды, автор последовательно перелагает всю оду, используя прозаический парафраз. Так, например, первая строфа «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1747 года»:

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли —

предстает у Мерзлякова в следующем виде: «Благотворная тишина! Ты начало и источник всякого блага народного; вокруг тебя рассыпаны в изобилии все сокровища мира...»⁹ Переложив подобным образом оду целиком, автор статьи отмечает связность и удивительную гармоничность ломоносовских

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Там же. С. 56.

⁹ Там же. С. 58.

од: «Я не имел нужды прибавить ничего для соединения мыслей!.. Все связано, все благородно, все прекрасно!..»¹⁰ Говоря о слоге, Мерзляков выделяет ряд «неточностей» словоупотребления, заключающихся, главным образом, в употреблении «неверных» синонимов («тишина» вместо «мир», «лик» вместо «собор»), нарушении сочетаемости («ужасный чудными делами», «вопль Муз», «бисер, злато и порфира»), использовании «низких слов для Оды» («случай», «утеха», «помеха»)¹¹. Эти отмеченные Мерзляковым «неточности» словоупотребления являются одной из важнейших особенностей поэтического языка Ломоносова. По словам И. З. Сермана, обратившегося в 1966 году к критическому разбору Мерзлякова, «разобранный Мерзляковым пример замещения у Ломоносова частной идеей (тишина) — общей (мир) характерен для ломоносовского поэтически-эмоционального отношения к слову <...> Ломоносов свою поэзию строил на свойствах, самому слову присущих, на его поэтико-стилистических возможностях»¹².

Если Мерзляков в своем «разборе» не выходит за рамки ломоносовского текста, то в двух исследованиях начала XX века — работах О. Покотиловой и Е. Гречищевой — ломоносовская ода впервые¹³ оказывается поставленной в историко-литературный контекст. О. Покотилова пытается выявить источники тем и образов в ломоносовской оде и утверждает, что Ломоносов зачастую копирует приемы С. Полоцкого, Ф. Прокоповича и других «наследников» барочной культуры юго-западной Руси XVII–первой половины XVIII вв. В статье в теоретическом плане ставится проблема «общих мест» в культуре «готового слова»¹⁴: «Предшественники Ломоносова подготовили почву для его появления, — они создали жанр хвалебной оды, они определили ее характер, отчасти стиль; они наметили многие образы, с которыми Ломоносов не расстался впоследствии <...> Он, конечно,

¹⁰ Там же. С. 62.

¹¹ Там же. С. 78.

¹² *Серман И. З.* Поэтический стиль Ломоносова. С. 116–117.

¹³ См.: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. С. 183.

¹⁴ О теории «готового слова» см.: *Михайлов А. В.* Поэтика барокко и завершение риторической эпохи // *Михайлов А. В.* Языки культуры. М., 1997. С. 116–118.

не выискивал эти образы у своих предшественников — эти образы сами пришли к нему, как готовые “общие места”¹⁵. В работе Е. Гречищевой центральным оказывается анализ «посттекстов» ломоносовской оды, при этом сравнение Ломоносова с одописцами второй половины XVIII века опирается на детальную тематическую характеристику оды Ломоносова. Несмотря на то, что, в отличие от отчетливо исторической работы О. Покотиловой, исследование Е. Гречищевой содержит отдельные наблюдения над языком оды, показатель рубрики «ТЕМА» в нем среди анализируемых исследований один из самых больших. Сравнивая оду Ломоносова и оду конца XVIII века, Е. Гречищева отметила, что «уклонение от оды Ломоносова <...> произошло отчасти в стиле и особенно в содержании; и в том и в другом случае оно было в сторону сближения с жизнью»¹⁶.

Фундаментальные работы 20-х годов XX века (Ю. Н. Тынянова, Л. В. Пумпянского, Г. А. Гуковского) представляют собой исследование ломоносовской оды на качественно новом уровне.

В статье Ю. Н. Тынянова «Ода как ораторский жанр» (1922) представлен формальный анализ оды как «поэтического жанра с установкой на внепоэтический речевой ряд — витийство»¹⁷. Эта установка, по мнению Тынянова, повлекла за собой преобладание в одической поэзии Ломоносова «начала наибольшего действия в каждое данное мгновение»¹⁸. Для автора статьи важнейшее значение приобретает исследование языковой структуры оды (звукового, словесно-образного, синтаксического уровня) и ее рассмотрение в контексте теории и практики оды, а также литературной борьбы и литературной эволюции. Вопросы тематического наполнения оды в работе не освещаются (что вполне закономерно, учитывая избранный автором метод).

Наиболее разносторонним, всеобъемлющим и новаторским исследованием оды Ломоносова стала статья Л. В. Пумпянского «К истории русского классицизма» (1924). Из таблиц 1 и 2 видно,

¹⁵ Покотилова О. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII-го и начала XVIII-го столетия. С. 92.

¹⁶ Гречищева Е. Хвалебная ода в русской литературе XVIII века. С. 148.

¹⁷ Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр. С. 229.

¹⁸ Там же. С. 230.

что количественные показатели всех выделенных нами рубрик в статье Пумпянского весьма велики. Исследование Пумпянского является прекрасной иллюстрацией сформулированного им же тезиса о неразделимости идеологии и поэтики в одическом творчестве Ломоносова. В работе гармонично соединяются наблюдения над историей ломоносовской оды (безусловно, организующие всю статью в целом) с анализом стиха, тематики и языка. При этом особое внимание уделено первой оригинальной торжественной оде Ломоносова (Хотинской оде), создавшей «не только четырехстопный ямб, но и весь его метрический, синтаксический, фразеологический аппарат»¹⁹.

В историко-литературной работе Г. А. Гуковского «Ломоносов, Сумароков, школа Сумарокова», вошедшей в книгу «Русская поэзия XVIII века» (1927), сделан акцент не на историко-литературных вопросах становления и развития ломоносовской оды, а на анализе ее языка, характеризующего ломоносовскую поэтическую «систему» или ломоносовское «направление» в русской литературе XVIII века. Впрочем, Гуковский не оставляет в стороне некоторые историко-литературные вопросы (в частности, полемику Ломоносова и Сумарокова), рассмотрение которых было необходимо ему для аргументации теории «смены враждующих направлений» в русской поэзии первой половины XVIII века.

В статье С. М. Бонди «Третьяковский, Ломоносов, Сумароков» (1935), значительная часть которой посвящена одическому творчеству Ломоносова, речь идет о литературной позиции «российского Пиндара», его поэтическом самоопределении, выраженном в «Разговоре с Анакреоном»:

Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славной вечной
Я больше восхищен.

Хотя в статье можно обнаружить неизбежно присутствующую в работе 30-х гг. идеологическую характеристику литературных явлений, основной пафос работы в другом: показать

¹⁹ Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма. С. 52.

соответствие грандиозных тем торжественных од Ломоносова их пышному и усложненному языку и стилю. Отдельное внимание в статье уделено публицистическому началу одического творчества Ломоносова.

Книга И. З. Сермана «Поэтический стиль Ломоносова» (1966), как следует из названия, в первую очередь представляет собой исследование поэтического языка Ломоносова и в этом смысле продолжает традицию работ Тынянова, Гуковского и Пумпянского. В третьей главе книги («Русская ода») исследователь анализирует важнейший конструктивный признак ломоносовской оды — метафоризацию поэтического стиля²⁰. Помимо организующей роли метафоры в одах Ломоносова, Серман выявил еще один важнейший их признак — словесно-тематическое построение (развитие в оде 1–2 магистральных тем при помощи ряда повторяющихся «опорных» слов одного семантического поля)²¹.

Наиболее специальной из всех рассматриваемых нами исследований оказывается работа К. Ф. Тарановского «Из истории русского стиха XVIII в. Одическая строфа в поэзии Ломоносова» (1966), в которой ода Ломоносова рассмотрена исключительно со структурно-стиховедческой точки зрения. Исследователь задается вопросом о том, почему, применив в Хотинской оде строфу aBaVccDeeD, уже в своей следующей оде 1741 года Ломоносов вернулся к схеме AbAbCCdEEd, которой была написана его первая торжественная ода (перевод оды Фенелона, 1738), и оставался «ей верен до конца своей поэтической деятельности»²². Используя методику статистического анализа синтаксических пауз и диаграмм ударности женских и мужских строк одической строфы, Тарановский доказывает, что строфа AbAbCCdEEd, в отличие от строфы aBaVccDeeD, «крепко сшита», ее ритмическая структура «связана с поэтическим стилем его торжественной оды: тяжелые мужские строки

²⁰ Серман отмечал, что «переворот, произведенный Ломоносовым в русской поэзии, в ее стилистической природе, заключался в том, что он сделал метафору и метафоризацию образного строя од основным поэтическим принципом стиля оды» (Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. С. 103).

²¹ См.: Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. С. 118–128.

²² Тарановский К. Ф. Из истории русского стиха XVIII в. Одическая строфа в поэзии Ломоносова. С. 291.

в узловых местах строфы поддерживают монументальность всей структуры»²³.

Завершает наш обзор исследований ломоносовской оды книга Н. Ю. Алексеевой «Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках» (2005). В ней, как и в исследовании Пумпянского, используется комплексный подход к оде. В его основе лежит «понимание оды как поэтической речи, строфически организованной, сама же строфическая форма оды представляется нерасторжимо связанной с ее внутренней формой — лирическим выражением»²⁴. Следуя такому широкому пониманию формы оды, Н. Ю. Алексеева рассматривает русскую оду в историческом ракурсе, показывая, что становление жанра торжественной оды и реформа русского стиха были, по сути, единым процессом, завершившимся «Одой на взятие Хотина»: «Именно в Хотинской оде оставленное Тредиаковским неразрешенным противоречие между новым стихом и новой лирикой было совершенно преодолено <...> Совершенный Ломоносовым в 1739 году переход к силлаботонической оде, закрепленный им затем в одах петербургского периода, можно назвать не только вторичной реформой русского стиха, но и завершением реформы русской лирики»²⁵. В работе Н. Ю. Алексеевой освещаются самые разнообразные вопросы истории оды, ее тематического наполнения, характеристики стиха, вопросы бытования (правда, практически отсутствуют проблемы, объединенные в рубрике «ЯЗЫК»).

Анализ 10 исследований, посвященных одической поэзии М. В. Ломоносова, демонстрирует их крайнюю неоднородность, причем эта неоднородность проявляется на нескольких уровнях.

1. Работы Мерзлякова, Покотиловой и Гречищевой можно охарактеризовать как «подготовительные»: во-первых, они уступают классическим работам XX века по количественным показателям (в табл. 2 в левом столбце только один раз упомянута статья Гречищевой), во-вторых, они отличаются меньшей, в сравнении с позднейшими исследованиями, концептуальностью.

²³ Там же. С. 297.

²⁴ Алексеева Н. Ю. Русская ода. С. 31.

²⁵ Там же. С. 171–172.

Вместе с тем, большинство важнейших узловых вопросов проблематики и поэтики ломоносовской оды были поставлены именно в этих работах. Неслучайно исследование почти всех проблем, обозначенных в них, было продолжено в «более зрелых» работах XX и начала XXI в. (это видно из табл. 1).

2. Все проанализированные нами базовые работы об одах Ломоносова различаются как своей доминантой, так и «валентностью» — способностью работы соединить различные ракурсы рассмотрения материала. На наших примерах выявляется, что наибольшей валентностью обладают исследования, рассматривающие предмет в широком историко-литературном контексте (Пумпянский и Алексеева), наименьшей — стиховедческие исследования (Тарановский). Достаточно велика валентность и формального анализа (Тынянов), здесь, правда, обнаруживается любопытная тенденция: чем более последовательно выдержаны принципы формального анализа, тем меньше в работе рассматривается вопросов рубрики «ТЕМА» (ср. соотношение рубрик «ЯЗЫК» и «ТЕМА» в исследованиях Тынянова, Гуковского, Сермана). Наконец, следует отметить, что во многом валентность того или иного исследования определяет эпоха, в которую оно было создано. Так, например, несмотря на весьма широкий круг проблем, рассматриваемых в работе Н. Ю. Алексеевой, в ней парадоксальным образом почти нет наблюдений над языком ломоносовской оды. Представляется, что это связано с тем обстоятельством, что язык и стиль од Ломоносова (согласно нашим подсчетам, одна из самых «популярных» исследовательских проблем) к моменту появления работы Н. Ю. Алексеевой были исследованы уже в достаточной мере, в то время как проблемы истории оды и взаимосвязей ее внешней (стиховой) и внутренней²⁶ формы затрагивались предшественниками Н. Ю. Алексеевой в гораздо меньшей мере.

3. Рассмотренные исследования по наличию в них проблем, относящихся к рубрике «ИСТОРИЯ», можно условно разделить на две большие группы: «внеисторические» (работы Мерзлякова,

²⁶ Характеристики «внутренней формы» ломоносовской оды, выявленные Н. Ю. Алексеевой, при неизбежном огрублении этого понятия (для возможности сопоставления данных) в нашем анализе оказались включены в рубрику «ТЕМА».

Бонди, Сермана и Тарановского) и «исторические» (работы Покотиловой, Гречищевой, Тынянова, Гуковского, Пумпянского, Алексеевой). «Внеисторические» работы не учитывают либо почти не учитывают исторического контекста ломоносовской оды, сосредотачиваясь на других проблемах: Мерзляков — на «ТЕМЕ», Бонди и Серман — на соединении «ЯЗЫКА» и «ТЕМЫ», Тарановский — на «СТИХЕ». Исторические работы демонстрируют различные варианты сочетаемости историко-литературного анализа с тематическим анализом и анализом поэтики текста. В исследованиях Покотиловой и Гречищевой соединяются «ИСТОРИЯ» и «ТЕМА». Отдельные, разрозненные наблюдения над языком есть уже в работе Гречищевой, но наиболее отчетливо связь «ИСТОРИИ» и «ЯЗЫКА» была показана Тыняновым, использовавшим исторический подход к художественному языку. При этом Тынянов отказывается от тематической характеристики ломоносовской оды. Наконец, отчасти в работах Гуковского, а особенно в исследованиях Пумпянского и Алексеевой были соединены историко-литературные изыскания, тематический анализ и наблюдения над внешней формой оды. Таким образом, оказывается, что именно в исторических работах о ломоносовской оде намечается путь к целостному анализу жанра²⁷. Говоря о категории произведения и о становлении понятия «художественная целостность», М. М. Гиршман отмечал, что *жанр* в эпоху классицизма есть некий эквивалент *произведения* в последующие эпохи; жанр в XVIII веке, по словам исследователя, «не просто схематичная норма и свод правил, а прежде всего определенный тип единства слова и внесловесной социально-культурной жизнедеятельности»²⁸. Вполне закономерно, что исследования, в центре которых находится осмысление такого единства внутри жанра ломоносовской оды, оказываются наиболее продуктивными.

²⁷ Любопытно, что выявленная нами тенденция абсолютно не укладывается в популярное в настоящее время представление о прогрессирующем кризисе так называемого «традиционного» литературоведения, связанного прежде всего с историко-литературным подходом. См. об этом, в частности, подборку статей, опубликованную в специальном выпуске журнала «Новое литературное обозрение» (№ 59 за 2003 г.).

²⁸ Гиршман М. М. Литературное произведение. Теория художественной целостности. М., 2007. С. 20.

Сергей Святославович Волков

Институт лингвистических исследований РАН/
Санкт-Петербургский государственный университет

Куда приводят нас «врата учености»?

Устойчивое словосочетание *врата учености*, казалось бы, всем знакомо и понятно. Знакомая со школьной скамьи, эта перифраза обычно (подчеркнем *обычно*, так как на современном употреблении остановимся ниже) используется как совокупное название двух старопечатных изданий XVII–XVIII века: «Грамматики Славенския правльное Синтаagma» М. Смотрицкого (1619) и «Арифметики, сиречь наука числительная с разных диалектов на славенский язык переведеная и во едино собрана, и на две книги разделена» Л. Ф. Магницкого (1703).

В общественном сознании — и современном, и историческом — выражение **врата учености** традиционно связано с именем М. В. Ломоносова. Примеров этому много, в том числе из современной прессы: «До конца XVIII столетия этот труд [“Арифметика” Л. Магницкого. — С. В.] был главным учебным пособием для обучения российских инженеров и корабелов. По нему учился М. В. Ломоносов, называвший книгу “вратами своей учености”»¹. В книге историка О. А. Хазина о Пажеском корпусе находим (речь идет о первых учебных заведениях России, в том числе о Навигацкой школе в Москве и Л. Ф. Магницком): «В 1703 г. Л. Ф. Магницким была издана “Арифметика” — первый русский курс математики, которую М. В. Ломоносов впоследствии назвал наряду с “Грамматикой” М. Смотрицкого “вратами учености”»².

Таким образом, «врата учености» — образное выражение, авторский фразеологизм, ходячая цитата, языковой афоризм или т. н. крылатое слово — устойчивый фразеологизм образного

¹ Виноградова Н. Врата российской учености // Невское время. 15.01.2004. http://www.nvspb.ru/stories/vrata_rossijskoj_uchenosti#discussion

² Хазин О. А. Пажи, кадеты, юнкера: Исторический очерк: (К 200-летию Пажеского Его Императорского Величества корпуса). М., 2005. С. 12.

или афористического характера, вошедший в лексику литературного языка из конкретных исторических либо литературных источников и получивший широкое распространение благодаря или авторитету автора, или особой экспрессии. Материал показывает, что ближайшим контекстным окружением этого устойчивого словосочетания являются характерные для научного стиля речи предикативные идентификаторы (обычно их называют «типовая конструкция ввода») типа *Ломоносов называл, по словам Ломоносова, как говорил Ломоносов*, четко указывающие на авторство Ломоносова.

Материалы электронного конкорданса текстов М. В. Ломоносова, созданного в ИЛИ РАН на базе полного академического собрания сочинений М. В. Ломоносова в 11 томах, позволяют достоверно установить, что такое словосочетание в текстах Ломоносова **отсутствует**. Отсутствует это словосочетание (то есть, собственно говоря, его «переводческие эквиваленты» со словами **porta** и **janua** — как в конкретно-фактическом, так и образно-поэтическом значении) и в текстах на латинском языке.

Объяснение того факта, что выражение *врата учености* не характерно для языка Ломоносова, мы оживаем благодаря лингвистическому анализу данных его идиолекта. Теперь это стало возможно благодаря электронному корпусу текстов М. В. Ломоносова, подготовленному в Институте лингвистических исследований РАН. Во-первых, слово **врата** — не самое частотное в текстах Ломоносова (всего 26 словоупотреблений). Во-вторых, это слово высокого штиля и преимущественно принадлежит поэтическим текстам М. В. Ломоносова (около 97%). Эти употребления формируют две основные семантические группы:

а) прямые номинативные употребления (10 случаев из 26, т. е. 38%), см., например:

Перед Берлинскими **вратами**
Победы нашей дайте звук³;

³ *Ломоносов М. В.* Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественный праздник Тезоименитства Ея Величества сентября 5 дня 1759 года

б) образные употребления (всего 11 употреблений, т. е. 42%), реализующиеся только в сочетаниях с глаголами, объединенными общим семантическим элементом 'открыть': *отверзнуть, отомкнуть, отворить*, например,

Врата для подвигов торжественных отверсты⁴.

Добавим сюда 4 употребления слова **врата** в составе устойчивого словосочетания **торжественные врата** — и картина жизни слова в идиолекте М. В. Ломоносова завершена. В-третьих, для идиолекта Ломоносова не характерны сочетания, созданные по модели существительное врата + существительное (типа *врата ада, врата смерти, врата рая*), более того, нет сочетаний, созданных по модели существительное врата + абстрактное существительное. Есть только одно исключение — **отмкнуть врата войны** в одном из первых образцов торжественной оды Ломоносова (1741):

Мутятся смежны нам брега,
Стокгольм, подобным пьянством шумен,
Уязвлен злобой, стал безумен,
Отмкнуть велит войны врата⁵

(ср. *belli portae* в «Энеиде» Вергилия (Aen. I 294)). Делая такие выводы, следует, однако, принять к сведению один весьма важный факт. Модель существительное врата + абстрактное существительное в словоупотреблении Ломоносова могла испытывать сильное влияние латинского выражения **janua linguarum**, известного М. В. Ломоносову благодаря книге чешского педагога Я. А. Коменского («*Janua linguarum reserata*», 1631).

Анализ материалов «Картотеки “Словаря русского языка XVIII века”» и электронного корпуса В. К. Тредиаковского

и на преславных Ея победы, одержанныя над королем Прусским нынешняго 1759 года // *Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. М.; Л., 1959. С. 652.*

⁴ *Ломоносов М. В. Петр Великий. Героическая поэма // Там же. С. 729.*

⁵ *Ломоносов М. В. «Первые трофеи Его Величества Иоанна III, Императора и Самодержца Всероссийскаго, чрез преславную над Шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финландии» // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. М.; Л., 1959. С. 43.*

показывает, что модели словосочетания существительное + существительное, существительное + абстрактное существительное вообще не характерны для языка первой половины XVIII века. Более продуктивны адъективные словосочетания типа *торжественные, триумфальные врата; городовые, широкие врата*, ср., например, у В. К. Тредиаковского:

Отверзла путь, торжественны врата,
К Полтавским тем полям сия победа⁶.

Одна из универсалий развития языка того периода, по-видимому, проявляется в том, что сочетания существительное + существительное входят в употребление только на рубеже 70-х годов XVIII столетия, см., например, *врата просвещения* (М. И. Афонин, «Слово о хлебопашестве», 1771) или *врата храбрости* (С. Г. Зыбелин, «Слово о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте», 1773). Заметим, что в «Картотеке “Словаря русского языка XVIII века”», подготовленной весьма опытными выборщиками (экспертная выборка), словосочетание *врата учености* отсутствует.

Выражение *врата учености* отсутствует во всех авторитетных словарях русского языка, составленных в XIX–XX веках. Оно не включено в словник «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 года, хотя, как мы знаем, главный редактор словаря А. Х. Востоков испытывал глубочайший пиетет к М. В. Ломоносову и считал его тексты образцом русского нормативного словоупотребления. Этого выражения нет в «Словаре русского языка» под редакцией Я. К. Грота, хотя составители в качестве иллюстративного материала к заголовочному слову *врата* использовали, например, цитату из трагедии М. В. Ломоносова «Тамира и Селим». Это выражение не представлено даже в одном из самых авторитетных и фундаментальных справочников по русской афористике и крылатике, в том числе и в довольно полном (около 5000 заголовочных единиц) «Энциклопедическом словаре крылатых слов» В. В. Серова (М., 2003).

⁶ Тредиаковский В. К. Оды похвальные. Ода IV. Похвала Ижорской земле // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 180.

Кто же является автором этого выражения? Кто, так сказать, запустил его в употребление от имени Ломоносова? Первое упоминание на авторство находим в статье К. Н. Батюшкова «О характере Ломоносова», впервые напечатанной в журнале «Вестник Европы» в 1816 году. Батюшков пишет следующее:

«По краткой биографии, напечатанной при сочинениях Ломоносова, мы теснее знакомимся с поэтом, когда он покидает родину свою. Самое юношество необыкновенного человека любопытно; каждое обстоятельство, каждая подробность драгоценны. Конечно, Ломоносов в откровенной беседе ближних и друзей любил рассказывать им первые свои печали и наслаждения; с каким восхищением он певал на кривоше священные песни и пожирал духовные книги! С каким усилием он промыслил славенскую грамматику и арифметику: *врата учености своей!*»⁷

Это пока первое употребление выражения *врата учености* в литературном языке XIX века, которое удалось обнаружить. Кроме того, Батюшков ясно указывает на источник выражения: это т. н. Академическое собрание сочинений Ломоносова 1784–1787 гг. в 6 частях, которое, как известно, включает биографию Ломоносова.

«Академическая» биография М. В. Ломоносова была написана по поручению кн. Е. Р. Дашковой членом-корреспондентом Императорской Академии наук, членом Российской академии, педагогом, драматургом, переводчиком, энергичным культуртрегером М. И. Веревкиным. Действительно, в этой биографии на странице 4, в примечании к основному тексту «Простой арифметике он выучился сам собой» говорится следующее:

«В доме Христофора Дудина увидел он в первый раз недуховные книги. То была старинная славенская грамматика и арифметика, напечатанная в Петербурге <...> Неотступные и усиленные просьбы, чтоб старик Дудин [холмогорский священник. — С. В.] судил его ими на несколько дней, оставались всегда тщетными. Отрок, пылающий ревностью к учению, долгое время умышленно угождая трем

⁷ Батюшков К. Н. О характере Ломоносова // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 32.

стариковским сыновьям, довел их до того, что выдали они ему сии книги. От сего времени не расставался он с ними никогда <...> Сам потом называл их *вратами своей учености*⁸.

Таким образом, можно установить более точную «дату рождения» выражения *врата учености* — это середина 80-х годов XVIII века.

Не будем анализировать достоинства и недостатки биографии Ломоносова, написанной М. И. Вережкиным, тем более, что это уже сделано до нас в статье Д. С. Бабкина «Биографии Ломоносова, составленные его современниками»⁹ (1946) и статье В. М. Живова «Первые русские литературные биографии: Ломоносов»¹⁰. Важно то, что биография Ломоносова, написанная М. И. Вережкиным, — это не научная биография (жизнеописание). Это биография литературная, по словам Б. В. Томашевского, «вольное авторское произведение». Приятно согласиться со справедливой оценкой В. М. Живова, что эта биография создана в высокой степени мифологизированной историей литературы и что элементы мифа так или иначе просматриваются во всех биографиях Ломоносова, написанных в XVIII веке¹¹. К сказанному необходимо сделать несколько дополнений: 1) нет сведений о личных встречах и беседах Ломоносова и Вережкина (хотя такие встречи могли произойти, предположим, в январе 1760 года в Петербурге); 2) Ю. В. Стенник в очерке о М. И. Вережкине указывает, что, «работая над биографией [Ломоносова. — С. В.], Вережкин установил много новых фактов, тщательно проверив сведения других биографов — Я. Я. Штелина, Н. И. Новикова и Д. Е. Семенова- Руднева (Дамаскина). Письма Вережкина к Дамаскину, Е. Р. Дашковой, И. И. Мелиссино, О. П. Козодавлеву содержат

⁸ Цит. по: М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников / Сост. Г. Е. Павлова. М.; Л., 1962. С. 43.

⁹ Бабкин Д. С. Биографии Ломоносова, составленные его современниками // Ломоносов: Сб. статей и материалов. Т. 2. М.; Л., 1946. С. 27–30.

¹⁰ Живов В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Третьяков-ский, Ломоносов, Сумароков // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 558–631.

¹¹ Там же. С. 585, 586.

указания на источники его данных»¹². Пусть так, но известный историк и краевед Петербурга, знаток петербургской старины М. И. Пыляев включил очерк о Веревкине в книгу «Замечательные чудачки и оригиналы», раздел «Замечательные скупцы, неряхи и вруны».

Запущенное М. И. Веревкиным выражение стало народным и приобрело особую выразительную силу, превратившись в символ глубокого уважения к национальной книжной культуре. Более того, оно оказалось умело адаптированным к личности Ломоносова. Это культурно-языковое «приобщение» настолько глубоко, что в некоторых современных текстах повествование от 3-го лица (см. пример выше) заменяется повествованием от лица самого М. В. Ломоносова, например: «Как свеча я теплился перед старым идолом Дудиным, — рассказывал сам Ломоносов. — Помер, а не дал. В воду я совался ради этих книг перед наследниками Дудинами и, наконец, получил в вечное владение. “Арифметика” Магницкого и “Грамматика” Смотрицкого суть врата моей [разрядка наша. — С. В.] учености»¹³.

¹² Веревкин М. И. // Словарь русских писателей XVIII века / Отв. ред. А. М. Панченко. Вып. 1. Л., 1988. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=615>

¹³ <http://virtmuseum.aonb.ru/z6.html#vrata>

Светлана Алексеевна Салова

Башкирский

государственный

университет (г. Уфа)

**Французские «собеседники» М. В. Ломоносова
в его «Разговоре с Анакреоном»**

В современных теоретических представлениях об анакреонтике как особом мотивно-тематическом комплексе традиционно делается акцент на каноническом для данного жанра воспевании любви, вина и женской красоты. Обозначенную общую тенденцию как нельзя лучше отражает, к примеру, «Литературный энциклопедический словарь», ограничивающий топику анакреонтической поэзии следующей номенклатурой основных мотивов: «земные радости, вино, любовь, реже — политич. свободолюбие»¹. Вполне закономерно поэтому, что и в существующей научной литературе о русской анакреонтике в центре обсуждения оказывается преимущественно лишь ее гедонистическая или поэтологическая проблематика. Между тем в идейно-смысловом плане лирические миниатюры, относящиеся к данной поэтической традиции, представляют собой гораздо более сложную, чем обычно считается, многослойную формально-содержательную структуру, в границах и контекстуальном пространстве которой семантизируется не только антитеза гражданской и любовной лирики. Весьма показательным в этом отношении представляется хрестоматийный стихотворный цикл М. В. Ломоносова «Разговор с Анакреоном», где, помимо уже названных выше предикатов темы, с не меньшей отчетливостью проступает также корреляция геронтологических и танатологических мотивов. Их взаимодействие изначально являлось одним из важнейших жанрообразующих факторов для разветвленной поэтической традиции, осененной именем легендарного старца Анакреонта. Вместе с тем творческая рецепция его поэтической и бытовой личности в литературе

¹ Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 23.

Нового времени на разных этапах ее развития в значительной мере обуславливалась также многовековым опытом философского морализаторства о культурных моделях жизненного поведения человека в преклонном возрасте. Важнейшими элементами в парадигматическом и линейном контексте, оказавшем заметное воздействие на выработку у Ломоносова собственного представления об Анакреонте, стали философские сочинения известнейших французских мыслителей XVII века Б. де Фонтенеля, Ж. де Лабрюйера и Ф. де Ларошфуко.

Нам уже приходилось писать о контекстуальной связи стихотворного цикла Ломоносова «Разговор с Анакреоном» с несколькими диалогами Фонтенеля, которые вошли в состав его раннего философского сочинения «Диалоги мертвых древних и новейших лиц», впервые опубликованного в 1683 году². Речь идет прежде всего о фонтенелевском диалоге «Анакреонт, Аристотель» и его возможном влиянии на компоновку материала во втором фрагменте программного стихотворения Ломоносова. Французский мыслитель живописал там полемику между «сочинителем песенок» и «славным философом» вокруг знаменитого аристотелевского постулата «поэзия философичнее истории». Глубинной сутью разногласий между оппонентами стала претензия каждого из них на титул мудреца.

Аристотель возмущен и почти оскорблен тем, что в этот статус возведен легкомысленный «сочинитель песенок», не скрывающий, что он «только и делал, что пил, пел и влюблялся»³. Защищая корпоративную честь, глубокомысленный философ не скрывает своей иронии в адрес ловкача, избравшего столь «спокойный путь к мудрости»:

«Нужно было быть очень ловким человеком, чтобы достичь большей славы с вашей лютней и вашей бутылкой, чем самые великие люди достигают бессонными ночами и исследованиями»⁴.

Откликаясь на нападки раздраженного Аристотеля, фонтенелевский Анакреонт попытался перевести спор в миролюбивую

² См.: Салова С. А. Утро русской анакреонтики. А. Д. Кантемир. М. В. Ломоносов. А. П. Сумароков. М., 2005. С. 109–123.

³ Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. М., 1979. С. 27.

⁴ Там же.

тональность, собственным примером продемонстрировав образцовую модель истинно эпикурейского поведения, обозначаемого у древних термином «атараксия» (невозмутимость мудреца). Ее реализация в жизненной практике доступна лишь тем, кто восторжествовал над своими страстями, сумев обуздать, укротить их:

«Вам кажется, что вы меня поддели; но уверяю вас, куда труднее пить и петь, как пил и пел я, чем философствовать так, как вы. Чтобы пить и петь, как я это делал, нужно было освободить свою душу от неудержимых страстей, перестать стремиться к тому, что от нас не зависит, настроиться на такой лад, чтобы в любое время спокойно встретить свой час, когда он пробьет: короче говоря, прежде всего надо было кое-что в себе упорядочить»⁵.

Весьма знаменательно, что, обосновывая свое право носить титул философа, в желании продемонстрировать органичную философичность своей поэзии, фонтенелевский Анакреонт сослался именно на ту оду, которой Ломоносов открыл второй агон своего стихотворного поединка с древним песнопевцем. С учетом данного обстоятельства подобный выбор русского переводчика выглядит далеко не случайным.

Отчетливый параллелизм образов Анакреонта у Фонтенеля и Ломоносова за отсутствием у нас достоверных фактов, свидетельствующих о знакомстве русского поэта с сочинениями французского мыслителя, должен быть отнесен к разряду типологических, хотя не следует исключать полностью и наличие здесь связи через заимствование. В подобных случаях мы сочли целесообразным руководствоваться методологическими установками, четко сформулированными Л. И. Вольперт в монографии об игровом поведении А. С. Пушкина: «Учет литературных ассоциаций, возникающих в сознании писателя, сложен и не всегда поддается точной документации. Наряду с бесспорно установленными воздействиями, существуют легкие переключки мысли, часто подсознательные и трудно уловимые. Не учитывать их только потому, что мы не располагаем точными

⁵ Там же. С. 27–28.

документами, означало бы, как нам представляется, сознательно идти на утраты»⁶. Но вернемся к Ломоносову и его сходству с Фонтенелем.

Тематическое ядро оды XXIII из анакреонтеи образовали горестные ламентации лирического субъекта о роковой неотвратимости смерти, от которой нельзя откупиться никакими сокровищами. Условный автор стихотворения пытается преодолеть тоскливый ужас, объемлющий человека при мысли о неизбежном финале его земного существования. На излете жизни, в стремлении убежать от мучительных раздумий о неминуемой смерти:

На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог⁷,

он ищет забвения в наслаждениях и мечтает безмятежно предаваться удовольствиям в общении с друзьями и возлюбленными:

Не лучшель без терзанья
С приятельми гулять
И нежны въздыханья
К любезной посылать? (762).

Создавая собственный авторский образ Анакреонта, Ломоносов оригинально использовал и ту аргументацию, которую Фонтенель развернул в диалоге «Сенека, Скаррон». Со свойственной ему блистательной иронией французский философ смоделировал там тип мышления, особенности мироощущения и самооценки создателя бурлескной поэзии, субъективно ощущающего себя последовательным приверженцем стоической философии. Подобное парадоксальное сближение жизненных позиций Скаррона и Сенеки заставило последнего объяснить четкую разницу между двумя типами мудрецов: теми, чья мудрость проистекает от разума, и теми, кто мудр исключительно в силу своего темперамента. Ироническую сентенцию фонтенелевского Сенеки:

⁶ Вольперт Л. И. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. М., 1998. С. 14.

⁷ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 762. Далее страницы этого издания указываются в скобках после цитаты.

«Забавные это мудрецы — те, кто мудр благодаря своему темпераменту»⁸ —

Ломоносов, по всей вероятности, воспринял как основополагающий критерий в собственной рецепции личности и поэзии «забавного мудреца» Анакреонта.

Подобно Фонтенелю, русский поэт использовал в «Разговоре с Анакреоном» риторический прием соположения по контрасту, едва ли не главное функциональное назначение которого состояло в актуализации культурно-исторической оппозиции «эпикурейское — стоическое». Заметим попутно, что современная Фонтенелю французская философская мысль XVII века (прежде всего в лице тонкого моралиста-психолога Ж. де Лабрюйера и остроумного скептика герцога Ф. де Ларошфуко) уже неоднократно подвергала критической ревизии укоренившиеся представления о стоицизме вообще и его отдельных апологетах в частности. Не исключено, что Ломоносов был знаком с их высказываниями по этому поводу. В пользу данного предположения можно привести несколько косвенных аргументов. Историк французской переводной книги И. Е. Баренбаум утверждает, что во второй половине XVIII века русский читатель был уже достаточно хорошо знаком с философскими сочинениями новейших французских мыслителей. Об этом свидетельствует, в частности, изданная в 1763 году «Энциклопедия, или Собрание нравоучительных мыслей и разсуждений о разных материях, сочиненная по алфавиту». Переведенная Иваном Приклонским и «выдержанная в духе христианского гуманизма», эта книга «пестрит ссылками на Монтеня, Лабрюйера, Ларошфуко, Беллегарда, Бэкона, Спинозу, Эпиктета, Сенеку, Марка Аврелия и других писателей-моралистов»⁹. Однако, учитывая, что Ломоносов владел французским языком настолько, что еще в студенческие годы читал в оригинале и пытался переводить роман Фенелона «*Les aventures de Telemaque*», высока вероятность его столь же раннего знакомства и с сочинениями интересующих нас французских философов.

⁸ Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. С. 47.

⁹ Баренбаум И. Е. Французская переводная книга в России в XVIII веке. М., 2006. С. 372.

Многозначительную параллель к ломоносовскому пассажию о Сенеке, предъявлявшем явно завышенные требования к человеку:

Он правила сложил
Не в силу человеку
И кто по оным жил? (763) —

представляет, на наш взгляд, весьма красноречивая оценка стоической философии, которую дал Лабрюйер в своей знаменитой книге «Характеры, или Нравы нынешнего века». Во фрагменте 3 главы XI «О человеке» он безжалостно развенчал тот идеал мудрого человека, который был создан приверженцами стоицизма и существовал исключительно в их пылком воображении:

«Стоицизм — это пустая игра ума, выдумка, столь же неосуществимая, как и государство Платона. Стоики уверяют, будто можно смеяться над своей бедностью; быть равнодушным к обидам, неблагодарности, утрате житейских благ, потере родных и друзей; хладнокровно смотреть смерти в лицо, словно это — пустяк, не стоящий ни радости, ни скорби; противостоять как наслаждению, так и боли... Измыслив такой образец добродетели и постоянства, стоики соизволили наречь его мудрецом, они не попытались исправить пороки, подмеченные ими в человеке, не обличили почти ни одной его слабости. Вместо того, чтобы нарисовать картину его отталкивающих или смешных недостатков и тем самым способствовать его исправлению, они начертали пред ним недостижимый идеал совершенства и героизма и призвали его стремиться к невозможному»¹⁰.

Справедливости ради отметим, что взгляд Ломоносова на этику стоицизма и возможности ее реализации в человеческой практике не был столь же радикально скептическим, как у Лабрюйера.

Если во втором ответе Анакреонту Ломоносов противопоставил его Сенеке, то в своей третьей по счету ответной реплике антиподом легендарного песнопевца автор «Разговора»

¹⁰ Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. М., 2001. С. 434–435.

сделал другого «разумного мудреца» — Катона Младшего, прозванного Утическим. Фигура этого исторического деятеля древнего Рима, традиционно репрезентировавшая высокую, героическую модель стоического поведения, обрела в культурном сознании почти эмблематическую знаковость и стала восприниматься в качестве эталона непоколебимой верности убеждениям. На первый, поверхностный взгляд, Ломоносов решительно поддержал инерцию подобного восприятия и потому противопоставил сурового римлянина с твердой гражданской позицией и энергической готовностью отстаивать ее до конца расслабленному, изнеженному Анакреонту. Однако в таком случае остается не до конца понятной и проясненной художественная логика поэта, который в финальном двустишии третьего фрагмента «Разговора с Анакреоном» неожиданно отказался однозначно оценивать жизненные позиции каждой из соположенных исторических персон:

Несходства чудны вдруг и сходства понял я.
Умнее кто из вас, другой будь в том судья (764).

Кто же был тот «другой», к чьему авторитетному мнению Ломоносов, по-видимому, прислушался и кому фактически передоверил право исторического суда над двумя античными мудрецами? Есть основания полагать, что этим «другим» был герцог Ларошфуко. Симптоматично, что в его «Размышлениях на разные темы» имя Катона упоминается неоднократно.

В главе 7 «О примерах» и главе 14 «О созданных природой и судьбой образцах» названного выше сочинения Ларошфуко скептически рассуждает об «одинаково печальных последствиях», к которым приводит желание обыкновенных людей подражать историческим личностям, независимо от хорошей или дурной репутации последних:

«Хотя хорошие примеры весьма отличны от дурных, все же, если подумать, то видишь, что и те, и другие почти всегда приводят к одинаково печальным последствиям»¹¹.

¹¹ Ларошфуко Ф. де. Максимумы. Мемуары. М., 2003. С. 141.

С этих позиций французский моралист подвергает нелицеприятной критике, в частности, и поведение республиканца Катона. По его мнению, «сурово замкнувшийся в приверженности к установлениям Рима и обоготворявший свободу»¹², тот породил своим примером множество столь же «несносных упрямцев»:

«Сколько несносных философов создал Диоген, краснобаев — Цицерон, <...> упрямцев — Катон!»¹³

Заметим попутно, что, несмотря на скептические нотки, звучащие в этой оценке, Ларошфуко считает Катона «образцом совершенного гражданина». Что касается Ломоносова, то в «Разговоре с Анакреоном» он предложил, казалось бы, диаметрально противоположную трактовку гражданского поведения непреклонного республиканца, чей образ предстал апофеозом «упрямки славной», определившей его героическую «судьбину»:

Упрямка славная была ему судьбина (764).

На фоне отмеченного выше единодушия в признании Катона «упрямцем» известная разница оценок выглядит особенно выразительной и знаменательной. Однако продолжим прерванную цитату из Ларошфуко:

«Эти великие образцы породили бесчисленное множество дурных копий. Добродетели граничат с пороками, а примеры — это проводники, которые часто сбивают нас с правильной дороги, ибо мы сами так склонны заблуждаться, что в разной степени прибегаем к ним и для того, чтобы сойти со стези добродетели, и для того, чтобы на нее встать»¹⁴.

Если допустить знакомство Ломоносова с сочинениями Ларошфуко, открывается возможность предположить, что скепсис французского философа все же «задел за живое» русского поэта и имплицитно, но достаточно внятно сказался на его

¹² Там же. С. 166.

¹³ Там же. С. 141.

¹⁴ Там же. С. 141–142.

усложненной оценке Катона, чья «упрямка славная» была поставлена в отношения корреляции с «угрюмством», которым «в Рим не возвращен покой» (764). Аналогичным образом отозвалась она и в оставшемся открытом авторском отношении к этической позиции Анакреонта как бытовой и поэтической личности. Уже цитировавшиеся выше суждения Ларошфуко о примерах для подражания представляют в этой связи специальный интерес. Поясним нашу мысль подробнее.

Общеизвестно, что практика художественного перевода в России XVIII века наряду с информационной, культурно-просветительской преследовала также культурно-моделирующие цели и предполагала трансплантацию на русскую почву новоевропейских нравственно-поведенческих стереотипов и эталонов. Яркий пример тому — переведенный В. К. Третьяковским роман Поля Тальмана «Езда в остров Любви», предназначенный стать для молодых россиян своеобразной грамматикой любви. Не вызывает сомнения, что основоположники новой русской литературы отчетливо сознавали: экспансия в пространство тогдашней литературы и культуры (относимой специалистами к типу риторическому, или традиционалистскому) переводов, переложений или стилизаций модной в Европе анакреонтической поэзии неизбежно повлечет за собой появление «предписанных» жанром определенных моделей поведения, которые будут усваиваться в том числе и людьми преклонного возраста. В сложившейся социокультурной ситуации особенно востребованными должны были стать те нравственно-философские сочинения, авторы которых сосредоточенно размышляли о критериях приличия, которым должен соответствовать образ жизни людей на склоне лет.

Развернутое представление о достойном, приличном для старца препровождении времени дал еще Цицерон в своем знаменитом диалоге «Катон Старший [или] о старости». Его главный герой, 84-летний Марк Порций Катон Цензорий (Старший), рекомендовал заслуженным государственным мужам вести размеренный образ жизни, проводить досуг в общении с узким кругом давних друзей, заниматься творческой деятельностью, изучать древние языки, возделывать виноградники. Особый интерес представляет для нас тот фрагмент, в котором суровый

римлянин обучал своих молодых собеседников Лелия и Сципиона искусству не бояться смерти:

«О, сколь жалок старик, если он за всю свою столь долгую жизнь не понял, что смерть надо презирать! Смерть либо надо полностью презирать, если она погашает дух, либо ее даже надо желать, если она ведет его туда, где он станет вечен. Ведь ничего третьего, конечно, быть не может. Чего же бояться мне, если после смерти я либо не буду несчастнее, либо даже буду счастлив?»¹⁵

Однако философия Нового времени оспорила подобный стоический ригоризм. Одним из энергичных оппонентов Цицерона (и Катона Старшего) стал герцог Ларошфуко. Примечательно, что свою танатологическую концепцию он развернул в солидной по объему максиме №504, завершившей его книгу «Максимы и моральные размышления», первое издание которой без подписи автора вышло в 1665 году.

Французский моралист осмелился объявить лицемерным стоическое презрение к смерти и попытался провести четкий водораздел между приятием смерти и презрением к ней:

«После всех рассуждений о лицемерности многих показных добродетелей нужно сказать несколько слов и о лицемерности презрения к смерти. <...> Между стойким приятием смерти и презрением к ней — огромная разница <...> нельзя презирать смерть»¹⁶.

Единственной альтернативой стоического презрения к смерти, по мысли Ларошфуко, является принятие факта ее неизбежности и, как следствие, всяческое избегание мыслей о ней:

«Следует всячески избегать мыслей о ней и обо всем, что ее окружает, иначе она покажется нам величайшим бедствием. Самые смелые и самые разумные люди — это те, которые под любыми предложениями стараются не думать о смерти. <...> разум, в котором многие надеются найти поддержку, слишком слаб, чтобы при встрече со смертью мы могли на него опереться <...> Единственное, что в его силах, — это посоветовать нам отвести от нее взоры и сосредоточить их на чем-нибудь другом»¹⁷.

¹⁵ Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1975. С. 11.

¹⁶ Ларошфуко Ф. де. Максимы. Мемуары. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 90–91.

Знаменательно, что в своих размышлениях о смерти Ларошфуко вновь апеллировал к примеру Катона, но при этом парадоксально сблизил его стоический уход из жизни с мотивацией поведения некоего приговоренного к колесованию лакея, пустившегося в пляс на эшафоте. Воспроизведем соответствующие рассуждения французского парадоксалиста полностью:

«Катон и Брут обратились к возвышенным помыслам, а не так давно некий лакей удовольствовался тем, что пустился в пляс на том самом эшафоте, где его должны были колесовать. Невзирая на то, что способы различны, — результат один и тот же. Хотя разница между великими людьми и людьми заурядными огромна, и те и другие <...> нередко принимают смерть одинаково. Впрочем, есть и отличие: у великих людей презрение к смерти вызвано ослепляющей их любовью к славе, а у людей простых — ограниченностью, которая не позволяет им постичь всю глубину ожидающего их несчастья и дает возможность думать о вещах посторонних»¹⁸.

Есть основания полагать, что процитированные выше рассуждения Ларошфуко могли подсказать Ломоносову выбор для перевода оды XI из анакреонтеи, ставшей своеобразной увертюрой к развернутому в его ответе противопоставлению Катона и Анакреонта. Напомним, что лирический субъект этой анакреонтической миниатюры убеждает своих ровесников, достигших преклонного возраста, в том,

Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок (763).

Рассмотрение образа Анакреонта, созданного Ломоносовым, в линейном контексте «анти-стоических» максим Ларошфуко позволяет предположить его ассоциативное происхождение, открывающее, в свою очередь, возможность имплицитного, но достаточно внятного и прозрачного соотнесения образа «забавного мудреца» из «Разговора» с фиглярствующим лакеем, устроившим на эшафоте нечто вроде буффонадной «пляски смерти». Сама возможность подобной переключки многое проясняет

¹⁸ Там же. С. 92.

в жанровой позиции Ломоносова, еще в своей «Риторике» инициировавшего «русский спор об Анакреонте».

В заключение отметим, что наблюдения и выводы, сделанные в настоящей статье, носят по преимуществу предварительный характер. Вполне возможно, что некоторые из предложенных нами параллелей, аналогий, сближений выглядят далеко не бесспорными, но данное обстоятельство, на наш взгляд, лишний раз подчеркивает необходимость дальнейших исследовательских штудий по неуклонному расширению горизонтов контекстуального пространства отечественной анакреонтики.

Александр Евгеньевич Карначев

Библиотека

Российской академии наук

**«Торжество любви»
(черновой набросок М. В. Ломоносова)**

Совместными усилиями Библиотеки Академии наук и Национальной библиотеки Финляндии предпринято изучение корпуса записей М. В. Ломоносова на рукописях и книгах, некогда принадлежавших великому русскому ученому¹.

«Библиотека Ломоносова и манускрипты по смерти его куплены его сиятельством графом Григорьем Григорьевичем Орловым», — сообщал Н. И. Новиков в 1772 году². Только через 200 лет следы этих «пропавших» книг были обнаружены в Хельсинки, куда библиотека Г. Г. Орлова (вернее, два его книжных собрания, хранившихся в Большом Мраморном и Гатчинском дворцах) попала после пожара Або (Турку) 1827 года, уничтожившего старый университет³.

В 1977 году несколько десятков книг и рукописей, идентифицированных как часть личной библиотеки Ломоносова, были переданы финской стороной Академии наук СССР и поступили на хранение в БАН. Год спустя появилось их краткое описание⁴.

¹ Библиотека М. В. Ломоносова: Научное описание рукописей и печатных книг. Сост. А. Е. Карначёв, И. Н. Лебедева, Е. А. Савельева, Sirkka Havu. М.: Ломоносов, 2010.

² Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 130.

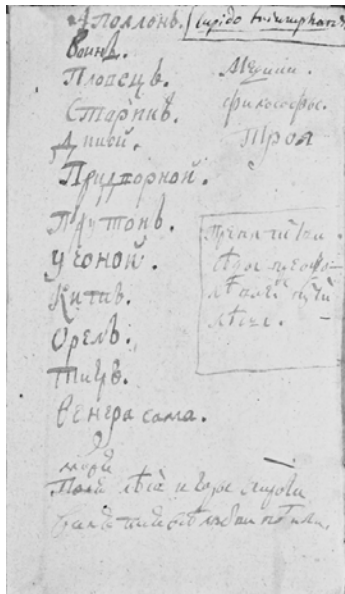
³ Тимохина Ю.П. Как была обнаружена библиотека Ломоносова // Природа. 1974. № 1. С. 34–41; Кулябко Е. С., Биешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1975; Collections donated by the Academy of Sciences of St. Petersburg to the Alexander University of Finland in 1829: An Annotated Catalogue Compiled by Sirkka Havu and Irina Lebedeva. Helsinki, 1997.

⁴ Кукушкина М. В., Лебедева И. Н. Книги из библиотеки М. В. Ломоносова (дар Университетской библиотеки в Хельсинки) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 334–349.

Российскими и финскими исследователями продолжался поиск библиотеки Ломоносова в фондах Университетской (ныне Национальной) библиотеки г. Хельсинки. На сегодняшний день известны 63 книги (из которых 4 — рукописные), содержащие пометы и записи М. В. Ломоносова. Об одной из них — эта статья.

*
* *
*

Запись на свободной части заднего форзаца книги Франсуа-Антуана Помей (François Antoine Pomey, 1619–1673) «Новый “Кандидат риторики”...»⁵, помимо любопытного содержания (возможно, это набросок аллегорической пьесы или костюмированной процессии), привлекает внимание простотой и изяществом своей формальной организации (см. рисунок).

⁵ Novus Candidatus Rhetoricae, altero se candidior, comptiorque, non Aphthonii solum Progymnasmata ornatius concinnata, sed Tullianae etiam Rhetoricae. Praecepta clarius explicata repraesentans, Studiosis Eloquentiae Candidatis. Accessit nunc primum Dissertatio de Panegirico. Auctore P. Francisco Pomey, è Societate Jesu. — Lugduni [Lyon], apud Antonium Molin, è regione Collegii, 1668. — [8], 427, [18] с. — 12о.

Легко прочитываются левая и правая колонки списка «действующих лиц», составленного, как видно, без спешки, спокойным «книжным» почерком XVII–XVIII в., часто смачиваемым пером. Гораздо больше курсивных черт в верхней строчке на латыни, приписанной, очевидно, позже (чернила свежие, скорость пера выше, нажим меньше — из-за чего линия письма получается тоньше, но плотнее; создается впечатление более темного оттенка чернил). Латинская строчка подчеркнута и обведена полурамкой, что выделяет ее, как мне кажется, в разряд заголовка:

Аполлонь.	<u>Cupido triumphans</u>
Воинь.	
Пловець.	Медики.
Старикь.	Философы.
Дикой.	Троя.
Придворной.	
Плутонь.	
Учоной.	
Кить.	
Орель.	
Тигрь.	
Венера сама.	

Если принять эту версию, то получившееся название — «Купидон-тумфатор», или «Торжествующий Купидон» — придется как-то согласовать с отсутствием бога любви Купидона-Амура-Эрота среди «персонажей» постановки. Сделать это, впрочем, нетрудно, учитывая условный, аллегорический характер предполагаемого действия. По данным Словаря русского языка XVIII века, латинское слово *cupido*, *inis*, *f.* и *m.*, заимствованное через польское и немецкое посредство, сначала в транслитерированной форме «купидо» (1709), фигурирует в ранней русской литературе и в своем нарицательном значении «любовь, страсть, желание» (как более позднее заимствование «либидо»). Посему название может быть понято более широко: «Торжество любви» (что, кстати, хорошо согласуется с заключительной частью записи, о чем речь чуть ниже). С другой стороны, персонификация любви — «Венера сама» — присутствует в списке, а эта богиня, как известно, редко выступает без сопровождения сына, и его присутствие здесь можно считать подразумеваемым.

Прочтение отделенной полурамкой средней части записи и двух последних строк значительно осложнено беглостью почерка. Здесь присутствуют лигатуры (например, можно обратить внимание на то, как написано слово «бѣды» во второй строке средней части: курсивное *б* совершенно утратило свою верхнюю часть, резко обрываясь вниз и переходя в ось **Ѣ**), видоизмененные написания (начальная *б* в «безчислѣны» без петли), выносные буквы (*т, с, д*). Кроме того, текст средней части «упирается» в сгиб форзаца, так что жирная точка после слова «препятства» в первой строке может означать не вполне прописанный союз *и*. Во второй строке этой же части записи присутствует отчетливый знак переноса многосложного слова (преодо-/ лѣваютъ), а в третьей строке его роль играет выносной согласный (безчи^с/ лѣны), что для XVIII века еще не редкость:

Препят(с)тва [и] бѣды преодо- лѣваю(тъ) безчи(с) лѣны.

Расшифровка последних двух строк записи представляет наибольшую трудность, но зато обещает и наибольшее проникновение в смысл целого. Хорошо читаются первые четыре слова первой строки: «поля, лѣса и горы», затем следует слово в очень беглом написании, которое я предлагаю понимать как «строги». Существенное замечание об отсутствии верхнего покрытия над *т* — такое написание не характерно в целом для Ломоносова, повсеместно использующего скорописную форму прошлого (XVII) века, — приходится парировать лишь общим указанием на высокий темп движения руки. С развитием скорости письма именно к такой форме курсивного *т* пришел русский гражданский шрифт. Изменения графики, будучи процессом естественным, происходят постепенно, начиная со спорадического появления новых начерков. Возможно, присутствие у Ломоносова «нового» *т* отражает общий ход развития письма в ту эпоху.

Слово «поля» зачеркнуто почти сухим пером. Над ним довольно отчетливо читается слово «моря». В моем понимании, это — след редакторской правки, но чтобы догадаться о ее смысле, нужно прочитать заключительную строку.

Наиболее ясно в ней выписано слово «любви». Перо, едва смоченное чернилами, не метит, но, скорее, царапает бумагу. Темп письма очень высок, — можно сказать, строка выведена на одном дыхании: какие-то буквы вышли чересчур большими (например, начальная *в*), какие-то чересчур мелкими (группа *но* в «ноги»); выносная *д* в предлоге «под» имеет очень странную форму, более похожую на уставную, *прописную* («на одной ножке») форму *T*, — но для оглушения *д* в *т* перед сонантом *н* («ноги») нет объективных условий. Возможно, вследствие спешки произошла чисто механическая описка?

Довольно большое число вариантов, предлагавшихся коллективом исследователей БАН, оставались гадательными, изобиловали многоточиями, вопросительными знаками и, главное, не давали осмысленного прочтения данного места. Между тем, эти две строки казались чем-то законченным, важным, чем-то аутентично «ломоносовским», что было бы очень досадно упустить.

С какого-то момента в звучании первой, наиболее уверенно читаемой строки начал угадываться стихотворный ритм. Вдруг стало ясно, что ее слова ложатся на упорядоченную интонационную основу. Итак, первая строка (если принять прочтение «стрóги») дает 4-стопный ямб с женским окончанием:

По-ля́ | лѢ-са́| и го́- | ры стрóги...

Единственное несомненно читаемое слово второй строки — «любв́и» — вполне могло образовывать третью стопу стихотворного размера. Оставалось, пользуясь палеографическими навыками и мелодическим чутьем как двумя отмычками, попытаться «положить слова на музыку». К тому же, если это стихи, во второй строке можно было ожидать рифмы к первой...

О затруднениях, какие доставил нам беглый почерк записи, я уже сказал выше. Но и кроме них существовали объективные трудности с подбором лексики, которая подходила бы сюда по смыслу и при этом укладывалась в ритмическую схему. Так, в первом слове последней строки можно с известной долей уверенности констатировать написание «...аля́тсѧ», за которым как будто бы следует предлог «въ», с высокой мачтой Ъ, слово «любви» и начало какого-то неизвестного слова: «по(т)...)» или «по(г)...)». Как читать: «удалѧтсѧ...» или, может быть, «отдалѧтсѧ въ любви по...»? При этом и естественное словесное ударение, и искомое мною стиховое должны приходиться на слог «ля́». Перед

этим слогом, по законам силлабо-тонического стихосложения, может стоять лишь один безударный слог (слабая доля стопы).

Пока что ни один из вариантов не подходит. И что за слово стоит после «любви»: это должно быть либо прямое дополнение к «любви» (отвечающее на вопрос «во что (любви)»? — например, *приют, капризы, наслаждение* и т. п.), либо какое-то наречие со значением времени или образа действия (*в одночасье, в спешке, в смятении* и т. д.), если допустить, что в тексте действует старое беспредложное управление глагола «удаляться» *родительным падежом* (т. е. *удаляться — чего? — любви*)...

Известно, что остатки старой русской просодической системы получили, с легкой руки Ломоносова, Державина, Дмитриева, Карамзина, Крылова, Пушкина, статус «поэтических вольностей» в русской литературе нового времени. В стихотворных текстах XVIII века ударения «старого» типа вообще составляют равноправную конкуренцию новым формам. Возьмем хотя бы всем известное крыловское: «Лето красное пропела,/ Оглянуться не успела —/ Уж зима катИт в глаза». Всякий, я думаю, сталкивался с указанным явлением подвижности русского ударения. От инфинитива «валИться» мы образуем формы настоящего времени «валЮсь, вАлишься, вАлится, вАлимся...», не задумываясь о том, почему ударение в большинстве случаев сдвигается к началу слова. Между тем, его исконное место — над суффиксом, как в форме 1-го лица единственного числа. И лишь ритмизованный слог дает нам случай убедиться в этом.

Итак, возможность прочтения первого слова второй строки в виде «валЯться» сдвигает дело с мертвой точки. То, что казалось предлогом «вЪ», следует считать определительным местоимением и читать с ударением: «ва-ля- | тся всЪ/ | люб-ви...» — и окончание стиха будет буквально «подарено» набежавшей рифмой к слову «стрóги» — «подъ нóги»:

Ва-ля- | тся всЪ/ | люб-ви | под нóги.

Прочитаем получившееся двустишие еще раз:

По-ля | лЪ-са | и го- | ры стрóги

Ва-ля- | тся всЪ/ | люб-ви | под нóги.

Сложившийся таким образом «манифест любви» страдает лишь одним существенным изъяном: *поля* и так уже занимают в системе мироустройства нижнюю горизонтальную позицию, — трудно представить, как бы они могли еще более простереться ниц перед богиней? И вот здесь, мне кажется, Ломоносов вводит тонкую смысловую правку, значительно улучшающую текст: не *поля*, а *моря*, с их бурно вскипающими валами (так же, как высящиеся в небо *леса* и «строгие» вершины *гор!*), должны «валиться в ноги» всемогущей Любви:

Моря
Поля, лѣса и горы строги —
Валятся всѣ любви по(дѣ) ноги!

Это и есть, кажется, тот «Триумф любви», который заявлен в латинском «заглавии» произведения. Три стихии преклоняются перед четвертой (обращает на себя внимание тот факт, что в списке «персонажей» присутствуют выдающиеся представители трех сред обитания — Кит (*моря!*), Тигр и Орел; то, что горы ассоциированы с воздушной стихией, я думаю, не вызывает сомнений).

Чем могло быть последнее двустишие — эпитафией, девизом, рефреном, начальной или конечной сентенцией? Об этом, как и об общем содержании действия или построения, мы можем лишь строить догадки. Средняя часть записи, отделенная, как и название, от основного текста, выглядит кратчайшим пересказом фабулы: допустим, персонажи на пути к Любви «препятства и бѣды преодолѣвають безчислѣны». Или, наоборот, — Любовь и ее спутники, по воле какого-нибудь злого божества (Плутона?), временно терпят бедствия, но в конце концов торжествуют. Судя по стилю, «срединная» фраза могла быть и наглядной подписью к группе статических фигур, определенным образом расположенных. В любом случае, в контексте культуры XVIII века такой сюжет или толкование аллегории кажутся вполне приемлемыми.

Могло ли это быть наброском учебной речи «во славу любви», на манер античных риторических упражнений «Оправдание/осуждение Елены»? Все-таки запись оставлена на форзаце учебника риторики! Мне кажется, вероятность этого мала — слишком не похоже это на конспект «рацеи»: мало связанных фраз, много номинаций, стихи...

В пользу «театральности» наброска говорит, как мне кажется, и малое число женских фигур — такое положение вещей было свойственно раннему русскому театру.

Однако для дальнейшей сколько-нибудь обоснованной реконструкции «произведения» материала явно недостаточно.

*
* *

Завершить эту статью мне хочется повторным указанием на совершенство формы чернового наброска, чем бы на деле он ни являлся. На чистом листе книги карманного формата поместилось многое: название, список, краткое пояснение и, возможно, ключевая фраза ко всему целому, притом в стихотворной форме. Написано это было быстро, весьма вероятно, в пути, на ходу, когда достать лист чистой бумаги не представлялось возможным. Расположение материала на странице логичное и целесообразное. В тексте присутствует минимум правки (одно слово!), и даже она кажется лаконичной и исчерпывающей. Все это, на мой взгляд, соответствует решительному характеру и светлому уму Михаила Васильевича Ломоносова.

Точно датировать появление записи на книге, к сожалению, не удастся. Отметка о покупке отсутствует, «прямых ссылок на Помяя и его риторiku в сочинениях Ломоносова, и в частности в “Риториках” 1744 и 1748 гг., нет, однако Ломоносов несомненно знал учебник Помяя, так как в тексте “Краткого руководства к риторике” (1744 г.) имеется три отрывка, бесспорно взятых у Помяя (Полное собрание сочинений, т. 7, с. 60–61 и 799, № 104, 108 и 109). В “Кратком руководстве к красноречию” («Риторика», 1748 г.) также имеется несколько примеров, заимствованного из “Нового кандидата риторики” Помяя (ПСС, т. 7, с. 133, 158, 263 и 817, 820, 831, №№ 56, 79 и 212)»⁶. С большой долей вероятности можно утверждать, что Михайло Ломоносов приобрел книгу Франсуа-Ангуана Помяя и оставил на ней запись «романтического» содержания еще до 1744 года, т. е. будучи молодым и «влюбчивым» человеком. Данная статья вполне могла бы называться: «Молодой Ломоносов».

⁶ Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л., 1961. С. 362.

II

Наталья Владимировна Карева

Институт

*лингвистических
исследований РАН*

**Становление традиции
грамматического описания русского языка
(1730–1750-е гг.)**

XVIII век является особым периодом в истории русского литературного языка: именно в это время формируется русский литературный язык нового типа — полифункциональный, общезначимый, нормированный, характеризующийся дифференциацией стилистических средств.

Наиболее радикальные изменения в литературном языке произошли в Петровскую эпоху. Следствием сознательной государственной политики явилось вытеснение церковнославянского и утверждение нового русского языка как части новой светской культуры. Новый язык еще не был кодифицирован, и следствием этого явилось смешение в нем разнородных элементов: варианты слов и форм сосуществовали, при этом отсутствовали четкие принципы их стилистического распределения.

Только в 1730-е годы начался отбор и классификация языковых средств, устранение немотивированной вариативности, поиски единой нормы литературного языка. В 1724 году по проекту Петра I была создана Академия наук — первое научное государственное учреждение России. Академия наук регулярно проводила публичные собрания, при ней были открыты типография и библиотека. С конца 1720-х годов именно в Академии наук сосредоточилась работа по формированию норм русского литературного языка и созданию пособий для его преподавания.

В 1735 году по распоряжению Президента Академии наук барона И. А. Корфа было создано Российское собрание. О деятельности Российского собрания почти не сохранилось свидетельств, однако некоторые документы дают возможность получить представление о работе, проведенной членами этого первого в Санкт-Петербурге научного объединения филологов-переводчиков.

На открытии Российского собрания 14 марта 1735 года с программной речью выступил В. К. Тредиаковский, который подчеркнул, что деятельность собрания не может быть ограничена обсуждением переводов:

«Сего дождались мы щастія, что и о совершенствѣ російскаго языка попеченіе воспріемлется. <...> Не о единомъ тутъ чистомъ переводѣ степенныхъ, старыхъ, и новыхъ, авторовъ, что и едино и само собою коликѣ проливаетъ пота, извѣстно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудились въ томъ, и вамъ самимъ, которые нынѣ трудитесь. Но и о грамматикѣ доброй и исправной, согласной мудрыхъ употребленію и основанной на ономъ, въ которой коль много есть нужды, толь много есть и трудности. Но и о дікціонаріѣ полномъ и довольномъ, который в имѣющихъ трудиться васъ еще больше силы требуетъ, нежели въ баснословномъ Сізѣвѣ превеликій оный камень, который онъ на высокую гору одинъ все хотя вскатить, съ самага почитай верхъ нанизъ его нехотя опускаетъ. Но и о реторикѣ и стихотворной наукѣ, что все чрезъ мѣру утрудитъ васъ можетъ»¹.

В. К. Тредиаковский указал, что аналогичная работа по усовершенствованию литературного языка уже была проведена многими европейскими научными сообществами: Французской Академией, Флорентийской Академией, Лейпцигским сообществом. Предложенная Тредиаковским программа копировала устав Французской Академии, 26-й пункт которого гласил: «Il sera composé un Dictionnaire, une Grammaire, une Rhétorique et une Poétique sur les observations de l'Académie»².

В день первого заседания Российского собрания, 14 марта 1735 года, последовало распоряжение:

«По указу Ея И. В. въ академіи наукъ обрѣтающій главный командиръ, дѣйствительный камергеръ баронъ фонъ Корфъ, приказалъ:

Академіи наукъ переводчикамъ сходиться в академію два раза в недѣлю, а именно: въ среду и въ субботу, поутру и послѣ обѣда,

¹ Тредиаковский В. К. Речь, которую в Санктпетербургской Академии наук, к членам Российскаго Собрания, во время перваго онах заседания говорил Василий Тредиаковский Санктпетербургския Императорския Академии наук секретарь. Печатано при Императорской Академии наук. В Санктпетербурге. MDCCXXXV. С. 6–7.

² Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 173.

и имѣть между собою конференцію, снося и прочитывая всё, кто что перевелъ, и имѣть тщаніе въ исправленіи російскаго языка въ случающихся переводахъ. Чего ради въ оныхъ конференціяхъ присутствовать секретарю Тредьяковскому, адъютнту Ададурову и ректору нѣмецкаго класса Швановичу; а о тѣхъ конференціяхъ журналъ содержать Тауберту, и всегда въ понедѣльники оный предлагать его превосходительству господину камергеру»³.

Количество членов Российского собрания, которым предстояло взяться за составление грамматики, «дикционария», а также риторики и «стихотворной науки», было невелико. И. И. Ильинский писал А. Д. Кантемиру в письме от 16 июня 1736 года о заседаниях Российского собрания:

«Нынѣ работаю по домамъ, а наипаче тридневную по вся недѣли и по утру и по полудни въ Академіи броднею весьма отягощены: работа состоитъ въ переводахъ розданныхъ намъ російскихъ старинныхъ лѣтописцевъ на латинской языкъ, а бродня въ уставленныхъ конференціяхъ, гдѣ всякъ свой русский перевод читает, а прочие все обще для лучшей чистоты рассуждать и исправлять должны, и потому малейшее нас число собраніем наречено»⁴.

Небольшой коллектив академических переводчиков — членов Российского собрания — был занят в основном практической работой: переводами, выработкой правил для академической типографии. Также на заседаниях Российского собрания активно обсуждались вопросы русской графики, как это следует из следующей записки И.-К. Тауберта, датированной январем 1736 года:

«Слѣдующія буквы приняты в російскомъ собраніи, а прочія, какъ не нужныя, выключены: а, б, в, г, д, е, э, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, ѳ, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ю, я, ђ, ё, в. За тѣмъ еще слѣдующія ударенія: ´, ` , ^ , ˇ , какъ напр. à, á, й, â»⁵.

На записку И.-К. Тауберта была наложена резолюция И. Д. Шумахера:

³ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1886. С. 633.

⁴ Майков Л. Н. Материалы для биографии А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 49.

⁵ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 639.

«Съ этой, принятой російскимъ собраніемъ азбукой должна сообразовываться типографія, а господамъ корректору Шредеру и Тауберту приказать ввести это постановление для того, чтобы лишнія буквы тотчасъ же были отброшены; вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, введены-ли уже новизны, которыя, при разныхъ случаяхъ, предлагало російское собраніе, чтобы сдѣлать о томъ докладъ начальнику Академіи»⁶.

В 1738 году барон И. А. Корф приказал Російскому собранію сочинить «русскую азбуку» для Академии наук:

«Понеже въ Академіи наукъ русской азбуки не имѣется, а она необходимабытьпотребна, тогорядичленамъ російскагособранія показанную азбуку сочинить и къ печатанію подать въ Академію наукъ»⁷.

15 апреля 1740 года в Російское собраніе «для подлиннаго свидѣтельства» был послан перевод «нѣмецкой Линеисовой и Еркеровой о горныхъ дѣлахъ книги»⁸, выполненный С. С. Волчковым.

В начале 1740-х годов, однако, регулярные заседания членов Російского собранія прекратились. 22 сентября 1743 года А. К. Нартов писал в Сенат, что Російское собраніе не существует более и что члены его несколько лет назад получили другое назначеніе:

«<...> находившееся прежде сего и отъ бывшаго Академіи наукъ президента барона фонъ-Корфа въ 1734 году учиненное російское собраніе разрушилось, изъ котораго адъюнктъ Адодуровъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1741 года взять правительствующаго сената въ герольдмейстерскую контору ассессоромъ; секретарь Волчковъ <...> вступилъ секретаремъ въ канцелярію въ томъ же году; адъюнктъ Иванъ Таубертъ <...> учиненъ въ началѣ 1741 г. унтеръ-библіотекаремъ, у котораго тамъ весь медальной кабинетъ, также кунсткамера и библіотека»⁹.

⁶ Там же. С. 639.

⁷ Там же. С. 640.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 641.

Российское собрание просуществовало недолго. Как писал митрополит Евгений (Болховитинов),

«немногое число способныхъ сочленовъ, недостатокъ образцовъ классическихъ, неостепененіе самой словесности и языка нашего и неготовность еще тогдашнихъ читателей помогать писателямъ разборчивостію своею, сдѣлали общество сіе безуспѣшнымъ. Оно существовало три года, и мѣсто его послѣ заступилъ переводческой департаментъ при академіи, но и тотъ скоро разстроился, а возобновленъ уже по указу Императрицы Екатерины II въ 1790 году»¹⁰.

Тем не менее для истории русского литературного языка заседания Российского собрания оказались очень важны: в процессе редактирования переводов русскими филологами усваивались европейские принципы организации литературного текста. Обсуждение текстов на немецком, французском и других языках позволило составить представление о том, как строилась в этих языках литературная норма и в каком отношении она находилась к грамматической традиции и разговорному употреблению. Переводческие опыты были плодотворны для составления грамматик немецкого, французского, латинского языков, а также для подготовки первых пособий по русской грамматике, которые строились по большей части по образцу европейских лингвистических трактатов.

После прекращения деятельности Российского собрания его функции взяли на себя переводческий департамент при Академии наук и Историческое собрание, созданное в 1748 году для обсуждения исторических трудов, литературных произведений и переводов. Членами Исторического собрания стали Г. Ф. Миллер, Ф. Штрубе де Пирмонт, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, Х. Крузиус, И. Э. Фишер, И. А. Браун. Историческое собрание уделяло большое внимание учебным делам и контролировало работу Академической гимназии и Академического университета, где в это время также шла напряженная

¹⁰ Цит. по: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 1. СПб., 1874. С. 6.

работа по регламентации и выработке норм русского литературного языка.

Академическая гимназия и Академический университет были созданы согласно проекту Положения об Академии наук Петра I. В 1725 году Президентом Академии наук Л. Л. Блюментростом была изложена программа обучения в Академической гимназии. Предполагалось, прежде всего, обучать гимназистов иностранным языкам: латыни (латинское отделение было в гимназии основным — в нем готовили к учебе в университете), вторым языком был немецкий, также дополнительно изучались греческий, французский и итальянский. В последних классах вводились общеобразовательные предметы: «история и первые математики начатки, также география, с глобусом соединенная»¹¹. Академический университет долгое время программы не имел — преподавателями проводились открытые лекции и беседы на различные темы, на которых могли присутствовать все желающие.

Так как важное место в обучении студентов и гимназистов отводилось изучению древних и новых языков, академическими переводчиками и преподавателями в 1730–1740-е годы были созданы учебные пособия по немецкому, французскому, латыни, представляющие собой переложения на русский язык известных европейских трактатов.

В 1730 году вышла написанная М. Шванвицем (Martin Schwanwitz, †1740)¹² **«Немецкая грамматика, из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санктпетербургской гимназии»** (413 с., 4°). Грамматика М. Шванвица в течение XVIII века выдержала пять переизданий (1730; 1734; 1745; 1769; 1791), причем в подготовке второго переработанного издания грамматики М. Шванвица 1734 года (385 с., 8°) принял участие В. Е. Адодуров, а третье издание 1745 года (447 с., 8°), еще раз переработанное, вышло под редакцией Я. Я. Штелина.

¹¹ Карпеев Э. П. Академическая гимназия // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 1. СПб.; М., 2003. С. 22–23.

¹² О преподавательской деятельности М. Шванвица в Академической гимназии см.: Koch K. Deutsch als Fremdsprache im Russland des 18 Jahrhunderts. Berlin, 2002. P. 178–187.

В 1746 году типография Академии наук опубликовала **«Сокращение грамматики латинской, в пользу учащегося латинскому языку российского юношества переведено чрез Василья Лебедева, переводчика при Академии наук»** (335 с., 8°), представляющей собой перевод книги «Compendium grammaticae latinae, oder kurtzer Auszug aus der grösseren latenischen Grammatica Marchica, zur Erlernung der latenischen Sprache» (Marburg, Krieger, 1742). Латинская грамматика В. И. Лебедева выдержала в XVIII веке семь переизданий (1746; 1762¹³; 1769; 1779; 1789; 1791; 1792), причем третье, четвертое и пятое переиздания сопровождалось «Прибавлениями из грамматики, называемой Marchica» (с. I–XVI). М. В. Ломоносов оставил положительный отзыв о латинской грамматике В. И. Лебедева. В проекте «Регламента московских гимназий» (1755) Ломоносов рекомендовал «Сокращение грамматики латинской» для учащихся «латинского класса»:

«В латинском первом классе употреблять “Латинскую грамматику” с российским переводом, при Академии наук печатанную (которую для московских гимназий с надлежащим исправлением вторым тиснением издать можно). <...> Во втором латинском классе по той же «Грамматике» учить неправильные склонения и спряжения, показывать все труднейшие правила синтаксические»¹⁴.

В проекте «Регламента Академической гимназии» (1758) М. В. Ломоносов также рекомендовал «Латинскую грамматику» в качестве учебного пособия в «низшем латинском классе»¹⁵.

В 1752 году вышла **«Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на российский язык переведена Академии наук переводчиком Василием Тепловым»**

¹³ Издания 1762, 1769, 1779, 1789, 1791 и 1792 годов выходили под заглавием «Краткая грамматика латинская, в пользу учащегося латинскому языку российского юношества, прежде сего переведенная и исправленная Академии наук переводчиком Васильем Лебедевым».

¹⁴ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 9: Служебные документы. 1742–1765 гг. М.; Л., 1955. С. 458–459.

¹⁵ Там же. С. 493.

(452 с., 8°). В основу «Новой французской грамматики» В. Е. Теплова (род. 1732) лег трактат французского лингвиста Пьера Ресто (Restaut) (1696–1794) «Principes généraux et raisonnés de la grammaire françoise avec des observations sur l'Orthographe, les Accents, la Ponctuation, & la Prononciation» (Paris, 1730). Готовая еще к 1750 году, «Новая французская грамматика» была передана на рассмотрение В. К. Тредиаковскому, А. П. Сумарокову и М. В. Ломоносову, которые оставили о ней положительные отзывы. В. К. Тредиаковский писал, что перевод «чист и вразумителен», и выражал надежду, что «грамматика сия великую пользу учинить учащемуся нашему юношеству, ежели напечатана будет, чего она и достойна»¹⁶. После этого студент Теплов был определен переводчиком в Академию с жалованием 250 руб. в год. «Новая французская грамматика» В. Е. Теплова имела два «прибавления»: «Разные французския пословицы» (с. 331–381) и «Собрание слов французских и российских» (с. 382–454), — в дальнейших переизданиях второе прибавление печаталось в составе «Новой французской грамматики» с отдельной пагинацией, а также выходило отдельным изданием. «Новая французская грамматика» В. Е. Теплова в течение XVIII века переиздавалась четыре раза (1752; 1762¹⁷; 1777; 1787).

В созданных в 1730–1750-е годы учебных пособиях по немецкому, латыни, французскому осуществлялось осмысление грамматического строя европейских и древних языков; для описания грамматических категорий вырабатывалась лингвистическая терминология, которая после заимствовалась русскими филологами для описания грамматики родного языка. Грамматики иностранных языков либо были написаны полностью по-русски (как грамматики В. Е. Теплова и В. И. Лебедева), либо имели параллельные тексты на русском и иностранном языке (как «Немецкая грамматика» М. Шванвица). Для удобства обучающихся русских студентов парадигмам именного и глагольного словоизменения иностранного языка всегда давались

¹⁶ Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. С. 345.

¹⁷ Издания 1762, 1777, 1787 годов выходили под заглавием «Французская грамматика собранная из разных авторов г. Ресто, а на российский язык переведенная Васильем Тепловым».

русские параллельные формы. Таким образом, несмотря на то, что авторы грамматик иностранных языков не предполагали специального описания русского языкового материала, поиск русского эквивалента для латинских, немецких, французских форм в каждом конкретном случае приводил к кодификации выбранного автором грамматики русского варианта¹⁸. Именно поэтому грамматики иностранных языков могут также рассматриваться как источники по русскому литературному языку интересующего нас периода.

В это же время — во второй половине 1730-х годов — одновременно с созданием руководств по изучению иностранных языков начинается обучение русскому языку. По-видимому, первые учебные пособия по русскому языку создавались для иностранцев. Написаны эти учебники были по большей части также иностранцами, сознательно отталкивавшимися от норм церковнославянского языка и фиксировавшими в основном факты русского языка, который понимался или как разговорный, или как новый литературный язык.

Граматики русского языка первой половины XVIII века до недавнего времени мало привлекали к себе внимание исследователей. Широкому кругу филологов была известна лишь написанная по-латыни «**Grammatica russica que continet non tantum praecipua fundamenta Russicae Linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam**» (Oxford, 1696)¹⁹ Г. Лудольфа (Henrik Wilhelm Ludolf, 1655–1712).

¹⁸ Бабаева Е. Э., Запольская Н. Н. Языковой континуум Петровской эпохи: обзор грамматических трактатов первой четверти XVIII в. // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 195.

¹⁹ «Grammatica russica» Лудольфа долгое время считалась первой грамматикой русского языка. Однако Б. А. Успенский в своей статье (Успенский Б. А. Доломоновские грамматики русского языка (Итоги и перспективы) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 3: Общее и славянское языкознание. М., 1997. С. 437–573) указывает, что первой грамматикой русского языка следует считать краткое описание русского языка на английском языке, служащее введением к словарю Марка Ридлея («A Dictionary of the vulgar Russian tongue»), составленному им в 1594–1599 годах. Еще один фрагмент русской грамматики находится в материалах по русскому языку, записанных Тённисом Фенне в Пскове в 1607 году (Tönnies Fenne's Low German manual of spoken Russian. Pskov 1607 / Ed. by Hammerich L. L., Jakobson R. Vol. I–II. Copenhagen, 1961–1970).

В 1937 году «Grammatica russica» была подготовлена к изданию Б. А. Лариным, в 1959 году была переиздана Б. О. Унбегауном²⁰, а несколько лет назад была еще раз переиздана в составе книги Б. А. Ларина «Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков» (СПб., 2002). Г. Лудольф был послан из Англии с торгово-политической миссией в Россию, где написал грамматику русского языка для тех, «кому необходимо отправиться в Московию по политическим или своим частным делам» («illi, quibus Moscovia sive ob publica sive ob privata negotia adeunda est»)²¹. Сама грамматика и прилагающиеся к ней диалоги составлены на простом, обиходном языке — именно этот язык, по мысли Лудольфа, должен был заменить собой старославянский²². «Grammatica russica» была издана после возвращения Лудольфа в Англию, однако оказалась известна следующему поколению русских филологов. Неоднократные ссылки на грамматику Лудольфа имеются в тексте грамматики И.-В. Пауса; по мнению В. М. Живова, «Grammatica russica» Лудольфа была также известна В. Е. Адодурову²³.

«**Grammatik der russischen Sprache**» И.-Э. Глюка (Johann Ernst Glück, 1652–1705), написанная на латыни спустя десять лет после выхода в свет грамматики В. Лудольфа, долгое время оставалась забытой²⁴. Рукопись этой грамматики была лишь в 1980-е годы обнаружена В. М. Живовым в московском Историческом музее. «Grammatik der russischen Sprache» была создана И.-Э. Глюком в Москве в 1703–1705 годах и предназначалась для приезжающих в Россию иностранцев, а также

²⁰ Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica. Oxonii A.D. MDCXCVI / Ed. by B. O. Unbegaun. München; Oxford, 1959.

²¹ Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков. СПб., 2002. С. 545, 602.

²² Лудольф надеется, что пример его грамматики, возможно, убедит русских людей печатать книги на родном наречии: «Forsan hoc specimen Russos persuadebit, posse et in vulgari dialecto aliquid imprimi, sicuti Nationi Russicae decori et utilitati foret, si more aliarum gentium propriam linguam excolere atque bonos libros in ea edere conarentur» (Там же. С. 546).

²³ Живов В. М. Указ. соч. С. 205.

²⁴ В настоящее время грамматика Глюка переиздана: Glück J. E. Grammatik der russischen Sprache. 1704 / Hrsg. und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, B. Uspenskij und V. Zivov. Köln; Weimar; Wien, 1994.

для преподавателей школы Глюка в московской Немецкой слободе. Так же, как и Г. Лудольф, Глюк фиксировал в грамматике факты обиходного русского языка. Однако он хотел создать научную грамматику, а не просто учебник, помогающий овладеть разговорными навыками. Глюк знал церковнославянский, еврейский, греческий и латинский²⁵ и, описывая русский язык, черпал грамматический материал из латинских грамматик и грамматики М. Смотрицкого, отказываясь от специфически книжных средств и последовательно заменяя их нейтральными. Грамматика И.-Э. Глюка была предназначена для людей, уже знакомых с классическими языками, т. е. для людей, которые при обучении русскому языку могли бы соотнести русскую грамматику с латинской. Сочинение И.-Э. Глюка оказало определенное влияние на последующую традицию грамматического описания русского языка. Ученик Глюка И.-В. Паус, пользуясь работой своего учителя (сохранился фрагмент грамматики Глюка, переписанный рукой Пауса: БАН, отдел рукописей, шифр Q 121, л. 90–122), несколько десятилетий спустя создал собственную грамматику славяно-русского языка, от которой, в свою очередь, при разработке лингвистических концепций отталкивались В. Е. Адогуров и М. Шванвиц.

И.-В. Паус (Паузе) (Johann Werner Paus, 1670–1735), поэт и переводчик при Академии наук, трудился над созданием **«Enweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache zum Nutzen, sonderlich der teutschen Nation aufgezetzet»** почти двадцать лет. Однако этот фундаментальный труд — так же, как и другие филологические труды Пауса (русско-немецкий словарь, собрание русских пословиц и поговорок)²⁶, — издан не был. 10 декабря 1729 года Паус представил рукопись в Академию наук (где она хранится и по сей день: БАН, отдел рукописей, шифр Q 192), однако просьба о напечатании грамматики была отклонена. По-видимому, это было связано с тем, что

²⁵ Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18 Jahrhundert. Berlin, 1953. S. 245; Топоров В. Н. Эрнст Глюк, немецкий подвижник латышского и русского просвещения // Балто-славянские исследования, 1984. М., 1986. С. 250–253.

²⁶ Винтер Э. И. В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век: Сб. 4. М.; Л., 1959. С. 313–322.

И.-В. Паус попытался создать синтетическое описание русского и церковнославянского языков. В 1720-х годах подобное соединение было сочтено вызовом господствующей идеологии, так как задача по размежеванию русского и церковнославянского рассматривалась академическими филологами как основная²⁷. Однако, несмотря на то, что труд И.-В. Пауса издан не был, его грамматика была хорошо известна академическим филологам. В. Е. Адодуров и М. Шванвиц, сами работавшие в этот период над созданием грамматик, рецензировали текст «Enweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» и, отвергая лингвистическую концепцию И.-В. Пауса, заимствовали для своих собственных грамматических сочинений собранный им языковой материал. В 1960-е годы попытка опубликовать грамматику И.-В. Пауса была предпринята Д. Е. Михальчи, однако издание не состоялось: появились лишь ряд статей²⁸ и докторская диссертация Д. Е. Михальчи «Славяно-русская грамматика Иоганна-Вернера Паузе» (1969). В настоящее время вышла в свет книга А. Хутерер «Die Wortbildungslehre in der 'Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache' (1705–1729) von Johann Werner Paus» (Мюнхен, 2001); также труды И.-В. Пауса готовятся к изданию в Бонне²⁹.

И.-В. Паус не был единственным, кто в 1730-е годы работал над созданием грамматики русского языка для иностранных читателей. В отделе рукописей БАН (шифр F 250) находится еще одна написанная по-немецки грамматика «**Compendium Grammaticae Russicae oder Kurtze Einleitung zu der Russischen Sprache Denen Ausländern zum Besten ausgegeben**», над которой работала целая группа сотрудников Академии наук.

²⁷ Живов В. М., Кайперт Г. О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского // Вопросы языкознания. М., 1996. № 6. С. 4.

²⁸ Михальчи Д. Е. Из рукописей И. В. Паузе // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 112–120; Михальчи Д. Е. И. В. Паузе и его славяно-русская грамматика // Известия АН СССР: Серия литературы и языка. М., 1964. Вып. 1. С. 49–57.

²⁹ Comtet R. Рецензия на издание: Huterer A. Die Wortbildungslehre in der 'Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache' (1705–1729) von Johann Werner Paus (Slavistische Beiträge 408). München, 2001 // Russian Linguistics. Springer Netherlands, 2005. №2. P. 280.

В 2002 году рукопись грамматики была расшифрована и издана Г. Кайпертом³⁰, предварившим публикацию текста монографией, в которой «Compendium Grammaticae Russicae» получил полное и систематическое описание. Г. Кайперт идентифицировал почерки филологов, работавших над созданием грамматики. В результате было выяснено, что основным автором грамматики был М. Шванвиц, В. Е. Адодуров выступал в качестве научного консультанта, почерки же начальствующих указаний отождествляются как принадлежащие И.-Г. Гмелину и И. Д. Шумахеру. Сам текст обнаруживает несомненную зависимость от «Enweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» И.-В. Пауса, что лишний раз доказывает, что, хотя грамматика последнего и не была напечатана, она была хорошо известна академическим филологам. К сожалению, хранящаяся в БАН рукопись «Compendium Grammaticae Russicae» обрывается на 64-й странице. Она содержит полное описание орфографии и неполное описание «этимологии» (разделы «Об этимологии вообще», «Об имени, местоимении и причастии», «Об имени» и «О склонениях»). Вторая часть рукописи до настоящего времени не найдена.

В монографии, предваряющей издание «Compendium Grammaticae Russicae», Г. Кайперт указывает, что публикуемый им текст послужил основой для написанного по-немецки грамматического очерка В. Е. Адодурова (1709–1780) «**Anfangs-Gründe der Russischen Sprache**», опубликованного в 1731 году в качестве приложения к Вейсманову лексикону³¹. В 1969 году очерк В. Е. Адодурова был переиздан Б. О. Унбегауном в составе книги «Drei russische Grammatiken des 18 Jahrhunderts» (München, 1969). А спустя три года Б. А. Успенским в БАН была найдена рукопись на русском языке (БАН, отдел рукописей,

³⁰ Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der Russischen Sprache / Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer. München, 2002.

³¹ Teutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zum Druck befördert. Нѣмецко-лагинскій и русскій Леѣиконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при Императорской Академіи наукъ печатію изданъ. St. Petersburg, 1731.

шифр 16.7.3), датированная 1738 годом, — грамматическое сочинение, представляющее собой пространный вариант «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В. Е. Адодурова и использовавшееся как учебное пособие в Академической гимназии³². К сожалению, найденная Б. А. Успенским рукопись сохранилась не полностью и включает в себя только первую часть грамматики, посвященную вопросам фонетики и орфографии. Русский текст рукописи дословно совпадает с текстом шведской грамматики М. Гренинга (Michael Groening, 1714–1778)³³ «**Россійская грамматика. Thet är Grammatica Russica, Eller Grundelig Handledning Til Ryska Språket**» (1750)³⁴, являющейся, таким образом, не оригинальным сочинением М. Гренинга, а переводом пространной грамматики В. Е. Адодурова на шведский язык³⁵. Найденная Б. А. Успенским рукопись, очевидно, представляет собой первую грамматику русского языка, написанную по-русски более чем за пятнадцать лет до появления грамматики М. В. Ломоносова. Русская грамматика В. Е. Адодурова не осталась незамеченной современниками — ее, в частности, использовал В. К. Тредиаковский в своем «Разговоре об орфографии» (1748)³⁶. Однако русская грамматика В. Е. Адодурова, по-видимому, была неизвестна М. В. Ломоносову: ни в «Российской грамматике», ни в черновых записях М. В. Ломоносов не упоминает сочинение своего предшественника.

³² Успенский Б. А. Первая грамматика русского языка на родном языке (Неизвестная русская грамматика 30-х годов XVIII в.) // Вопросы языкознания. М., 1972. № 6. С. 85–100.

³³ При Академии наук М. Гренинг числился с 1740 года «толмачом», затем с 1743 года — «переводчиком». В это же время он начал преподавать в Академической гимназии — сначала немецкий, а потом (с 1745 года) и французский языки (Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 4. СПб., 1887. С. 532; Т. 5. СПб., 1889. С. 13; Т. 6. СПб., 1890. С. 515; 570–571).

³⁴ Россійская грамматика. Thet är Grammatica Russica, Eller Grundelig Handledning Til Ryska Språket... // Utgifwen af Michael Groening. Stockholm, 1750. Репринтное издание: *Unbegaun B. O. Drei russische Grammatiken des 18 Jahrhunderts*. München, 1969.

³⁵ Найденная рукопись опубликована в книге: Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики. М., 1975.

³⁶ Успенский Б. А. Доломоносовский период отечественной русистики: Адодуров и Тредиаковский // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 3. М., 1997. С. 601–628.

Таким образом, в 1730–е годы небольшая группа академических переводчиков — И.-В. Паус, М. Шванвиц, В. Е. Адодуров, В. К. Тредиаковский³⁷, И. С. Горлицкий и др. — активно работала над созданием грамматик русского языка для обучения иностранных и русских студентов. Одновременно ими же создавались грамматики немецкого, латинского, французского языков. Любое лингвистическое сочинение вызывало живейший интерес в узком кругу филологов, занимавшихся преподаванием, переводами, разработкой правил академической типографии, — поэтому примеры, схемы расположения материала, грамматические термины, определения используемых грамматических категорий заимствовались из одной грамматики в другую, подвергаясь лишь незначительным изменениям. Таким образом, все лингвистические опыты Академии наук первой половины XVIII века были взаимосвязаны. Некоторые исследователи (Л. Дюрович, В. М. Живов, Г. Кайперт и др.) считают поэтому целесообразным говорить о «грамматике Академической гимназии» как о совокупности текстов, представляющих единую традицию³⁸.

Однако следует отметить, что в указанный период создавались не только претендующие на нормативность научные грамматики. Также существовала потребность в справочниках, где

³⁷ Материалы, относящиеся к грамматическим штудиям В. К. Тредиаковского, до сих пор не найдены. Однако в 1733 году, обращаясь в Академию наук с просьбой принять его на службу, В. К. Тредиаковский выражал готовность заботиться «обо всем, что до изъяснения русской грамматики <...> способно относиться» («quidquid ad explanandas regulas grammaticae, nempe rossicae <...> spectare valeat» — Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. С. 380). Кроме того, известно, что он обучал русскому языку Президента Академии наук Г. К. фон Кайзерлинга и принца Антона-Ульриха. Возможно, материалы, относящиеся к грамматике В. К. Тредиаковского или же связанные с его педагогической деятельностью, погибли во время одного из пожаров, в 1736 или в 1747 году.

³⁸ Сходство грамматик русского языка, созданных в 1730–1750-е годы в Академии наук, натолкнуло Л. Дюровича на поиск общего их источника. Таковым, по его мнению, являются анонимные грамматические таблицы, датированные 1706–1707 годами, находящиеся в фонде Extranea Государственного архива в Стокгольме (картон № 157:6, № 38). Таблицы эти напечатаны шрифтом Э. Копиевича и содержат много замечательных инноваций, усвоенных последующей грамматической традицией. По предположению Л. Дюровича, вместе с Э. Копиевичем эти таблицы попали в Москву и стали основой последующих академических грамматик русского языка (*Дюрович Л. Древнейший источник парадигматики современного русского литературного языка // Russian Linguistics. Springer Netherlands, 1987. №2. P. 255–279*).

кратко изложенные грамматические правила были бы дополнены примерами диалогов и небольшими «лексиконами». В 1706 году в Столценберге вблизи Данцига было напечатано **«Руководение въ грамматику во славяноросійскую или Московскою. Ко употреблению учащихса азыка Московскаго. Manuductio in grammaticam in Slavonico Rosseanam seu Moskoviticam. In usum discentium linguam Moscoviticam»**³⁹ Э. Копиевича (Elias Kopijewitz или Kopiewski, ок. 1651–1714), издавшего несколькими годами ранее грамматику латинского языка для русских читателей⁴⁰, а также несколько тематических словарей-«номенклаторов»⁴¹. Грамматика «московского языка» Э. Копиевича невелика и представляет собой парадигмы русского склонения и спряжения, снабженные латинскими аналогами. К ней присовокуплены восемь диалогов, сопровождаемые параллельными текстами на латыни и немецком. Грамматика Э. Копиевича рассчитана на быстрое обучение иностранцев русскому; автор ее не вдается ни в лексические, ни в грамматические тонкости русского языка. Церковнославянские формы соседствуют с русскими, а грамматическая схема представляет собой переработку схемы М. Смотрицкого.

В 1730 году в Петербурге было издано еще одно практическое пособие, рассчитанное на быстрое (по утверждению автора — за восемь дней) обучение русскому языку, — анонимная **«Grammaire Française et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce. Грамматика французская и русская нынешняго языка сообщена съ малымъ Леѣикономъ ради удобства сообщества»**⁴². Русские грамматические правила изложены в этой грамматике по-французски, а русским парадигмам

³⁹ Репринтное издание: *Unbegaun B. O. Drei russische Grammatiken des 18 Jahrhunderts.* München, 1969.

⁴⁰ *Latina Grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis Slavonico-Russicae adornata.* Amslelodami (sic!), 1700 (указано в: *Unbegaun B. O. Russian grammars before Lomonosov // Oxford Slavonic Papers.* Vol. XVIII. Oxford, 1958. P. 106).

⁴¹ «Номенклатор на латинском, русском и немецком языке» и «Номенклатор на латинском, русском и голландском языке», опубликованные в 1700 году в Амстердаме (*Власов С. В., Московкин Л. В.* Илья Федорович Копиевский и его лексикографические труды // *Литературная культура России XVIII века.* Вып. 3. СПб., 2009. С. 36–42).

⁴² Известны два экземпляра «Grammaire Française et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce» (СПб., 1730): один хранится в Санкт-Петербурге в отделе редкой книги БАН (шифр

именного и глагольного словоизменения даны французские аналоги. Много спорных вопросов связано с определением авторства «Grammaire Française et Russe». В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800» указано, что автором является Ш. А. Декомбль († 1735), а переводчиком — И. С. Горлицкий (1690–1777)⁴³. В. П. Вомперский в статье «Неизвестная грамматика русского языка И. С. Горлицкого 1730 г.»⁴⁴ указывает, что Горлицкий был автором грамматики. Однако в последующих исследованиях подвергается сомнению и это предположение⁴⁵.

Как кажется, практические пособия по русскому языку, рассчитанные на быстрое обучение иностранцев навыкам разговорной речи, мало повлияли на становление академической грамматической традиции. Это неудивительно: перед создателями практических пособий и авторами научных грамматик стояли разные задачи, они ориентировали свои сочинения разному кругу читателей. Вероятно, не повлияли на становление академической традиции и грамматики русского языка, написанные за границей и до недавнего времени доступные узкому кругу читателей лишь в рукописях: «Grammaire et Méthode Russes et Françaises» (1724) Ж. Соье⁴⁶, «Грамматика русского и немецкого языков» (1725) И. Афанасьева и «Rudimenta linguae Russicae» К. Шталя (1745).

«**Grammaire et Méthode Russes et Françaises**» — это объемный труд (около 900 страниц), написанный по-французски

1730/2), другой — в Галле (Universitäts und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt, Halle an Saale).

⁴³ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800. Т. 3. М., 1966. С. 486.

⁴⁴ Вомперский В. П. Неизвестная грамматика русского языка И. С. Горлицкого 1730 г. // Вопросы языкознания. М., 1969. № 3. С. 125–131.

⁴⁵ Власов С. В., Московкин Л. В. «Учебник русского языка для французов “Грамматика французская и русская” (1730)» // Литературная культура XVIII века. СПб., 2007. С. 40–56.

⁴⁶ В настоящее время грамматика Ж. Соье издана: *Sohier J. Grammaire et Méthode Russes et Françoises. 1724* / Факсимильное изд. под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. Vol. I–II. München, 1987. См. также: *Freydank F.* Рецензия на издание: *Sohier J. Grammaire et Méthode Russes et Françoises. 1724* / Факсимильное изд. под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. Vol. I–II. München, 1987 // *Russian Linguistics*. Springer Netherlands, 1990. №3. P. 339.

Ж. Со́йе (Jean Sohier или Soyer), переводчиком церковнославянского, русского и польского языков в Королевской библиотеке в Париже. По-видимому, грамматика была написана им как квалификационная работа, необходимая для повышения по службе⁴⁷. Известны две рукописные копии этой грамматики: одна хранится в отделе манускриптов Парижской Национальной библиотеки (Slave 5), другая — в библиотеке Арсенала (Arsenal 8801). «Grammaire et Méthode Russes et Françaises» никогда не была напечатана, и можно предположить, что она осталась неизвестной русским филологам⁴⁸.

Другая грамматика русского языка, созданная за пределами России, — «**Грамматика рускаго і немецкаго языков**» — была написана в Лондоне в 1725 году И. Афанасьевым, секретарем русского посольства. Рукопись «Грамматики рускаго і немецкаго языков» хранится в Гоутоновской библиотеке Гарвардского университета (шифр Kilgour, MS Russ 5), издана она никогда не была. Единственным источником сведений об этой грамматике является статья Б. А. Успенского «Неизвестная грамматика петровской эпохи»⁴⁹. Об авторе же ее известно, что после прекращения дипломатических отношений России с Англией в 1720 году И. Афанасьев остался в Лондоне, там пришел в «крайнюю мизерию» и, вероятно, для собственных нужд написал грамматику русского языка. И. Афанасьеву так и не удалось вернуться в Россию — ходатайство А. Д. Кантемира перед гр. А. И. Остерманом об уплате его долгов и возвращении на родину успеха не имело.

Наконец, третья написанная за рубежом грамматика — «**Rudimenta linguae Russicae**» (1745) И. К. Шталя (Joachim Christoph Stahl) — невелика по объему (32 с., 4^о) и представляет

⁴⁷ Успенский Б. А. Одна из первых грамматик русского языка (Грамматика Жана Со́йе 1724 г.) // Вопросы языкознания. М., 1998. № 1. С. 94–109.

⁴⁸ Известно, однако, что в то время, когда Ж. Со́йе собирал материалы для своей грамматики (1721–1722), в Париже находились три русских студента — И. С. Горлицкий, Т. П. Постников и И. И. Каргопольский (См.: Успенский Б. А. Доломоновские грамматики русского языка (Итоги и перспективы). С. 471–472).

⁴⁹ Успенский Б. А. Неизвестная грамматика петровской эпохи (грамматика Ивана Афанасьева 1725 г.) // Russian Linguistics. Springer Netherlands, 1989. № 13. P. 221–244.

собой переработку «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В. Е. Адодурова⁵⁰. Рукопись этой грамматики хранится в архиве фонда Франке Главной библиотеки г. Галле (Hauptbibliothek, Archiv der Frankeschen Stiftungen, шифр J 23).

Таким образом, в первой половине XVIII века в России и за ее пределами был создан ряд грамматических пособий по русскому языку, образующих в своей совокупности определенную традицию. По большей части эти грамматики были созданы академическими филологами и переводчиками для приезжающих в Россию иностранцев, а также для учеников и студентов Академической гимназии и Академического университета. Несмотря на то что создавались эти грамматики с практической целью, многие из них не были лишены нормализаторской установки — стремления упорядочить и кодифицировать узус письменного русского языка в соответствии с правильным «европейским» литературным употреблением. Ориентация грамматистов той эпохи на европейские образцы выразилась в употреблении латинской терминологии и в использовании европейских грамматических моделей для описания русского языка. В сознании филологов той эпохи знание русского языка непосредственно связывалось со степенью владения иностранными языками. Так, В. Е. Адодуров характеризовал свое лингвистическое образование следующим образом:

«<...> я при Академіи наукъ учился языкамъ латинскому, нѣмецкому и французскому и при томъ имѣл случай собственные мои недостатки в правильномъ употребленіи природнаго нашего языка нѣсколько усмотрѣть и оныя в себѣ, по возможности, исправить»⁵¹.

Исправление русского языка при помощи знаний, полученных при изучении европейских языков, означало, очевидно, перенесение на русский язык принципов грамматической кодификации, принятых в европейской филологии.

⁵⁰ *Durovič L. Rudimenta linguae russicae* by J. Chr. Stahl // *Russian Linguistics*. Springer Netherlands, 1994. №18. P. 185–195.

⁵¹ *Пекарский П. П.* Указ. соч. С. 511.

Как мы отметили выше, переводы европейских естественнонаучных трудов, художественных произведений и филологических сочинений, французские и немецкие лингвистические теории активно обсуждались на заседаниях Российского собрания. Поэтому принятые в европейской традиции термины и определения грамматических категорий заимствовались филологами, работавшими над созданием грамматик русского языка. Кроме того, все лингвистические опыты первой половины XVIII века были взаимосвязаны. Они сыграли важную роль в процессе нормализации русского языка и сформировали ту традицию, в рамках которой в 1755 году появилась «Российская грамматика» М. В. Ломоносова — фундаментальное сочинение, знаменовавшее собой завершающий этап полувековых поисков нормы русского литературного языка.

Екатерина Игоревна Кислова

*Московский
государственный
университет*

**«Слово в день явления иконы
Пресвятыя Богородицы во граде Казани»
Димитрия Сеченова¹**

Публикуемое «Слово» является третьим в ряду подготовленных нами к изданию текстов проповедей Елизаветинского периода². Именно на него выбор пал по двум причинам. Во-первых, его автор — Димитрий Сеченов — был одним из немногих в середине XVIII в. церковных иерархов, имевших великорусское происхождение. Во-вторых, его проповеди пользовались популярностью у современников. В частности, публикуемое «Слово в день явления иконы Пресвятыя Богородицы во граде Казани» (далее — «Слово») было издано в XVIII в. 4 раза (один раз в гражданской орфографии, три раза — в церковнославянской).

Об авторе

Димитрий (Даниил Андреевич) Сеченов родился в дворянской семье в 1709 г. Получил образование в Московской Славяно-греко-латинской академии: «По окончании курса иеромонах Димитрий оставлен был при академии учителем “фары”. Своими высокими дарованиями и способностью к проповеди слова Божия обратил на себя особенное внимание начальства и 29 сентября 1738 г. к его учительским обязанностям присоеди-

¹ Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (МК-1256.2011.6).

² См.: *Кислова Е. И.* «Слово на день рождения Петра Федоровича» Симона Тодорского // *Acta Philologica: Филологические записки.* М., 2007. №1. С. 308–335; *Кислова Е. И.* «Божие особое благословение» Симона Тодорского 1745 г. (текст и комментарий) // *Acta Philologica: Филологические записки.* М., 2011 (в печати).

нены были и обязанности академического проповедника»³. Интересно отметить, что Сеченов учился в Славяно-греко-латинской академии примерно в одно время с М. В. Ломоносовым: «Когда Ломоносов, уйдя из родительского дома, поступил в Московскую славяно-греко-латинскую академию, он застал там среди своих новых товарищей-студентов двадцатидвухлетнего монаха Димитрия Сеченова, определившегося туда примерно за год до него. При Ломоносове Димитрий был пострижен в мантию (14 марта 1731 г.) и вскоре (24 ноября 1731 г.) посвящен в иеромонахи, при нем же окончил курс Академии и незадолго до переезда Ломоносова в Петербург (24 ноября 1735 г.) был назначен в ту же Московскую академию учителем»⁴.

С 4 декабря 1738 г. Димитрий — настоятель Свяжского Богородицкого монастыря (Казанская епархия), а также управляющий делами новокрещенных Казанской епархии. С 1740 г. — архимандрит; в это же время был назначен управляющим делами новокрещенных Казанской, Нижегородской, Астраханской и Воронежской губерний. В деле обращения иноверцев Сеченов действовал активно и не всегда гуманно: за один год в Казанской епархии число новообращенных превысило 17 тысяч, в Нижегородской епархии за 4 года — 30 тысяч⁵.

14 сентября 1742 г. Димитрий хиротонисан во епископа Нижегородского и Алатырского, 9 августа 1748 г. по болезни уволен на покой в Казанскую Раифскую пустынь. Однако через 4 года, 24 февраля 1752 г., Димитрия Сеченова вновь вызвали в Санкт-Петербург для присутствия в Св. Синоде и 21 июня 1752 г. назначили епископом Рязанским и Муромским. 22 октября 1757 г. он был возведен в сан архиепископа и назначен в Новгород. Именно Димитрий Сеченов совершал чин коронации Екатерины II, после чего 8 октября 1762 г. был возведен в

³ Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 6: Дабелов — Дядьковский / Под ред. А. А. Половцова и др. СПб., 1905. С. 394.

⁴ *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л., 1959. С. 1078.

⁵ *Грекулов Е. Ф.* Православная инквизиция в России. М., 1964 (http://krotov.info/lib_sec/04_g/gre/grekulov.htm). См. также: Русский биографический словарь. Т. 6. С. 394–395.

сан митрополита Новгородского и Великолуцкого. В 1767 г. был назначен депутатом от духовенства в комиссию для составления нового Уложения, присутствовал на открытии комиссии 30 июня, но 14 декабря 1767 г. скончался.

Димитрию Сеченову удавалось находиться в хороших отношениях со всеми царствующими персонами. Его карьера успешно началась при Анне Иоанновне и не прерывалась при Анне Леопольдовне. Он проповедовал на коронационных торжествах Елизаветы Петровны, приветствовал вступление на престол Петра III тремя речами, позже опубликованными в «Отечественных записках» (№ 6 за 1839 г.). В то же время именно он 2 сентября 1762 г. короновал супругу Петра III как Екатерину II, императрицу Всероссийскую: «Он до самой кончины своей пользовался особенным благоволением Великой Монархини, которая в переписке с Вольтером даже хвалилась тем, что имеет у себя такого священноначальника <...>»⁶.

Проповеди Димитрия Сеченова, «которых малые остатки случайно попались <...> в изорванных без конца и начала листках»⁷, приводил как образец красноречия А. С. Шишков⁸.

Имя Димитрия Сеченова не было забыто и в XX в.: наряду с другим иерархом, Сильвестром Кулябкой, он считается одним из возможных адресатов стихотворного «пашквиля» М. В. Ломоносова «Гимн бороде» (1757)⁹, а также одним из возможных авторов стихотворения «Передетая борода или имн пьяной голове», подписанного «Христофор Зубницкий», — ответа на стихотворение М. В. Ломоносова¹⁰. Интересно отметить, что в Полном собрании сочинений М. В. Ломоносова, в комментариях к «Гимну бороде», основанием для предпочтения на роль Христофора Зубницкого именно Димитрия Сеченова является в том

⁶ Три речи архиепископа Димитрия Сеченаго // Отечественные записки. СПб., 1839. №6. С. 1.

⁷ Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов. Ч. 12. СПб., 1828. С. 160-163. Рассуждения А. С. Шишкова по поводу конкретных фрагментов текста Димитрия Сеченова помещены среди комментариев к проповеди.

⁸ Там же. С. 161.

⁹ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л., 1936. С. 212-213.

¹⁰ Там же. С. 216-218.

числе стилистическое сравнение с проповедями иерарха: «Димитрий был не прочь иной раз предаться публичному самообличению, и его аудитории приходилось выслушивать в этих случаях такие, например, признания своего архипастыря: “Сам шанпанские и венгерские вина вместо квасу употребляю, а в церковь никогда и волоского галенка [т. е. крохотной бутылочки¹¹] не посылаю”... Или еще крепче и выразительнее: “Мы за чарку винца, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, в суде за гостинец, в торгу за копейку, в пост святой за курочку душу нашу промениваем” <...>»¹². Публикуемое нами «Слово» позволяет сравнить приведенную с купюрами цитату с исходным вариантом и увидеть, о ком же и что именно говорит Сеченов. Возможно, это позволит составить о противнике М. В. Ломоносова более полное и объективное мнение.

И в XVIII, и в XIX в. Димитрий Сеченов был известен в первую очередь как талантливый проповедник: в XIX в. были известны 2 рукописных сборника его «Слов»¹³. И хотя Екатерина после его смерти сообщала Вольтеру о желании издать все сочинения покойного Димитрия¹⁴, однако желание ее не исполнилось. За всё время были изданы только несколько произведений Сеченова.

1. «Слово на Благовещение» 25 марта 1742 г. («Слово в день Благовещения Пресвятыя Богородицы, В придворной церкви Ея Императорскаго Величества Благодетивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни наша Елисавети Первья, Императрицы Всея России, Проповеданное Архимандритом Свяжскаго Богородицкаго монастыря, Димитрием Сеченовым, в Москве, 1742 года, марта 25 дня»). Именно оно вызвало указ от 31 марта 1742 г. об обязательной публикации проповедей, произнесенных в высочайшем присутствии. Эта проповедь была

¹¹ Ошибочно: *волоский галенок* — это полштофа валашского (т. е. молдавского) вина. См. примечания в публикуемом тексте.

¹² *Ломоносов М. В.* Указ. соч. С. 1077.

¹³ *Филарет (Гумилевский)*. Обзор русской духовной литературы 1720–1858 г. (умерших писателей). Чернигов, 1863. С. 79.

¹⁴ Три речи архиепископа Димитрия Сеченаго. С. 1.

издана в типографии при Академии наук в Санкт-Петербурге, а затем была опубликована тиражом в 600 экз. (ползавода) в Московской Синодальной типографии. Однако уже вторая проповедь — публикуемое нами «Слово» (8 июля 1742 г.) — была издана тиражом в 1200 экз. Эти проповеди пользовались такой популярностью среди населения и настолько хорошо продавались (до нескольких сотен в день), что уже в 1743 г. было предпринято их переиздание тиражами в 1200 экз.:

«напечатать с прежних оригиналов с каждой по 1му заводу то есть по 1200 предик, понеже напечатанные в прошлом 1742м году в продаже все, а ныне оных предик купцы требуют непрестанно <...>»¹⁵.

«Слово в день явления иконы Казанской Богоматери» было переиздано также в 1746 г.

2. При жизни Димитрия была издана также «Речь благодарственная ея императорскому величеству, Всепресветлейшей, Державнейшей, Великой Государыне нашей Императрице Екатерине Алексиевне, Самодержице Всероссийской, именем всех верноподданных Ея Императорскаго Величества на Новый год говорена Святейшаго Правительствующаго Синода Членом, Преосвященным Димитрием Митрополитом Новгородским и Великолуцким в придворной церкви 1763 года, генваря 1 дня». Болховитинов говорит также о «нескольких других» проповедях Димитрия¹⁶, изданных при его жизни, однако можно утверждать, что изданы были только эти три произведения, уже к 1820-м годам, по свидетельству А. С. Шишкова, «забытые и совсем истребившиеся»¹⁷.

3. В 1839 г. в журнале «Отечественные записки» были с кратким вступлением анонимного публикатора напечатаны по рукописи «Речь преосвященного Димитрея архиепископа новгородскаго, к Ею Императорскому Величеству, поздравительная о возшествии на всероссийскій престоль», «Генваря въ 1 день

¹⁵ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 30. Л. 4об.–5.

¹⁶ *Евгений (Болховитинов)*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-латинской церкви. М., 1995. С. 87.

¹⁷ *Шишков А. С.* Указ. соч. С. 160.

1762 году после литургии, преосвященный Димитрий, архиепископ новгородский, говорил Его Императорскому Величеству в придворной церкви следующую поздравительную речь», «Речь, говоренная преосвященным Димитрием, архиепископом Новгородским, к Его Императорскому Величеству на вступление в присутствие из Сенату в синодские апартаменты»¹⁸.

История издания

Проповедь была произнесена 8 июля 1742 г., 29 июля 1742 г. она была «объявлена» секретарем типографии Андреем Чупреяновым:

«1742 года июля 29 дня в московской типографии тож типографии секретарь андреи чупреянов объявил что де святейшаго правительствующаго синода обер секретарь господин леванидов отдал ему предиду проповеданную при присудствии ея императорскаго величества в домовой ея императорскаго величества церкви казанскаго свияжскаго мнстря архимандритом димитрием сеченовым июля 8 дня сего 1742 года. приказано со онои предики посиле указа для всенароднаго известия в московскою типографии напечатать сколко потребно: секретарь андрей чюпреяновъ»¹⁹.

Однако проповедь не сразу поступила в печать: типография предпочитала печатать сразу несколько проповедей разных авторов. 20 августа был установлен тираж (1200 для проповеди Сеченова, по 600 — для проповедей Арсения Мацеевича и Стефана Савицкого, попавших в один заход²⁰).

25 августа 1742 г. тередорщик Афанасий Григорьев с товарищами доносил о готовности следующих текстов:

«по определению московской типографии велено нам нижеименованным на гражданском десятом стану напечатать воскресенскою азбукою предикъ проповеданья в нынешнем 1742 году при присудствии Ея императорскаго величества а имянно <...> июля 8 дня то есть в день казанския бдцы, казанскаго свияжскаго монастыря архимандритом димитрием сеченовым тсячь двести предикъ, которые предики мы нижеименованные и напечатали, а оные предики

¹⁸ Три речи архиепископа Димитрия Сеченова. С. 1–4.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4. Л. 23.

²⁰ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4. Л. 42об.

имеются каждая, а имянно, <...> архимандрита Димитрия сеченова на четырех листах»²¹.

Любопытно, что при этом на обложке проповеди Сеченова стоит дата выхода из печати — 12 августа, но информации о допечатке тиража в 1742 г. в делах типографии нет.

Уже 5 января 1743 г. в типографии принято решение о переиздании обеих проповедей Сеченова:

«за неимением в казне с предик проповедных в придворной ея императорскаго величества церкви при присудствии ея императорскаго величества в прошлом 1742м году, а имянно марта 25г то есть в день благовещения пресвятыя богородицы, июля 8г дня то есть в день явления чудотворныя иконы казанския пресвятыя богородицы, бывшим казанского свияжского монастыря архимандритом [что ныне преосвященный епископ нижегородский и алаторский] димитрием сеченовым напечатать с прежних оригиналов с каждой по 1м заводу то есть || по 1200 предик, понеже напечатанные в прошлом 1742м году в продаже все, а ныне оных предик купцы требуют непрестанно»²².

Таким образом, тираж в 1200 экз. разошелся примерно за 4 месяца. Отдельного указа о переиздании 1746 г. обнаружить не удалось, однако дата выхода тиража указана на обложке — 30 января 1746 г.

Графика и орфография

Необходимо подчеркнуть, что орфография и пунктуация автора не могли быть полностью отражены в издании: рукопись-автограф, хранящаяся в РГАДА (ф. 381, оп. 1, д. 543), написана четкой скорописью в орфографии, которую можно охарактеризовать как «бытовую церковнославянскую»²³: в ней отмечены написания под титлами, отдельные церковнославянские буквы (например, ψ , ξ), в отдельных словах расставляются знаки уда-

²¹ РГАДА, ф. 1184, оп. 2, д.4, л. 41.

²² РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 30. Л. 5–5об.

²³ *Кислова Е. И.* Взаимодействие орфографических систем в России середины XVIII века // *Beitraege der Europaeischen Slavistischen Linguistik (Polyslav)*. Band 13. Hrsg: K. B. Fischer, G. Krumbholz, M. Lazar, J. Rabięga-Wisniewska. Muenchen-Berlin, 2010. S. 80-84.

рения (оксия и вария) и придыхания. Относительно регулярно используется надстрочный знак придыхания:

- 1) в случае, когда слово начинается с гласной: удобѣ (л. 3);
- 2) при сочетании двух гласных внутри слова или на стыке слов: силнѣйшій (л. 14), похвалами ю (л. 3об.);
- 3) после отдельных мягких согласных: за розвозами (л. 10), чюждыа (л. 11об.).

Из трех вариантов использования знака придыхания только первый является стандартным церковнославянским.

Факультативно используются также знаки *исо* (в начале слова и на стыке гласных: неима^м, имя) и апостроф (в начале слова: имъ), в том числе над безударными служебными частями речи: *А о любви*. В стандартной церковнославянской орфографии *исо* и апостроф возможны только в начале слова над гласной.

Используется также надстрочный знак паерок на стыке согласных внутри слов и при сочетании с предлогами: истин'няя, в'до'жности.

Такое употребление надстрочных знаков не было характерно для стандартного церковнославянского и требовало исправления.

Наряду с а-йотированным в рукописи употребляется буква *я*, используется буква *э* (экономства — л. 12об.), вместо буквенных обозначений последовательно употребляются арабские цифры.

Автор также отражает особенности своего произношения: опускает *ј* в сочетаниях типа *россиски^х* (л. 1 и далее), произносимые согласные (*сонца* — л. 14), иногда отражает оглушение и озвончение согласных (*збѣдны^м* — л. 11об.) и другие типы ассимиляции (*боятца* — л. 11об.), иногда отражает также аканье (*абидимых* — л. 11об.), хотя в некоторых случаях сам исправляет *а* на *о* (л. 5об.: *елика* *вместна* и *можна* — *а* исправлено на *о*).

Такой текст при публикации «переписывался» в стандартную церковнославянскую орфографию, характерную для изданий Московской типографии середины XVIII в.; попутно шла правка пунктуации. Однако необходимо отметить не встречавшееся ранее употребление. В проповеди Сеченов 5 раз использует местоимение 1 л. ед. ч. *я*: в рукописи *ѿ* первом употреблении а-йотированное (л. 3: *Же|лалъ бы и ѿ слышате|дѣ сва|ми честнѣ|шю| херувимъ и стѣ|шю| всеа твари | недо|тойными*

моими усты похвалити...), остальные 4 раза — я (л. 3, 11, 13 и 14). В печатном тексте представлено редкое распределение **а** и **ѡ**, не соотносящееся с распределением рукописным: **а** употреблено только в контексте, где от 1-го лица говорит грешник: **Словомъ обѣщаетъ, | а твой истинной дръгъ, всегдашній любитель, | вѣрный слѡга, а дѣломъ враждѡю, ненавиждѡ, | слодѣйствѡю** (Г об.). В остальных случаях, когда от 1-го лица говорит проповедник, употребляется исключительно **ѡ** (л. В об., Г, ВІ, ГІ). Очевидно, это распределение — результат работы наборщиков. В издании 1746 г. распределение снято: везде употребляется **а**.

В двух случаях при издании оказались пропущены фрагменты текста; эта ошибка позже исправлена не была. При публикации пропущенный текст приводится в сноске по рукописи.

Сравнение изданий «Слова» 1742 и 1746 гг. показало, что тексты не имеют расхождений в содержании, однако между ними есть весьма существенные различия в пунктуации, а также в употреблении строчных и прописных букв. В частности, почти все слова под титлами, обозначающие Бога, Христа, Богородицу, а также географические названия и имена собственные в издании 1742 г. чаще всего пишутся с маленькой буквы. В издании 1746 г. почти все они последовательно даны с большой буквы. Различия в пунктуации отражают разное понимание наборщиками функции тех или иных знаков препинания — запятой, двоеточия, точки. Однако эта тема требует отдельного исследования.

Лексика

Употребление Сеченовым просторечных и даже грубых слов наряду с церковнославянизмами отмечали все исследователи и биографы, писавшие о нем. Однако в ряде других текстов многократно цитировавшиеся выражения типа, «**всегѡ міра свѣтианикъ философи | и бѡсловіи прехрабрѡй кавалеръ монашескихъ ликѡвъ || генералъ, пѣстынныхъ жителей верхъ и добротѡ**» (Воб.-Г) отражают обычное для эпохи проникновение неологизмов в тексты проповедей — жанра, обращенного в первую очередь к слушателям, ориентированного на их язык. Особенностью стиля Сеченова является мастерское употребление церковнославянизмов или русизмов в зависимости от того, в церковнославянском или русском дискурсе необходимо представить сюжет. Особенностью стиля Сеченова является также насыщенность текста

скрытыми и явными цитатами, в том числе из различных канонов и акафистов. В то же время Сеченов активно употребляет пословицы и поговорки: «в Риме был, а папы не видел», «последняя спица в колеснице» и пр. В гораздо меньшей степени, чем, например, Феофан Прокопович или Симон Тодорский, Сеченов использует символы и образы европейской культуры (например, восходящий к Цицерону образ «дамоклова меча», л. 1). В целом его проповедь имеет более богословский и нравоучительный характер, нежели проповеди его современников, большое внимание уделявших политическим и общественным событиям эпохи.

Грамматика

Специфика переключения дискурсов обусловила характер употребления маркированных грамматических форм. Наиболее ярко противопоставление реализуется в глагольных формах.

В «Слове на день явления иконы Казанской Богоматери» зафиксировано 96 церковнославянских по происхождению форм инфинитива с безударным суффиксом -ти, 33 «русских» формы с -ть и 3 формы с ударным -ти, совпадающие в русском и церковнославянском языках. Таким образом, число «русских» форм составляет 35%, при этом форма на -ти является немаркированной, нейтральной для языка проповеди, тогда как форма на -ть подчеркивает сниженность и разговорность контекста, появляется в характеристике грешников и грехов, в обличении современников.

Аналогичным образом выглядит распределение форм 2 л. ед. ч. презенса с церковнославянским окончанием -ши (18 примеров) и русским -шь (4 примера): формы на -шь появляются в пословицах и подчеркнута сниженных контекстах, тогда как формы с -ши — немаркированные и возможны как в собственном тексте автора, так и в цитатах.

10 инфинитивов от возвратных глаголов имеют стандартную для языка данного жанра реализацию с суффиксом -ти («правило возвратности»); однако 4 формы имеют суффикс -ть, что предопределено стилистическим требованием — сниженной маркированностью контекста и негласным, однако последовательным принципом употребления в однородных синтаксических позициях однотипных форм («правилом однородности»), например:

Люблѣю хр̑ста, чести искать, | богатства собирать, пришествовать, сбесловить, | хвастать, весеантса, забавлатса, день и нощ легкѡ, | нескѣчнѡ, а, хр̑стѣ въ мѣтвахъ поблагодарствовать, | въ цркви со оумилнѣемъ и страхомъ вѣимъ постоеать. || правѡ въ сѣтахъ и помо-литса нѣкогда. (Ѣ-Ѣ.об.).

Формы аналитического будущего времени представлены в данной проповеди только образованиями с глаголом *стану*, также появляющимися в сниженных контекстах (передача живой речи, обличение грешников, пословицы). Однако в другой проповеди Сеченова, «Слове на Благовещение», нет ни одного примера употребления церковнославянских по происхождению сочетаний с вспомогательным глаголом *имамъ / имею*, употребляются только русские по происхождению конструкции с вспомогательным *буду*. Это не совсем характерно для языка жанра: церковнославянские формы с *имамъ / имею* были более распространены как средство выражения будущего времени. Однако отказ от них в текстах Сеченова, возможно, связан с его великорусским происхождением: интерференция с украинским языком могла поддерживать активное употребление конструкций с *имамъ* в языке других авторов, преимущественно украинцев по происхождению.

Из форм прошедшего времени в проповеди отмечен только аорист (46 форм), причем Сеченов употребляет и редкие в проповедях формы, например, 1 л. ед. ч. (2), 1 л. мн. ч. (4) и 2 л. мн. ч. (5 примеров): *увѣдахъ, приидохомъ, совершите, праздновасте* (2), *приидосте*. «Русских» форм на -л в проповеди отмечено 42 (исключительно 3 л. ед. и мн. ч.).

Формы аориста отмечены не только в рамках точных и измененных цитат, которыми изобилует текст, но и в собственном тексте автора, преимущественно в нейтральном и высоком контексте, таком как поощряющее обращение к слушателям, описание событий, связанных с императрицей, описание проявлений Божьей воли и т. д. Формы на -л употребляются преимущественно в сниженном контексте: в описании действий грешников, бедствий при предыдущем царствовании, в пословицах и устойчивых разговорных выражениях. Реже отмечены они и в нейтральных контекстах: при введении цитат, в самих измененных цитатах.

Формы перфекта 2 л. ед. ч. с глаголом-связкой *еси* употребляются в тексте 5 раз, из них 2 раза — в цитатах и 3 раза — в обращении к Богородице.

Таким образом, грамматическая норма текста должна быть признана вариативной; Сеченов мастерски использует средства русского и церковнославянского языков для того, чтобы подчеркнуть высокий или сниженный характер речи, ее соотносённость с высоким или сниженным сюжетом.

Публикуемая проповедь является, как нам кажется, одним из интереснейших текстов православной культуры середины XVIII в. При публикации мы сохраняем полное соответствие орфографии и пунктуации московскому изданию 1742 г. Слова, набранные прописными буквами, подчеркнуты. Глоссы на полях вынесены в комментарий с указанием «Глосса».

Слово | въ день явленїа чудотворныа иконы | пресѣтыа вцы во градѣ казанї²⁴. | въ высочайшее присутствїе | Св. Сщеника Шагу | Величества, | Благочестивѣйша Самодержавнѣйша | Крѣпконосныа Императрицы | Велика, Гдѣри Нашеа |, Св. Свѣти Петровны | Всеа Русси. | Проповѣданное | Свѣдѣски Архимандритомъ²⁵ Димитріемъ | Сеченовымъ. | въ придворной цркви | въ москвѣ. 1742 года, 18 іюня. | Печатано въ Московской Типографїи 1742 года. | Августа 11 го дня. ||

Во имя Оца, и сына, и сѣагу | аха, аминь.

<а> Помышляа оудивляюса, разсѣждаа недоумѣваюса, слышателіе бгомъсобранїи. егда виждѣ съ | вѣрою, любовїю, желанїемъ, и ревностїю въ | храмѣ бжїа мѣре правотворны людей приеѣгающїи. | слыша, что с радостию похвалныа восписѣють²⁶ пѣсни, | дивляюса: что с веселїемъ

²⁴ Чудотворная икона Пресвятой Богородицы была обретаена в Казани чудесным образом 8 июля 1579 г.: после пожара, уничтожившего часть города, девочке Матроне во сне явилась Богородица, указавшая место, где в земле была сокрыта икона. Она стала одной из самых почитаемых икон России.

²⁵ С 11 декабря 1738 по 12 сентября 1742 г. Димитрий Сеченов был архимандритом Богородицкого монастыря в Свяжске (Казанская епархия).

²⁶ *Восписати* - вощылатъ, воздаватъ (Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 96).

торжественным со-|ставляютъ лики²⁷, недоумѣваюса. Рцыте ми дѣломъ | сѣтымъ, собранное наследіе хр̑стово: почто частыа, | совершаете праздники; едва токмо второмъ мѣсѣцѣ | лѣта начинающьса, а оуже третіе торжество бж҃іей | мѣри совершите.

Праздновасте срѣтеніе чудотворныа ікѡны | владимірскіа²⁸, и подобало тогда людемъ хр̑товымъ | праздничнаа любовоудрствовати, ꙗкѡ мѣрь бж҃іа | неусыпнаа хр̑танскіа помощница чре ікѡнѣ свою чудотворную принесенную ѿ владиміра, гордаго съпостата || <А ОБ.> рѡссійскаго безвожнаго цара ахмата оустраши, | посрами, и ѿ предѣла рѡссійскыхъ ѿгна²⁹. А намъ | чадомъ рѡссійскимъ на вѣчную хр̑стоиментомъ родъ³⁰ | славу, преславную вѣкторію дарова, смѣщеніа, | печали и болзни преложи на радость, миръ, тишинѣ и безпечаліе.

Праздновасте второе явленіе чудотворныа ікѡны | тихвинскіа³¹, и дѡрь: какъ таковою милость по-|лучивши не торжествовати: ꙗкѡ толкѡ мѣрь бж҃іа | ѡ людемъ хр̑танскихъ въ рѡссіи промышлетъ, ѿ |

²⁷ *Лики* — зд.: собрание поющих, хор, хоровое пение, хоровод (*Седано-ва О. А.* Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М., 2008. С. 168).

²⁸ Сретеніе Пресвятой Богородицы Чудотворной иконы Владимирской, написанной, по преданию, апостолом Лукой, несколько раз переносившейся из Владимира в Москву, отмечалось 23 июня (по старому стилю). В 1742 г. в этот день не было произнесено проповеди, однако 22 июня в присутствии императрицы «говорил предіку» без определенной темы Платон Малиновский, а 24 июня — Иоанн Кослович («Слово в неделю третью по сошествіи Святого Духа»). Таким образом, слова «подобало тогда людемъ хр̑стовымъ любовоудрствовати» могут быть восприняты как упрек ранее выступавшим проповедникам.

²⁹ Ахмат (?–1481) — последний хан Большой орды, в зависимости от которого находились московские князья. Осенью 1480 г. хан Ахмат с войском выступил против Ивана III. 23 июня в Москву была вновь перенесена икона Владимирской Богоматери. Успешное для русских войск «стояние на реке Угре», которым завершилось монголо-татарское иго, связывалось именно с заступничеством Богоматери Владимирской.

³⁰ *Христоименитый* — носящий на себе имя Христово. *Христоименитый род* — зд.: христиане.

³¹ Праздник в честь Тихвинской иконы Богоматери отмечается 26 июня (по старому стилю). Считается, что эта икона также написана апостолом Лукой. Однако 26 июня 1742 г. также не было проповеди, хотя 27 июня проповедовал Иоанн Козлович.

странъ восточныхъ идѣже нечестіе агаранское³² оумно-жиса, въ залогъ
мѣти своея новомъ Гілю посла чюдную свою Ікѡну, ꙗже аглами въ
рѡссію при-несена³³, чрезъ нюже, мнѡга блгодѣніа рѡссіи по-каза,
многожды слочестивыхъ свѣвѣ издавна на | предѣлы рѡссійскіа на-
падающихъ ѡгна и слѣпи³⁴, и | иннаа, преславнаа чѡдеса сотвори. ѡ
нихже подробнѣ | не достанетъ повѣствовати времени.

Почто же нынѣ на третіе торжество толикое | множество собираетса:
почто веселыа приносатъ | славослѡвіа; почто теплыа³⁵ возсылаютъ
мѡтвы; | рекѡтъ мнѣ, не далека ѡ тебе онаа пословица: | въ римѣ
былъ, а папы не выдадъ, въ казанѣ пребывалъ³⁶, | а ѡ семъ ли
праздницѣ, не вѣси, вѣдай: на похвалѣ || <В> преславныхъ, чѡдесъ
превѣгословенныа дѣи Ікѡною еа | чѡдотворною во градѣ казанѣ бы-
ваемыхъ собрахомъ-са, блгодарственнаа восписати, и велича на юю из-
лааннаа сѣна и бѣа еа прославити прїидохомъ: вѣждь | колѡкѡ застѣпница
наша ѡ насъ блговолитъ, егда | всещедный гдѣ, по неизреченной мѣти
своей блговоли | оущедрити³⁷ насъ. Ѣ работы³⁸ и мѡчителства варвар-
скаго страны рѡссійскіа свободы: столицѣ варвар-скѡю градъ казанскій
подъ нозѣ Хрѣтіанскѡмъ Само-держцѣ покори, страшна того и славна
повѣдителя | врагѡмъ показа³⁹, и цркѡмъ тѣтѡломъ на вѣчное |
прославленіе рѡссіи превознесе:⁴⁰ авіе, не мнѡги лѣтѡмъ | прешедшымъ,
мѣрь бѣжкіа новопросвѣщенномъ⁴¹ градѣ | казани на прогнаніе видимыхъ и

³² *Нечестие агарянское* — мусульманство. Агаряне (в библейской истории потомки Измаила, сына Агари) — частое в русских текстах название турок.

³³ По церковной легенде, эта икона исчезла из Константинополя за 70 лет до его взятия и в 1383 г. появилась в Тихвине. Считается, что она оставила Византию за «гордость и неправду».

³⁴ В 1613 г. Новгород был захвачен шведами, а Тихвинский монастырь подвергся осаде. Успешная оборона монастыря и освобождение Новгорода в 1617 г. связываются с защитой Тихвинской иконы.

³⁵ *Теплый* — горячий, усердный (*Седакова О. А.* Указ. соч. С. 355).

³⁶ См. прим. 196. Димитрий Сеченов провел в Казанской епархии 4 года.

³⁷ *Ущедрити* — смилиться, пожалеть (*Седакова О. А.* Указ. соч. С. 383).

³⁸ *Работа* — рабство (Там же. С. 292).

³⁹ Взятие Казани Иваном Грозным в 1552 г. отражено в целом ряде популярных в XVIII в. текстов: «Степенной книге», «Истории о великом князе Московском» А. Курбского, «Казанской истории» и др.

⁴⁰ Иван Грозный принял титул царя задолго до взятия Казани, 16 января 1547 г.

⁴¹ *Новопросвещенный* — недавно крещенный (*Дьяченко Г.* Указ. соч. С. 256).

невидимыхъ, враговъ въ | Ікѡнѣ своѡ ѿ нѣдръ земныхъ и зѣмши огнемъ | сілющю, паче же дѣчми мѣти своѡ всѣхъ | ѡзарющю даровада⁴². Въ зашнщѣе новымъ рѡссій-скимъ цремъ, на страхъ и боязнь варварѡмъ, а | на оувеселѣе новымъ людемъ акъ дражайший даръ | преславнѡ послала. Какъ намъ, за толикое блго-дѣланіе на торжествѡ сѣ не стекатисѡ, какъ ко | блгодаренію и мѣтвѣ не спѣшитисѡ, сей то нынѣ | радостный день, день преславный, день присно-памѣтный⁴³, оумолчимъ ли; каменіе возрпютъ⁴⁴, || <В, ѡб.> ѡставимъ ли; дѡвеса а не чѡловѣцы бѡдемъ⁴⁵. | Нынѣ оувѣдахъ гакъ добрѣ, добрѣ вонстиннѡ со-братесѡ, добрѣ црицѣ нѣси и земли насъ оушѡдрю-щѣй, мнѡбющѣй и застѣпающѣй блгодарствовати, прѣ-идосте, ѡ теплымъ ващѡ вѣры! ѡ горѡщѣмъ любве! | ѡ блгоговѣйнагѡ, оусердїа! дѡстойно и правѡдно | величати тѡю, ейже самъ сотвори величїе силный⁴⁶, и | намъ застѣпнищѡ показа. Желадъ бы и ѡ слышателїе | ѡ вамъ ч, тнѣйшю херѡвѣмъ⁴⁷, и стѣйшю всеѡ твари | недостойными моими оусты, похвалити, и блго-дѡрственнаѡ восписати, но недѡумѣнїе, страхъ и | трепетъ во оумъ и въ срце мое приходитъ.

⁴² О чудесном явлении иконы повествует «Повесть о явлении чудотворной Иконы Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, бывшем в Казани граде, составленная смиренным Ермогеном митрополитом Казанским и Астраханским в лето 7102 (1594)».

⁴³ *Приснопамятный* — достойный всегдашнего воспоминания (*Дьяченко Г. Указ. соч. С. 500*).

⁴⁴ Лк 19:40: «И отвѣщая рече им: глаголю вам, яко, аще сии умолчат, каменіе возопиет».

⁴⁵ Комментарий А. С. Шишкова к этому фрагменту: «На каком рассудке и знании основываясь можем мы для того только, что в простых разговорах не говорим некоторых слов, все изобретенные прежде высокому слогу необходимо нужные слова и выражения оставлять, почитать их вышедшими из употребления, и никакой силы и красоты языка сего не чувствовать? Какими умствованиями докажем, что поелику мы не употребляем ныне слов присно, лепота, воня, то уже не должны употреблять и приснопамятный, великолепный, благовонный? но таким образом лишимся мы всего богатства и важности своего языка» (*Шишков А. С. Указ. соч. С. 162–163*).

⁴⁶ Лк 1:49: «яко сотвори мне величїе сильный, и свято имя его».

⁴⁷ «Честнейшая херувим» — цитата из молитвы Богородице «Достойно есть».

Вспоминаю оню бгдохновенню пѣснь громо-|гласныя трубы, всю
 црковь хрстовъ сладостію, гласа | оувеселяюща⁴⁸ Іоанна, глаголю, да-
 маск⁴⁹ и всемъ | міръ славъ, что онъ разсѣждал неизреченныя | вѣѣа
 мѣре добродѣтели, засади пред, сномъ еа |, и бгромъ, и къ вѣрнымъ
 людемъ застѣпленіа, | щедршты и чѣдеса со оудивленіемъ восклицаетъ⁵⁰.
 | Любити оубв, намъ, пакъ безѣдное страхомъ | оудобѣе молчаніе, лю-
 бовію же дво пѣсни ткати | спротяженнѣ сложенныя, неудобно есть⁵¹.

Аще толикій, всегѣ, міра свѣтнникъ философіи | и бгсловіи
 прехрабрый кавалеръ монашескихъ ликѣвъ || <Г> генералъ, пѣстыннхъ
 жителей, верхъ и доброта⁵², | аггль во плоти, неизреченнхъ таинъ
 истолкова-тель, вѣѣа мѣре Усобавый сладжителъ, той | бр паче вѣѣхъ
 похвалами, ю прослави, емѣже | сама иногда гависа, и ѡсѣченню, рѣкѣ
 чѣдеснѣ | исцѣл⁵³, егоже послѣжде источникомъ сладкую, | и извѣилню
 водѣ точащн нарече⁵⁴, той егда влжити⁵⁵ | ю начинаеть, абіе оужасаетса,

⁴⁸ См. сравнение Иоанна Дамаскина с «богогласной трубой»: «Отче Иоанне всеумудре, церковь Христову уяснил еси песнями, божественнейшая сладкопоя, всеславне, действием, отче, Духа, твою цевницу ударяя, весличней Давидове подобяся. Еюже возглашая, божественными песнями вся привлекл еси» и т. д. (Служба Преподобному Иоанну Дамаскину).

⁴⁹ Иоанн Дамаскин (ок. 680 — ок. 780) — преподобный святой, один из Отцов Церкви, богослов и автор гимнов.

⁵⁰ Иоанну Дамаскину приписываются известнейший канон «О тебе радуется», несколько похвальных слов, множество гимнов, «Октоих».

⁵¹ Канон Рождеству Христову: «Любити убо нам, яко безбедное страхом, удобее молчаніе, любовію же, Дево, песни ткати спротяженно сложенныя, неудобно есть: но и, Мати, силу, елико есть произволение, даждь» (Нам удобнее бы хранить молчаніе, как не навлекающее никакой опасности; силою же любви к Тебе, Дева, создавать песни, стройно сложенныя, не легко: однако даруй нам, Мати, столько же силы, сколько имеем усердія).

⁵² *Верх* (цсл.) — наилучшая часть чего-либо (*Дьяченко Г.* Указ. соч. С. 72–73). *Доброта* (цсл.) — красота, слава, украшение (Там же. С. 147–148).

⁵³ Рука Иоанна Дамаскина была отсечена; после молитвы перед иконой Пресвятой Богородицы Иоанн Дамаскин был исцелен (Миней служебная. Декабрь. Ч. 1. М., 1982. С. 144–145).

⁵⁴ В Лавре преподобного Саввы Освященного старец-наставник запретил Иоанну Дамаскину писать. Однако по просьбе другого инока Иоанн написал надгробные тропари. Старец наложил на Иоанна тяжелую епитимью за послушание: он должен был вычистить в монастыре все отхожие места. Через несколько дней старцу в видении явилась Богородица со словами: «Зачем ты заградил источник, могущий источать сладкую и изобильную воду... Не препятствуй источнику течь... он всю вселенную протечет и напоит...» С этого

молчаніе любви | советуетъ, любви, оубо намъ, глаголетъ, | **як**W
 безвѣдное, страхомъ оудобѣ молчаніе⁵⁶; а | **а** ли скверный языкъ мой къ
 похвалѣ **оныя** | простерти могъ, весь къ земнымъ попеченіемъ |
 привязанъ, всегда временныхъ ищю, всегда | **земна** мѣдрствію, весь
 міра сегW прелестію⁵⁷ | **услѣ**плень, всю жизнь въ сладстехъ и страстехъ |
аки свиніа въ елатѣ **валюся**⁵⁸, не монахъ но | **среблазнь**, аки **тма** **ѿ** та-
 когW, свѣтила-ника разнствію, мерзкими нравами безсловесныхъ |
сѣотWвъ, **звѣрей** превосхождъ, не токмW говорити, | но ниже помыслити
 W **таковомъ** превысокомъ дѣлѣ | **дерзаю**.

Но малW вѣрою поддержимъ и любовію къ **дѣлѣ** | и **мѣри**
 подкрѣплемъ, не самъ единъ, но на | **оусердіе** сегW сегW **бл҃гочестивагW**
собраніа оупова, || <Г ОБ.> **вопросъ** та **бл҃гогласный органе**⁵⁹ **І**Wанне
бл҃годать | **дамаска** и сегW міра, что ты намъ странное | **советѣши**
дѣло, **идеже** бы **всѣмъ** **бл҃гоязычнымъ** | и **доброгласнымъ** **вѣтамъ**,⁶⁰
взыти **подобало** на **горѣ** | **высокъ**, и въ **крѣпости**⁶¹ **вознести** **гласъ**, и
новомъ | **Іерлїмѣ** **цркви** **хр товой** **свѣтлымъ**, **гласомъ** **величїа** | **чѣдеса**
бжїа **мѣри** **єанкW** **сила** **доавѣтъ** **пропо-вѣдывати**⁶², **такW** **молчати**
повѣдѣваши. **Ѹ** той | **ли** **молчати**; **котора** **радость** **всей** **вселеннѣй** | **да-**
ривала, **истиннаго** **свѣта** **хр та**⁶³ **неизреченнW** **родила**, | **бл҃гословеніе**

времени Иоанн Дамаскин беспрепятственно писал духовные песнопения и трактаты (Там же).

⁵⁵ *Блажити* — называть или почитать блаженным; прославлять, возвеличивать (Дьяченко Г. Указ. соч. С. 47).

⁵⁶ См. прим. 222.

⁵⁷ В тексте опечатка **прелестію**. *Прелесть* (цсл.) — заблуждение, прельщение, обман (Дьяченко Г. Указ. соч. С. 486).

⁵⁸ Ср.: «Якоже бо свинья лежит в калу, тако и аз греху служу» (Канон покаянный ко Господу нашему Христу) и «Велик боярин — свинья на болоте» (пословица). *Блато* (цсл.) — грязь, болото, тина, ил (Там же. С. 47).

⁵⁹ Ср.: «многогласный орган» — обычный эпитет Григория Богослова и Симеона Нового Богослова.

⁶⁰ *Вития* (цсл.) — оратор (Дьяченко Г. Указ. соч. С. 78).

⁶¹ В *крепости* (цсл.) — в силе. Ср.: «Глас Господень въ крепости» (Пс 28:4).

⁶² Ср.: «На гору Сион взыди благовествуяй, и Иерусалиму проповедуяй, в крепости вознести глас: преславная глаголашася о тебе граде Божий. Мир на Израїля, и спасение языкомъ» (Неделя ваий. Вход Господень в Иерусалим. Песнопения Троицы Постной).

⁶³ Ср.: «Аз свет в мир приидох, да всяк веруяй в мя во тме не пребудет» (Ин 12:46) и др.

принесла, царствіе заключенное **В**верзла: | **Ѡ** той ли молчати, котораа чистотою, смиреніе, | любовію, вѣрою, и всѣми добротами аггдскіа | превосходитъ силы; **Ѡ** той ли молчати; которю | вса племена прославляютъ, гдѣ токм вѣра | православнаа проповѣдѣтса, такм⁶⁴ | и имъ мрїино | славитса: прославляетъ помощь, еа греціа, | величаетъ силъ еа аравіа⁶⁵, простираетъ, къ ней | рѣкѣ свою еѳіопїа⁶⁶, хвалатъ, болгары, возносятъ | сербы, молдавіа блгодаритъ, | верїа⁶⁷ ублажаетъ, | и вскаа вѣрнаа дѣша во Усовности, милость еа | дознавши блгохвалитъ. Рссїа ли оумолчитъ; идѣже паче такм, въ православїи величїа и чдеса | еа дознаютса, да не бѣдетъ⁶⁸, **Ѡ** той ли молчати; || <Д> котораа насъ въ печали веселитъ, въ вѣдахъ | застѣпаетъ, разгнѣваннаго сїна своего и бгдмъ | насъ проситъ, врагмъ наши повѣждаетъ, грады и | страны подноги, вѣрныхъ, дѣей нашихъ покараетъ, | и намъ съ вѣрою имъ еа призывающымъ ово | невидимо, ово чрезъ іквны своа чдотворнаа | блгодать свою изнваетъ: ибо еа застѣпїемъ | вси врази наши хвалатса рссїйскимъ гдрствомъ | владати въ различнаа времена

⁶⁴ В издании 1746 г. такм исправлено на тамм, в рукописи — тако (л. 4).

⁶⁵ В IV–VI вв. н. э. христианство активно распространялось в Сирии (римская провинция Аравия, ныне — Иордания) и на юге Аравийского полуострова (совр. Йемен).

⁶⁶ Эфиопия приняла христианство в середине IV в. и до сих пор сохраняет его как основную религию.

⁶⁷ Иберия — древнее название Восточной Грузии. Зд.: Грузия. Часть свиты и духовенство, приехавшие с грузинским царем Вахтангом в 1725 г., в это время жили в Москве и активно занимались просветительской и книгоиздательской деятельностью. В 1743 г. в Москве была издана Библия на грузинском языке.

⁶⁸ Комментарий А. С. Шишкова к этой фразе: «В какую Риторику не годится сей пример красноречия? а особливо в Русскую, где не только смысл и сила всякого выражения, но даже и благоприятное размещение слов составляет некоторое украшение для заключающегося в них разума, без чего теряет он нечто от своего достоинства. Переменим только расположение слов: хвалят Болгары, возносят Сербы, Молдавия благодарит, Иверия ублажает, в следующее: хвалят Болгары, возносят Сербы, благодарит Молдавия, ублажает Иверия, сия единообразность в размещении глаголов перед собственными именами, хотя ни мало не переменит смысла речи, однакож отнимет у ней много приятности, или, хотя бы и можно было, употребляя один глагол, сказать: хвалят Болгары, Сербы, Молдавия, Иверия; смысл был бы тот же; но куда девалась бы плавность и красота слога, прельщающая разнообразием глаголов: хвалят, возносят, благодарит, ублажает? или каким образом без Славенской, или лучше сказать принадлежащей возвышенному слогу частицы да, можно бы было сделать сие прекрасное окончание: да не будет!» (Шишков А. С. Указ. соч. С. 161–162).

постыжденны, | пораженны и прогнанны, оумолчимъ ли; да не вѣдетъ. | Читаемъ мы въ книгахъ тѣхъ, егда праведный | тѣмъ мнѣмъ блага блгодѣлаша ѿ бѣа получилъ, совѣтъ | пріятъ ѿ агѣла рафаѣла не молчати, но проповѣдовати милость бжїю, такъ глаголетъ, агѣлъ | къ тѣмъ: хвалите г да бѣа не наго, и предъ всѣми | живущими исповѣдайте имя егѣ, зане сотвори | милость съ вами. Тайнѣ бо црѣв скрыти блго, | есть, дѣла же бжїа ѿкрыти и исповѣдати честно | есть⁶⁹. также и намъ безчисленна милости бжїа | мѣре полъчившимъ, не проповѣдовати страшно есть. | Да и самъ ты ѿ ѿманне стый не молчишь, знаемъ | мы что ни чѣа рѣка ѿ стыхъ толкѣ похвалныхъ пѣсней бжїей мѣри написа, колѣкъ твоа, | и гдѣ токѣ въ какомъ торжествѣ сложеніе твое || <Д, ОБ.> Шерѣтаемъ, такъ вездѣ блгодуховенна похвалы | краснѣ написанна видимъ, да еце и насъ | многожды къ пѣнію возбѣдаеш, всемирнѣю поеш | славъ ѿ человекъ прозвѣшю, и вкѣ рождшю, | не нѣю дверь воспонимъ мрію⁷⁰.

Но рассмотримъ слышателье, не къ такой силѣ | насъ дамаскинъ стый научаетъ, прославати не | запрещаетъ, токѣ совѣтуетъ посмотрѣтиса на | немоць естества нашегѣ, недостоинство и совѣсть | грѣхъ скверненнѣю, трѣ ради и вопіетъ: **акѣ** | вадшѣвленномъ бжїю кѣвѣтъ, да никакоже коснетса, | рѣка скверныхъ, но душами чистыми, и нескверными устнами, прїидите | возвеличимъ несквернѣю | и пречѣю мѣрь еммануилевъ⁷¹. а хотѣ любовь | къ бжїей мѣри возбѣдаетъ насъ, но недоволю | ко изреченію толкихъ добродѣтелей и чѣдесъ еа, | акже онъ въ тойже пѣсни изавлетъ: **любовію**, | же дѣо пѣсни ткати спротаженнѣ сложенна, | неудобно есть⁷². и кто восхвалити ю воз-

⁶⁹ Глосса: тѣмъ | глѣа ѿ. Тов 12:6–7: «он же отвѣща им тако рекуши, хвалите господя бога небеснаго, и предъ всеми живущими исповѣдайте его зане створи с вами милость свою. тайну бо цареву скрыти благо есть дело же божіе открыти и исповѣдати честно есть» (Острожская Библия).

⁷⁰ Ср.: «Всемирную славу, от человек прозябшую и Владыку рождшую, небесную дверь, воспоним Марию Деву, безплотныхъ песнь и верныхъ удобрение» («Богородичен»).

⁷¹ Ср.: «Душами чистыми, и нескверными устнами, приидите, возвеличимъ Нескверную и Пречистую Матерь Еммануилеву, Еюже, из Нея к Рожденному приносяще молитву: пощади души наша, Христе Боже, и спаси насъ» (Трипеснецъ святого Космы Маюмского).

⁷² См. прим. 222.

можетъ; | Недоумѣетъ, глеть еп̄ кп̄ маѳѳимскій⁷³, всакъ азъкъ | бл̄гохвалити по достоа́ннѣ⁷⁴, какъ вреннй азъкъ | Б̄ похваахъ, не повѣдѣтса, въ которой и естественнѣ повѣждаютса оуставы, и дѣва и мати оумерла | и жива на нб̄си с̄ с̄номъ цр̄ твѣтеть, и на землѣ || <Е> насть милостивнѣ посѣщаетъ. ѿ дивнагѣ на ней | смотренѣ бж̄г̄л! по семъ правда с̄таго дамаскина. | аще нѣдимса⁷⁵ совершннѣ по достоннствѣ похвалити, и дѣмаемъ всецѣлѣ за толкнѣю ма̄ть возбл̄годарити, невозможнѣ, ачше любити молчаніе. аще же по | вѣрѣ и силѣ нашей, еликѣ вѣстнѣ⁷⁶ и можнѣ | намъ хвалити, и бл̄годарити не запрѣщаетъ, но | еще за бл̄годѣннѣ даръ пѣсни бл̄годарнымъ приносити | повелѣваетъ. Достойнѣ глаголетъ, хвалитъ такѣ бл̄годѣтелициѣ, даръ носяще пѣснь бл̄годареннѣ⁷⁷. | Но и въ томъ надѣаетъ насть, помощи ѿ неаже | просити стажавше произволеніе, ибо онъ же, за-ключала вышереченнѣю пѣснь, поетъ, но и мати | даждь намъ силѣ, еликѣ есть произволеніе⁷⁸.

Поданнѣ слышателіе, что и мы во храмъ бж̄г̄л | м̄тр̄е дла̄ тогѣ со-брахомса предстательницѣ⁷⁹ и | заступницѣ, нашей за толкнѣю даръ возбл̄годарити | понѣждаемса, что она въ знакъ ма̄ти своел̄ образѣ | своимъ чѣдотворнымъ посѣтила насть, симъ по-знаемъ что не ѿстѣпаетъ ѿ насть, а во бл̄годареннѣ | просити помощи ѿ неаже держаемъ, понеже сами | недоумѣемъ, но токѣ держаемъ опаснѣ⁸⁰, что бы | за

⁷³ Козьма Иерусалимский (Маюмский) — византийский поэт, автор многочисленных церковных канонов, считавшийся братом Иоанна Дамаскина. С 743 г. — епископ Маюма (Финикия).

⁷⁴ Ср.: «Недоумеет всяк язык благохвалити по достоянию, изумевает же ум и премирный пети Тя, Богородице» (Никакой язык (человеческий) не в силах восхвалить Тебя по достоинству, и даже горний (ангельский) ум недоумеает, как воспеть Тебя, Богородице) (Канон Косьмы Маюмского на Богоявление).

⁷⁵ Нудитися (цсл.) — стараться, порываться (Седакова О. А. Указ. соч. С. 207).

⁷⁶ Вместно — уместно, прилично случаю, обстоятельствам (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3. Л., 1987. С. 223).

⁷⁷ Ср.: «О паче ума Рождества Твоего чудес, Невесто всечистая, Мати Благословенная! Еюже получивше всесовершенное спасение, достойно хвалим, яко Благодетеля, дар носяще песнь благодарения» (Канон Богоявлению Господню, Иоанн Дамаскин).

⁷⁸ См. прим. 222.

⁷⁹ Предстательница (цсл.) — покровительница, защитница, помощница. (Дьяченко Г. Указ. соч. С. 482-483).

⁸⁰ Опасно (цсл.) — осторожно, осмотрительно, тщательно (Там же. С. 384).

бл҃годареніе вмѣстѣ милости не пріѣти гнѣва. | Оужаснѣ⁸¹ да не речеть
къ намъ мѣръ бж҃іа онаа || <Ѣ ОБ> дѣа сѣагѣ словеса, сїи людїе
оустнами чѣдѣтъ ма, | срце же ихъ далече ѡстоитъ ѡ мене, ѡидите, не |
вѣмъ, вастъ⁸². разсмотримса с совѣстїю нѣтъ ли въ | насъ чегѣ чѣждагѣ
и излишнѣагѣ ѡ прелестнѣагѣ мїра | сегѣ стѣжнѣагѣ, а мїръ сей весь во
злѣ лежитъ⁸³. | аще кто любитъ мїръ, любви, очїи нѣсть в немъ⁸⁴, |
гремитъ снѣ громовъ⁸⁵: всѣ мїра сегѣ честнѣа, | славнѣа, богѣаа,
высѣаа, по реченїю дѣа сѣагѣ | чрезъ мѣдрѣца: сѣета сѣетствѣ⁸⁶, и аще
что въ насъ | ѡ непрадїи и ѡ неправды вѣдетъ, или все ѡ мїр-сїихъ, а
ѡ дѣховныхъ, не ѡврацѣтса, то и бл҃го-дарствїе негодно гавитса
грѣшника, да еше въ | словѣ столѣагѣ, и не каюцагѣса, мѣръ бж҃іа
не | послушаетъ, но аще кто бг҃отецъ⁸⁷ есть, и волю | сѣа еа творитъ,
того послушаетъ⁸⁸. Кто оубѣ | исправенъ да держаетъ, а кто со мною ѡ
числа грѣш-ныхъ пѣсть постоитъ, не прїчина, беремса за, | слова, да
сѣтъ ли въ насъ хр҃тїанскаа дѣла, дѣло | слова силѣе, каа польза, хвала
во оустѣхъ⁸⁹, | а не правда въ сердцѣ.

Ѣсмотримса во первыхъ, не глаголю всецѣла, но | хотѣа малѣ, хра-
нимъ, ли мы должностъ и званїе | наше, дѣломъ или токѣмъ словомъ
величаемса, а | должностъ наша перваа не иннаа, токѣмъ должностъ ||
<Ѣ> хр҃тїанскаа. Подлиннѣ, что по бл҃годати хр҃товой | бл҃гополѣчнїи

⁸¹ Ужасно (цсл.) — с ужасом или в ужасе (Там же. С. 752).

⁸² Ис 29:13: «И рече Господь: приближаются мне людие сии усты своими и устнами своими почитают мя, сердце же их далече отстоит от мене: всуе же почитают мя, учаше заповедемъ человеческимъ и учениемъ»; Марк 7:6: «Он же отвѣщавъ рече имъ, яко добре пророчествова исаїа о васъ лицемерехъ, якоже есть писано: сии людие устнами мя чтутъ, сердце же ихъ далече отстоитъ от мене».

⁸³ 1 Ин 5:19: «Вемы, яко от Бога есмы, и миръ весь во злѣ лежитъ».

⁸⁴ 1 Ин 2:15: «Не любите мира, ни яже в мире: аще кто любитъ миръ, несть любви Отчи в немъ».

⁸⁵ Сынъ громовъ — зд.: Иоанн Богословъ. В Евангелии от Марка Иисусъ назвалъ такъ Иоанна и Іакова: «и іакова зеведеова и іоанна брата іаковля: и нарече има имена воавергѣс, еже есть сына громова» (Мк 3:17).

⁸⁶ Глосса екллїа: | гл҃а а̄. Еклл 1:2: «Суета суетствїи, рече екллїаистъ, суета суетствїи, всяческая суета».

⁸⁷ Боготецъ (цсл.) — почитающїй Бога, богобоязненный (Дьяченко Г. Указ. соч. С. 54).

⁸⁸ Ин 9:31: «Вемы же, яко грѣшники Богъ не послушаетъ, но аще кто Боготецъ есть и волю его творитъ, того послушаетъ».

⁸⁹ Пс 33:2: «Благословлю Господа на всякое время, выну хвала его во устехъ моихъ».

есмы, что сегѡ дражае и славнѣе | можетъ быти; что самымъ хр̑товымъ
 именемъ | нарицаемса, хр̑тиане есмы. ѿ имени вса высочай-шала дос-
 тоинства и тѣлбы, превосходащаго! По | семѡ чада бж҃їа⁹⁰, по семѡ
 наследницы бж҃їи, и со-наследницы хр̑тѡ⁹¹ и симъ что хр̑тиане предъ
 языки | невѣдѡшми б҃га, а что православни предъ всеми | ѡщепенцами
 величаемса, славатса народы персїдскїа⁹², | индїйскїа⁹³, и японскїа⁹⁴ бо-
 гатствомъ, златомъ, | каменїемъ, аршматами, драгоценными вещми, | а
 егда имени хр̑тианскаго не имѡтъ самыхъ еврей | скалннѣиши⁹⁵ сѡтъ.
 Кичатса еврѡпейскїа гдрства | славою, мужествомъ, мудростїю,
 искусствомъ въ | художествахъ, а симъ ѡ послѣднихъ устаютса, | что
 православїа не содержатъ. Что пользуется вре- | меннаа, слава аки цветъ
 щцвететъ⁹⁶, а вѣчныа | лишены бѡдѡтъ, а мы какъ предъ всеми
 бл҃гополѡч-нѣиши православни хр̑тиане есмы. Бимъ аплн, | мчницы,
 исповѣдницы, на соборищахъ и сѡдищахъ | предъ мѡчители и цри и всеми
 языки⁹⁷ прославадїа. | егда вопросими были ѡ нихъ, крегѡ рода, гдѣ |
 очество ваше; какѡ нарицаетса; ѡвѣщали: сїе | бл҃городїе, сїе очество,
 сїе званїе наше, хр̑тиане есмы. || <Ѣ Об.> бїйте, мѡчите, жжите, сѣщыте,

⁹⁰ Глосса: *ἰὼν ἄ.* Ин 1:12: «Елицы же прияша его, даде им область чадом Божиим быти, верующым во имя его».

⁹¹ Ср. Рим 8:17: «Аще же чада, и наследницы: наследницы убо Богу, наследницы же Христу, понеже с ним страждем, да и с ним прославимся».

⁹² В середине XVIII в. Персия неоднократно упоминается в различных текстах как эталон экзотичной, но влиятельной и важной для России страны. Дипломатические отношения с Персией в это время были весьма активными (см.: *Уляницкий В. А.* Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899. С. 198–221, 469–634).

⁹³ Торговые контакты России с Индией активизировались во второй половине XVII в., делались также попытки установить официальные дипломатические отношения (см.: *Уляницкий В. А.* Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI–XVII вв. М., 1889. С. 22–37). Индия традиционно считалась одной из самых загадочных и богатых восточных стран.

⁹⁴ В рукописи — *японскїя* (л. 7). Появление в ряду богатых и влиятельных стран Японии обусловлено, видимо, двумя экспедициями М. П. Шпанберга: в 1739 г. он достиг о. Хонсю, в 1742 г. началась вторая экспедиция в Японию, завершившаяся неудачей.

⁹⁵ *Окаянный* — достойный сожаления, бедный, убогий, несчастный (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 16. СПб., 2006. С. 225).

⁹⁶ Ср. Пс 102:15: «Человек, яко трава дние его, яко цвет селный, тако оцветет».

⁹⁷ **языкъ** (цсл.) — народ (*Седакова О. А.* Указ. соч. С. 402). В значении «наречие» это слово пишется как **азыкъ**.

ОГню и мѣкамъ | предайте, не ѡречемса, не посыдимса хр̑т̑ане, | есмы. добръ вѣдали оныа Петра с̑тагъ слова: | Аще оукоремѣ есте ѡ имени хр̑товѣ, блаженѣ есте, | дакъ славы, и дх̑ъ бж̑ий на васъ почиваетъ⁹⁸; про-|славляемса и мы преемницы, ѡ нихъ бл̑гочестивыа | вѣры, с̑е намъ и богатство и слава и надежда и | крѣпость и мѣдрость, что во хр̑та правовѣрѣемъ, | православию хр̑т̑ане нарицаемса.

Но невесма величаемса, ѡсмотримса согласно, ли | имени хр̑товѣ живемъ, величаемса, и павлинъ, пестро-|тою и ѡбширноствю хвоста свѣгъу, а какъ по-|смотреть на сѣрые свои ноги, аби и перѣ ѡпщаетъ⁹⁹. | ѡсмотримса и мы съ совѣстю съ дѣлами съ прав-|дою, такъ и пред татарами вѣдетъ стыдно¹⁰⁰. | ѡ вѣдствіа и нерадѣніа нашегъ! что гл̑ю ѡ | хр̑танствѣ, но по еликъ человекъци разѣмни, есмы, | и того въ редкихъ сыщется, и то неправдами | нашими потерали, ѡсюдъ познается человекъ, аще | плоть дѣши покаржетъ, аще разѣмомъ над страстми | ѡвладеетъ, что оумъ прилично избиретъ, а что | противно ѡвергаетъ. аще бл̑городіа дѣшевнагъ | въ тинѣ сладстей не погружаетъ, аще кротокъ, | построненъ, терпѣливъ, сострадательнъ, милосердъ, || <э> любителенъ, благъ, незлобивъ, се характеръ чело-|вѣчества. Но не во всѣхъ с̑е оу насъ ѡбращается, | и оуже не токмо слыхъ ради нравствъ нашихъ по | словеси ѡлломопѣвца скотомъ несмысленнымъ¹⁰¹, но | самъ, свирѣпымъ свѣремъ смѣемъ, скорпѣемъ сорав-|нихомса. добръ ѡписуетъ златовстыи члѣвческіа, | слобы, какъ, глетъ, человекъка, та наречемъ, | рцы ми: Егда скачешѣ аки телець, неистовствѣеши | аки конь, пресыщашиса аки медвѣдь, сподомниши | аки вервьлюдь, похищашѣши аки волкъ, гнѣвашиса | аки смій, оуазвладеши аки скорпѣа, пронирыливъ | еси аки листь, гадъ лѣквства соблюдаешѣ такъ | аспѣдъ и ех̑дна, воюешѣ

⁹⁸ Глосса: пет̑̂р̑̂ | гл̑̂д̑̂. 1 Пет 4:14: «Аще укоряеми бываете о имени Христове, блаженѣ есте яко славы и Божий Дух на вас почивает: онеми убо хулится, а вами прославляется».

⁹⁹ Источник этого образа — «Физиолог». Образ павлина, любующегося своими перьями, но стыдящегося своих ног, традиционно выступает как символ христианина, который должен всегда помнить о своих изъянах и стыдиться их, несмотря на красоту своих достоинств.

¹⁰⁰ С 1738 г. Сеченов являлся управляющим делами новокрещенных Казанской епархии (татар и башкир-мусульман), с 1740 г. — управляющим делами новокрещенных Казанской, Нижегородской, Астраханской и Воронежской губерний.

¹⁰¹ Пс 48:13: «И человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им».

на брѣтїю аки лукавыи | демѡнѣ, какѡ възмогѡ тѣ съ челоѡѡки сочетати,
 | не зрѣ въ тебѣ такогаѡ естества начертанїѣ, | что бо тѣ рѣкъ свѣрѣ
 ли, но и свѣрїе единыхъ | ѡ снхъ согрѣшенїемъ держатсѣ, тыже вкѡпе
 собравъ | всѣ, далечайше онѣхъ неразѡмїѣ шестѡдешї¹⁰², до здѣ |
 златоѡстѣ сѣѡи. **АЩЕ** челоѡѡчество еѡва въ насъ | сыщетсѣ, а ѡ
 хрѣтїанствѣ и говоритъ нѣчегѡ, | хрѣтїанство жизнь совершеннаѣ, жизнь
 еѡлскаѣ, | жизнь агѡлѡѡмъ подобна. **О**баче вопросимъ, что | есть
 хрѣтїанинъ; сѣннаѣ бѡгословїѣ хрѣтїанина ѡ хрѣта | званїе занимствовати
 разѡмѣетъ. Сей глаголетъ || <З ОБ.> хрѣтїанинъ, иже хрѣтовъ есть, во
 хрѣта вѣрѡетъ, | дѡхомъ хрѣтовымъ ходитъ¹⁰³, стопамъ еѡѡ послѣ-
 | дѡетъ¹⁰⁴ хрѣтѡ живетъ, грѣхѡ оумираетъ¹⁰⁵, вопреки | же, **АЩЕ** кто въ
 житїи хрѣтѡ не соѡбразѡетсѣ, сей | истиннымъ хрѣтїаниномъ нареѡисѣ не
 можетъ, | ибо все житїе хрѣтїанское есть крѣтъ, терпѣнїе, по | словеси
 апѡскоѡѡ: иже хрѣтовы сѡтъ, плоть распѡша | со страстми и похотми¹⁰⁶,
 сѣе и самъ истина подѡтверждаетъ. **АЩЕ** кто хоѡтетъ послѣдовати мнѣ, |
 да ѡвержетсѣ себе, и возметъ крѣтъ свой¹⁰⁷. **АЩЕ** | кто мнѣ сѡжитъ,

¹⁰² Глосса: златоѡстѣ | на ма^ѡ | пра^ѡ дѣ. Иоанн Златоуст, Беседа на Святое Евангелие от Матфея: «Итак скажи мне, по чему могу узнать, что ты верный христианин, когда все исчисленное мною и другое многое уверяет в противном? и что говорю: верный христианин? даже и того, человек ли ты, не могу узнать подлинно: ибо стучишь ты ногою как осел: скачешь как вол, ржешь на женщин как конь: объедаешься как медведь: насыщаешь тело как лошак: злопамятен как верблюд: хищен как волк: сердит как змея: язвительен как скорпион: пронырлив как лисица: хранишь в себе яд злости, как аспид и ехидна: враждуешь на братьев, как демон лукавый. Как я могу счесть тебя за человека, не видя в тебе свойств естества человеческого? ища образа верного христианина, не могу найти разности даже между человеком и зверем. Чем же назову тебя? зверем? Но у каждого зверя один какой-нибудь из сих пороков; а ты, совокупив в себе все означенные пороки, далеко превосходишь их своим неразумием» (<http://www.pagez.ru/lsn/0113.php>).

¹⁰³ Ср. Гал 5:25: «Аще живем духом, духом и да ходим».

¹⁰⁴ Ср. 1 Пет 2:21: «на сие бо и звани бисте: зане и Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам его».

¹⁰⁵ Ср. Рим 6:10-11: «10. Еже бо умре, греху умре единою: а еже живет, Божови живет. 11. Такожде и вы помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Божови, о Христе Иисусе Господе нашем».

¹⁰⁶ Глосса: к галат: | гл^ѡ а^ѡ е. Гал 5:24: «А иже Христовы суть, плоть распѡша со страстми и похотми».

¹⁰⁷ Глосса: ма^ѡ гл^ѡ а^ѡ и^ѡ (так и в рукописи). На самом деле — Мф 16:24: «Тогда Иисус рече учеником своим: аще кто хоѡтет по мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по мне грядет».

мнѣ да послѣдуетъ¹⁰⁸; и что | мнѣ многоу жизнь хр̄ тїанскѣюу ꙗꙗписовати,
 довольно | во сѣтомъ еѡу г̄л̄и и въ посланиихъ ап̄лскихъ ꙗꙗписана. | вса
 жизнь хр̄ тїанскаа въ сихъ заключается, с̄ вѣрою | правую любити б̄га и
 ближнѣго своего, какъ самъ | хр̄ тосъ г̄ дь наѡчаеъ. аще кто любитъ
 ма, | слово мое соблюдетъ¹⁰⁹: аще любите ма, заповѣди | ма соблю-
 дите¹¹⁰. всюду признаютъ васъ. пакъ мои | рченицы есте, аще любовь
 имате между собою¹¹¹. | заповѣди б̄жїа хранить, и ближнѣго любить, | на
 семъ весь законъ и пророцы висятъ¹¹². с̄е истинное | хр̄ тїанство¹¹³ что до
 любви б̄жїей и до любви ближнѣгоу | надлежитъ, ѡ томъ со всакимъ
 прилежанїемъ стара-тсѣ и всакихъ способовъ ѡупотреблатъ. || <И>

Любити б̄га не инное что, но все желанїе къ немъ | возводити, по
 реченїю цр̄а и пророка: Имже образомъ | желаетъ елень на источнику вод-
 ныхъ, сице желаетъ | душа моя къ тебѣ б̄же¹¹⁴. все бл̄гополучїе свое | въ
 немъ полагати, какъ тойже наѡчае пророкъ, что | ми есть на небси: и ѡ
 тебе что восхотѣхъ на | земли: б̄же срца моего, и часть моя б̄же во |
 вѣкъ¹¹⁵. вса на словъ ег̄у творити, въ волю ег̄у | предаватсѣ, на него
 единого ѡповати, ѡ нег̄у | всѣхъ благъ просити, наказанїе ег̄у съ лю-

¹⁰⁸ Глосса: ѡа^н г̄л̄ а | б̄и. Ин 12:26: «Аще кто мне служит, мне да последует, и идеже есмь аз, ту и слуга мой будет: и аще кто мне служит, почитит его Отец (мой)».

¹⁰⁹ Глосса: ѡа^н г̄л̄ а | д̄и. Ин 14:23: «Отвеща Иисус и рече ему: аще кто любит мя, слово мое соблюдет: и Отец мой возлюбит его, и к нему приидеда и обитель у него сотворима».

¹¹⁰ Ин 14:15: «Аще любите мя, заповеди моя соблюдайте».

¹¹¹ Глосса: ѡа^н г̄л̄ а | г̄и. Ин 13:35: «о сем разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою».

¹¹² Мф 22:37–40: «37. исус же рече ему: возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею: 38 сия есть первая и болшая заповедь: 39 вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего яко сам себе: 40 в сїю обою заповедию весь закон и пророцы висят».

¹¹³ Ср. с названием трактата основоположника немецкого пиетизма И. Арндта «Четыре книги об истинном христианстве», переведенного Симона Годорским, изданного в Халле в 1735 г. Книга свободно распространялась в России, но была запрещена в 1743 г. указом Синода как зарубежное издание, не проходившее духовной цензуры.

¹¹⁴ Глосса: ѡа^н ма. Пс 41:2: «Имже образом желает елень на источнику водныхъ, сице желает душа моя к тебе, Боже».

¹¹⁵ Глосса: ѡа^н ѡв. Пс 72:25-26: «25. Что бо ми есть на небеси? и от тебе что восхотех на земли? 26. Изчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во век».

бо́вю | бл̄годарнѡ, прїимати, вѣдствѣетъ ли кто, нищѣт-|ствѣетъ,
 немощствѣетъ, все егѡ премудромъ | промыслѣ восписовати, такѡ онъ
 по ма ти и любви | къ ползѣ нашей творить, егоже любитъ, на-|казѣетъ.
 егоже бїетъ, прїемлетъ¹¹⁶. наказѣетъ а | наказанїемъ или прешедшїа грѣху
 вставляетъ, | или къ покaанїю ведетъ, и такѡ, злато въ горнилѣ, | чрезъ
 терпѣнїе ѡчїстить¹¹⁷. или бѣдѣщїи вѣнцы оцго-|товить. а безъ егѡ
 промысла и власъ главы нашея | не погибнетъ¹¹⁸. и таковое ѡ насъ
 попеченїе добрѣ | изъавляетъ, во сѣомъ еѡ ѡн: Не двѣ ли, глѣтъ, | птицѣ
 цѣнитѣса единомъ асарїю; и ни едина ѡ нею | падетъ на земли, бе оца
 вашегѡ. Вамъ же и | власи главни вси изочтени сѣтъ¹¹⁹, и индѣ не
 имамъ || <И ѡб.> тебе ѡставити, ниже ѡстѣпити ѡ тебе¹²⁰. а при | семъ
 всѣ догматы и преданїа рѣзаконенна, ѡ | хр̄ста г̄ да, ѡ ап̄лъ, и ѡ цркви
 правѡ вѣровати | и крѣпкѡ содержать, а наипаче страданїе и оудовле-
 |творенїе с̄на бжїа за грѣху наша, въ мысли и | памяти всегда имѣти, и
 за таковое ѡ насъ славное | смотренїе бл̄годарнѣ быти, во свѣтѣ
 заповѣдей егѡ | ходити¹²¹ вѣчныхъ, а не временныхъ искати, о бѣдѣ-
 |щїей жизни тѣшателнѡ радѣти, да не восхититъ | насъ г̄ дѣ не готовыхъ, ибо
 не вѣмъ въ кїи часъ | прїдетъ¹²². Се любовь бжїа во кратцѣ.

Любовь же ближнагѡ въ семъ состоитса, какогѡ | добра, себѣ
 хотѣти, тое и ближнемъ и желати и | творити, какъ самъ предвѣчнаа
 правда набуаетъ. | аще хошете да творатъ вамъ человецы, и вы | тво-
 ритѣ имъ такожде¹²³. срадѣющимиса радоватиса, | съ плачѣщими
 плакати, бл̄гополѣчїю ближнагѡ неза-|видѣти, въ бѣдахъ помогати,
 ѡбидимаго застѣ-|пити, печальнаго оутѣшити. скорбѣшемъ совѣтъ, |

¹¹⁶ Евр 12:6: «Егоже бо любит Господь, наказует: бьет же всякого сына, егоже приемлет».

¹¹⁷ Ср. Прем 3:6: «яко злато в горниле искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я».

¹¹⁸ Лк 21:18: «и влас главы вашей не погибнет».

¹¹⁹ Глосса: ма^ѡ гл̄ а̄ т̄. Мф 10:29-30: «29. Не две ли птице ценитесе единому асарїю? и ни едина от них падет на земли без Отца вашего: 30. вам же и власи главни вси изочтени сѣтъ».

¹²⁰ Глосса: ко евреѣ^м | гл̄ а̄ г̄. Евр 13:5: «Не сребролюбцы нравом, доволни сущими. Той бо рече: не имам тебе оставити, ниже имам от тебе отступить».

¹²¹ Ср.: «Дажь ему во всех заповедях Твоих ходити, и угодная Тебе сохранити» (Молитва во еже сотворити оглашенного).

¹²² Мф 24:42: «Бдите убо, яко не весте, в кий час Господь ваш приидет».

¹²³ Глосса: ма^ѡ гл̄ а̄ з̄. Мф 7:12: «Вся убо, елика аще хошете, да творят вам человецы, тако и вы творите им: се бо есть закон и пророцы».

алчѣмъ хлѣбъ, нагомъ ризъ, тревѣющемъ, помощи | рѣкъ, добротвореніа
 подати, и что много любовь | ко ближнемъ ѡписовати, доводи ѡписадъ
 сосѣдъ | избранный павелъ стѣй, пѣсть, всакъ реестръ той | прочте и
 познаетъ какъ любви: Любы, глаголетъ || <Ѣ> долготерпитъ,
 ма рдствѣтъ: любви не, завидитъ, любви | не превозноситса, не гордитса,
 не безчинствѣтъ, | не ищетъ своихъ си, не раздражаетса, не мыслитъ |
 зла, не радѣтса ѡ неправдѣ, радѣтса ѡ истинѣ: вса любитъ, всемъ
 вѣрѣ емлетъ, вса оуповаетъ, | вса терпитъ: любви николиже ѡпадаетъ¹²⁴.
 Аще сіа | кто исполнитъ совершенный хрѣтианинъ бѣдетъ.

Смотримса же мы, какъ мы любимъ хрѣта. Люблю | хрѣта словомъ:
 оу мене Ѣ различны селахъ каменнымъ | палаты, прекрасныа покон, бани,
 поварни изради ѡ оустроены, а цркви хрѣтовы въ тѣхже селахъ безъ |
 покрова погнили¹²⁵. Люблю хрѣта, оу мене запапки, | прашки¹²⁶ табакирки
 золотыа, чайники и рѣкомой-ники серебряныа, а въ цркви хрѣтовой сини-
 цовыа | сосѣды. Люблю хрѣта, оу мене, золотканнымъ | завѣсы, водѣлаа,
 а страшныа хрѣтовы тайны, | крашениннымъ¹²⁷ покрываютса покровомъ.
 Люблю хрѣта, | самъ шанпанскіа и венгерскіа вина вмѣстѣ квасъ |
 оупотребляю, а въ црковь, никогда и волоскаго | галенка¹²⁸, не посылааъ.
 Люблю хрѣта, чести искать, | богатства собирать, пиришествовать,
 сѣсловить, | хвастать, веселитса, забавлатса, день и ношь легкѣ, |

¹²⁴ 1 Кор 13:4-8: «4. Любы долготерпит, милосердствует, любви не завидит, любви не превозносится, не гордится, 5. не безчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, 6. не радуется о неправде, радуется же о истине: 7. вся любит, всему веру емлет, вся уповае, вся терпит. 8. Любы николиже отпадает, аще же пророчества упразднятся, аще ли языцы умолкнут, аще разум испразднится».

¹²⁵ Н. А. Попов связывал именно с этой частью проповеди Сеченова изданный 9 октября 1742 г. указ о разрешении помещикам строить новые церкви вместо ветхих только в том случае, если они снабдят их всем необходимым (Попов Н. А. Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности, изданные Н. С. Тихонравовым. Т. 2. Кн. 3. М., 1859. С. 29 (сноска)).

¹²⁶ В издании 1746 г. исправлено на *пражки*.

¹²⁷ *Крашенинный* — сделанный из крашенины, грубого крашеного крестьянского полотна.

¹²⁸ *Галенок* (от англ. gallon) — английская мера жидких тел, используемая в России при продаже вина; полштофа, бутылка (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. Л., 1989. С. 84). *Волоский* — валашский, т. е. молдавский. Именно Молдавия с XV в. поставляла в Россию и на Украину вино для церковных нужд.

нескѣнѣмъ, а хрѣта, въ мѣтвахъ поблгодарствовать, | въ цркви со оумианенемъ и страхомъ бжнимъ постоать. || <Д О Б.> правѣ, въ сѣтахъ и помолитса, нѣкогда. Люблю | хрѣта, друга или патрона или сродника за прошеніе | или за прѣатіе дарѣвъ, надѣйсѣ дѣло твое готово. | сегѣ днѣ приговоръ закрѣнимъ¹²⁹, а завтра и оуказъ | получишь. А бѣдныи вопіетъ, сотвори милость бга | ради, хрѣта ради, бжиа мѣтре ради, и смотрѣть | не хощѣ, со гнѣвомъ ѡвѣтствѣю, не шѣми теперь | не до тебе, многѣ дѣла гдрственныхъ. Люблю | хрѣта, свои нумнина какъ безъ торжества пропѣс-тнть, три дни и ноци веселюсѣ, пѣанствѣю, а | прїидетъ праздникъ хрѣтова ржѣтва или воскрїи гла-вныи спасенїа нашегѣ вини¹³⁰, за оуборами, за раз-возами по разнымъ домамъ ласкательныхъ, покло-нѣвъ, поздравленїи, и въ цркви не былъ, скор-битъ, что кого дома не засталъ, а ѡ томъ и | печали нѣтъ, не оупѣлъ, ранѣ стали блговѣстнть. | Люблю хрѣта, словомъ надѣюсь на него, весь въ волю | егѣ предаюсѣ, да бѣдетъ, глаголю, вола твоѣ¹³¹, | а самую вещью чрезъ патронѣвъ, страпчихъ, пѣбднн-кѣвъ¹³² чрезъ денги, ласкательства, и друга коварныи | способы, желаемыхъ себѣ вещей пропскываемъ. | Се ли вола бжиа. Словомъ въ противныхъ случалхъ | на бга оуповаемъ, той намъ помощникъ въ скор-бехъ¹³³, а дѣломъ противникѣмъ нашимъ грозимъ || <Г> не на бга оуповающе. или не вѣси, онсица¹³⁴ сена-торъ, президентъ, губернаторъ, воевода, секре-таръ, такое знатное лице, мнѣ блгодѣтель, сродникъ, | другъ, оуриши что тебѣ бѣдетъ, а сегѣ не вѣмы | что оутрѣ патрона или чести лишатъ¹³⁵, или ко | гробѣ понесутъ, и самъ себе помощи не возможетъ. | Сѣ сѣтно оупованїе и спасенїе члвѣческо! православиї | хрѣтїане есмы, любимъ бга, а мнози ѡ насъ и бга | едва знаютъ, а праведнагѣ егѣ сѣда и ѡмщенїа | ниже дѣмаютъ.

¹²⁹ *Закрепить* (приказн., канц.) — скрепить подписью (документ) (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. СПб., 1992. С. 256).

¹³⁰ *Вина* (цсл.) — причина (Дьяченко Г. Указ. соч. С. 77).

¹³¹ Молитва «Отче наш»: «Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Мф 6:9–10).

¹³² *Ябедник* — зд.: судебное должностное лицо (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. М., 2003. С. 1631–1632).

¹³³ Пс 45:2: «Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех обретших ны зело».

¹³⁴ *Онсица* (цсл.) — такой-то (Дьяченко Г. Указ. соч. С. 383).

¹³⁵ *Лишить чести* — зд.: разжаловать.

инныа за кабаками, за торгомъ, | за гавѣдами¹³⁶, за работою, цѣрквей не знаютъ, ѡ | покланіи ниже помышляютъ, таннѣ сѣтъхъ не | причащаются. Очѣ нашъ: еще дѣво: прочитатъ не | оумѣютъ¹³⁷, а друггар ѡ писаніа ниже спрашивай, а оу | всакаг ѡ вумѣст ѡ писаніа во оустѣхъ хѣла, клеветѣ, сѣвернословіе, на азыцѣ обманъ, сердце | исполненно коварства, помышлений лѣкавыхъ, во | очестѣхъ зависть, рѣцѣ гравленіемъ сляченны¹³⁸, носѣ | скорошествоуютъ на сло. Се ли любовь ко бѣгъ; се ли | хр тѣанскіа должностъ;

А ѡ любви ближнаг ѡ и спрашивать нѣуего, | всѣ наша любовь, въ коварной полѣтиѣ¹³⁹, какъ | ласков ѡ встрѣтитъ, доволн ѡ оугоститъ, оучтив ѡ | проводить, прѣятныа писма, гладкіа словца, || <Г ОБ.> низкіа поклоны, частыа стаканы, непрестанныа | репетициѣ¹⁴⁰, здравствѣй, здравствѣй, а сердцемъ | хотѣ, бы и на свѣтѣ не было, да, и въ будѣщемъ | бы, вѣцѣ¹⁴¹ покою не шѣрѣсти. Словомъ овѣщаетъ, | ѡ твоей истинной¹⁴² дружѣ, всегдашній любитель, | вѣрній слѣга, а дѣломъ враждѣю, ненавидѣѣ, | сладѣйствѣю: и таковымъ лѣкавствомъ под образомъ | любви дѣшы неслэбнвыа, блѣгочестивыа, хр тѣанскіа, | которыа коварства познать не могѣтъ, оуловляются, | и въ ровѣ погнѣбели шѣргаются¹⁴³. Люблю ближнаго, | а, аще малымъ чимъ мене шѣкорбитъ, или словомъ | досадитъ, во вѣки слэбствѣемъ, во вѣки непримирителныа, до гроба не забываемъ, готовы за едино слово | погнѣбитъ: а част ѡ, бываеъ, что ближній мой, | ничимъ мене шѣкорбилъ, блѣгочестн ѡ живетъ, ни-кого не шѣвидитъ, должностъ свою израдн ѡ прави, | а мы завистію горнимъ паче огня геенскаг ѡ, славѣ | ег ѡ терзаемъ, честь ег ѡ поносимъ, крив ѡ ѡ | немъ толкъемъ, толькок ѡ винны что славенъ, честенъ, | бѣгъ его

¹³⁶ Ябеда — зд.: сутяжничество.

¹³⁷ Две наиболее известные молитвы: «Отче наш» и «Богородице Дево радуйся».

¹³⁸ Сляченный (цсл.) — скорченный, согнутый (Дьяченко Г. Указ. соч. С. 620).

¹³⁹ Политика — зд.: обхождение, этикет.

¹⁴⁰ Репетиция — зд.: повторение (от лат. repetitio — повторение).

¹⁴¹ В будущем веке — зд.: после смерти, на том свете.

¹⁴² В рукописи истинной (л. 11), в издании 1746 г. — истинный.

¹⁴³ Ров (цсл.) — яма, пустой колодец (Дьяченко Г. Указ. соч. С. 550). Ср.: «Не замечаешь, что несешься в пропасть и шѣргашь себя в ров крайней погнѣбели?» (Иоанн Златоуст. Слово 13 о болезни и врачах). В Синодальном переводе так же в Пс 54:24, однако в Елизаветинской и Острожской Библии ему соответствует студенец истления.

произвелъ, гдѣ бы радоватиса и бѣга хва-|днѣти, что братъ нашъ про-
 славлетсѧ, такъ | сѣтѣемъ, тоскѣемъ, печалимсѧ ѱ чѣждемъ добрѣ, |
 ради бы что бы нма егѡ не поманѣлосѧ, и снмъ | ядомъ наполненни,
 гдоголю, завистю, самыхъ || <дѣ> ядовиты свѣрей лютейшии, ибо са-
 мыхъ себѣ снѣ-|даемъ, ни сродныхъ познаемъ, ни блгодѣанѣа | помнимъ,
 ни достойнаго почитаемъ, ни, заслѣже-|номъ, честь, воздаемъ, ни
 добродѣтелнаго хвалимъ, | но всакагѡ добрагѡ нма рѣганемъ клеветою
 терза-|емъ, оугрызаемъ, на славѣ оубиваемъ, всегда чѣж-|дыа пороковѣ
 сѣчки ломаемъ, а своихъ беззаконій | цѣлыхъ бревенъ не видимъ¹⁴⁴. Люблю
 ближнаго, а комъ | честь илѣ правителство¹⁴⁵ врѣчитсѧ, не расѣждаетъ
 сегѡ, | что власти ѱ бѣга оучиненны¹⁴⁶ не на инный конецъ, | токѡ
 блгговоритъ ближнимъ, помощи бѣдны^м, | застѣпити швидимыхъ,
 заштити правдѣ, сегѡ | и не мыслитъ, и говорити съ бѣднымъ не
 хошетъ, | но аки фараѡнъ, гордитсѧ¹⁴⁷, честю тѣшитсѧ, | славою
 веселитсѧ, радѣетсѧ что вси его почитаю | кланяютсѧ, болтсѧ, крѣтитъ,
 вертитъ¹⁴⁸, а сегѡ | не слышитъ, всака слава челоѡвѣча такъ цѣтѣтъ трав-
 |ный: изше трава и цѣтѣтъ еѧ ѱпаде¹⁴⁹. Право-сѣдѣ ли тамъ присмот-
 ритсѧ, в передней избѣ часѡвѣ | пѣть постой, да заѡтра прѣиди, боши
 не жди, | милости ли сысѣать, съ ногъ до головы шдерѣтъ, не | срѣчицѣ,
 но и кожѣ готовы снѣтъ, а когда станѣшь | боше правды искѣтъ, то и в
 сибирскихъ странахъ, | мѣста, не сыщешъ, а сегѡ не, помнитъ, что
 единагѡ || <дѣ об.> естества, единагѡ создателя дѣло, единымъ вѣры, |

¹⁴⁴ Ср. Мф 7:3–5: «3 Что же видиши сучец, иже во оце брата твоего, бербна же, еже есть во оце твоём, не чуеши? 4 Или како речеши брату твоему: остави, да изму сучец из очесе твоего: и се, бербно во оце твоём? 5 Лицемере, изми первее бербно из очесе твоего, и тогда узриши изяти сучец из очесе брата твоего».

¹⁴⁵ *Правительство* — зд.: правление или управление, начальствование (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1994. С. 379).

¹⁴⁶ Рим 13:1: «Всяка душа властем предержашимъ да повинуется: несть бо власть оце не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть».

¹⁴⁷ Отсылка к сюжету из Книги Исхода. Ср. также с пословицей «Сатана гордился, с неба свалился; фараон гордился, в море утопился; а мы гордимся — куда годимся?» (Даль В. И. Пословицы русского народа. <http://www.arira.ru/dal-v-i-poslovitsy-russkogo-naroda-smirenie-gordost.htm>)

¹⁴⁸ *Вертеть* (перен.) — распоряжаться кем-, чем-либо, заставлять действовать по своему произволу (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3. С. 51).

¹⁴⁹ Ис 40:6-7: «6 Глас вопиющаго: возопий. И рекох: что возопию? всяка плоть сено, и всяка слава челоѡвѣча яко цвет травный: 7 изше трава, и цвет отпаде».

братъ нашъ, оудъ¹⁵⁰ нашъ, единыа блгодати оудо-стоенъ, равнѡ кровію
 хр твою испълентъ, но за | мѡхѡ вѡмѡняють. какъ таковъ со
 ѡдаломникомъ | возглаголетъ: Милость и судъ воспою тебѣ гди¹⁵¹. | а
 емѡ оуже судъ безъ милости не сотворимѡ, ма ти, | готовится. Мечъ
 творѡщегѡ судъ ѡвидимымъ¹⁵² | на главою егѡ виситъ¹⁵³. Но что еше
 постраждетъ, | въ день страшнагѡ суда, егда ѡкрыетъ праведный | судѡа
 дѡанѡа, совѣты, помышленѡа, возопіють | вси презрѣннѡи ѡбиденнѡи,
 милости лишеннѡи: доколѣ | вѡко сѡтый, не мстиши рѡбды нашеа¹⁵⁴. Ѣ горе!
 | Ѣ люте! авѣе декретъ¹⁵⁵ оный изречетсѡ неключимомѡ¹⁵⁶ | рабѡ, свѡжите
 рѡцѣ и нозѣ, и ввержите во тмѡ | кромѣшнюю, идѣже бѡдетъ плачь и
 скреже зѡбѡмъ¹⁵⁷. | Люблю ближнаго, а богатство комѡ попадетсѡ, не |
 знаетъ, что не егѡ злато, не егѡ сребро, но | бѡже, онъ токѡѡ
 стронитель¹⁵⁸ вѡжѡгѡ имѣнѡа поставленъ, да помогаетъ въ нѡждѣ
 сѡщымъ, и за сѣе | мздѡ экѡномства своегѡ въ день судный восприме,
 и желемый оный гласъ оуслышитъ, блгѡй рабе и | вѡрный, ѡ малѣ ми
 былъ еси вѡренъ, над многими | тѡ поставлю, вниди въ радость, гда
 твоегѡ¹⁵⁹. а онъ | какъ неключимый рабъ такими стѣнами и замками ||

¹⁵⁰ Уд (цсл.) — член телесный (Дьяченко Г. Указ. соч. С. 751).

¹⁵¹ Пс 100:1: «Милость и суд воспою тебе, Господи».

¹⁵² Пс 145:7: «[Господа] творящаго суд обидимым, дающаго пищу алчущим. Господь решит окованныя».

¹⁵³ Источник образа — «Тускуланские беседы» Цицерона, где рассказывается в том числе древнегреческое предание о Дионии Старшем, тиране Сиракуз, и его царедворце Дамокле. Дионисий пригласил завистника Дамокла на пир и усадил на свое место. В разгар пира Дамокл увидел над головой меч, висящий на одном конском волоске. Этот сюжет стал источником фразеологизма «дамоклов меч».

¹⁵⁴ Ср. Откр 6:10: «И возопиша гласом великим, глаголюще: доколе, Владыко святой и истинный, не судиши и не мстиши крове нашей от живущих на земли?»

¹⁵⁵ Декрет — решение суда, приговор; указ (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л., 1991. С. 81).

¹⁵⁶ Неключимый (цсл.) — негодный, непотребный (Дьяченко Г. Указ. соч. С. 345).

¹⁵⁷ Мф 25:30: «и неключимаго раба ввержите во тму кромешнюю: ту будет плачь и скрежет зубом. Сия глаголя возгласи: имейя уши слышати да слышит».

¹⁵⁸ Строитель (цсл.) — устроитель, распорядитель, домоправитель, казнохранитель, эконом, ключник, попечитель (Дьяченко Г. Указ. соч. С. 674).

¹⁵⁹ Мф 25:21: «Рече же ему господь его: добре, рабе благий и верный: о мале был еси верен, над многими ты поставлю: вниди в радость господя твоего».

<ВІ> Уградитѣ, не токѡмъ комѡ подати, но и посмо-|тригѣ никого не спо-
 добитѣ, рѣблѣ безъ процента не |дастѣ, польщикѣ¹⁶⁰ бѣдноѡмъ въ рѣки не
 вложитѣ, и |самѣ хлѣба въ сладость, не вѣситѣ, дрожитѣ, нощи |не
 спитѣ, какѣ бы оутраты не здѣлалосѣ, а сегѡ не |слышитѣ: безѡмне въ
 сѣю нощѣ душѣ твоѣ истяжутѣ | Ѡ, тебе, а также оуготовалѣ еси, комѣ
 бѣдѣтъ¹⁶¹. Право-|славній хрѣтѣане, любимѣ бѣа, любимѣ ближнаго, а |
 коликѡ между, нами лихонимцевѣ¹⁶², грабителей, серебро-|любцевѣ,
 ѡбидникѣвѣ, ѡвѣдникѣвѣ¹⁶³, словолубцевѣ¹⁶⁴, | ласкателей¹⁶⁵, ворѣвѣ,
 раскодникѣвѣ, прелюбодѣвѣ, | волшебникѣвѣ, костоводѣвѣ¹⁶⁶,
 ѡбманщикѣвѣ, | клеветникѣвѣ, оубійцевѣ, гордыхѣ, немилостивыхѣ, |
 лестцевѣ, родителей не почитающихѣ, еретикѣвѣ¹⁶⁷, | безбожникѣвѣ,
 таковѣи вси противники бѣѣ, и | враждебники ближнемѣ, таковы,
 хрѣтѣанѣ хдоволѣ, | бѣдетѣ въ геенской безднѣ, доволѣ, бѣдетѣ въ
 тартарски | мѣстахѣ¹⁶⁸. Се ли хрѣтѣанскаѣ должностѣ, се ли еѡлскаѣ |
 жизнь, се ли аплскаѣ проповѣдѣ, се ли сѣтыхѣ оцѣ | оученіе, вси знаютѣ
 что еѡлѣ гредитѣ, пророческаѣ | книги вопіютѣ, аплскаѣ посланіѣ
 истинной хрѣтѣанской | жизни ѡвѣчаютѣ, оческаѣ писаніѣ во нравѣхѣ

¹⁶⁰ *Полушка* — мелкая монета. После денежной реформы Петра I полушка составляла 1/4 медной копейки.

¹⁶¹ Лк 12:20: «Рече же ему Бог: безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут?»

¹⁶² *Лихонимец* — ростовщик, взятчик, корыстолюбивый человек (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 11. СПб., 2000. С. 195).

¹⁶³ *Ябедник* — зд.: изветчик, клеветник, обнощик, наговорщик, облыгатель, ложный донощик (*Даль В. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 671).

¹⁶⁴ *Словолубец* — зд.: тот, кто любит похвалы в свой адрес. В ст.-сл. *словолюбец* — тот, кто любит слово, письменность, книжник (Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Цейтлин Р. М., Вечерки Р., Благовой Э. М., 1999. С. 612). В древнерусской книжности *словолубец* — говорун (в противоположность философу), а также «читатель Божьяго слова» (*Срезневский И. И.* Указ. соч. С. 420).

¹⁶⁵ *Ласкатель* — льстец (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 11. С. 120–121).

¹⁶⁶ *Костовод* — не отмечено в словарях и других текстах. Основываясь на положении между волшебником и обманщиком, а также на внутренней форме слова, можно предположить следующие значения: 1) тот, кто гадает на костях; 2) тот, кто колдует при помощи костей.

¹⁶⁷ В рукописи — *геретиковѣ* (л. 12об.). Возможно, отражает произношение с придыханием: [h]еретиков.

¹⁶⁸ Характерное для данной эпохи сопоставление христианского Ада и мифологического Тартара.

хрѣс-тіанскихъ оутверждаютъ, ни кто не слышетъ, ни | кто не внимаетъ,
 добръ хрѣтосъ гдѣ оу лѣкнѣ сѣгашъ || <ВІ, ОѢ.> глаголетъ: аще кто ѿ
 мертвыхъ воскреснетъ, не | имѣтъ вѣры,¹⁶⁹. а ѿже все простираю слова,
 аще | хрѣтѣ, апѣломъ не вѣратъ, а инѣ послѣдней спицѣ | въ
 колесницѣ,¹⁷⁰ а не проповѣдникъ, кто повѣритъ, | лѣше молчатъ, кто
 меньше правды говоритъ, | мнѣе живетъ,

Но прошло оуже слышателѣе тое желѣзное время, | въ немже неправда
 црѣтовала, а правда за карауломъ | сидѣла¹⁷¹, и слово бжѣе вазалоса, и
 пѣтъ въ црѣтвѣ | не ное заключалса¹⁷², истинныя догматы ведѣшныя | въ
 жизнь вѣчнѣю, не слышались, а соблазны и блеваніа | на православнѣю
 црѣковь, въ погнѣбель мнѣгимъ всюдѣ | прославлялись, пастырѣе молчали,
 проповѣдники | волиса, а нынѣ златымъ времена, времена кѣнстантіна |
 великаго¹⁷³, времена феодосіа црѣа блгочестиваго¹⁷⁴, времена | пѣлхеріи¹⁷⁵

¹⁶⁹ Глосса: лѣ гла си. Лк 16:31: «Рече же ему: аще моисеа и пророков не послушают, и аще кто от мертвыхъ воскреснет, не имут веры».

¹⁷⁰ *Последняя спица в колеснице* — иноск.: ничтожный в деле человек, самый незначительный (Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. СПб., 1904;

<http://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20%D0%B8%20%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B9/>.

¹⁷¹ *Сидеть за караулом* — находиться под арестом, под стражей (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб., 1997. С. 254).

¹⁷² *Заключити* (цсл.) — заключить, запретить, запирается, затворяться, закрыться (Дьяченко Г. Указ. соч. С. 192).

¹⁷³ Константин I Великий (ок. 285–337) — римский император, при котором христианство стало государственной религией Римской империи, хотя язычество было по-прежнему разрешено. Активно участвовал в борьбе с ересью арианства, созвал I Вселенский собор в Никее (325 г.); почитается православной церковью как святой и равноапостольный.

¹⁷⁴ Феодосий I Великий (347–395) — римский император, при котором христианство окончательно утвердилось как государственная религия, были разрушены многие языческие храмы, проводилась насильственная христианизация, язычество было запрещено. Созвал II Вселенский собор в Константинополе (381 г.). Почитается православной церковью как святой.

¹⁷⁵ Пульхерия (399–453) — дочь императора Аркадия, правительница Византийской империи при своем младшем брате Феодосии II, после его смерти — жена императора Маркиана. Дала обет безбрачия, который сохранила

и Ирины¹⁷⁶ црница, защищающихъ бл҃гочестивѣю | вѣрѣ: Цр҃твуетъ на д
нами бл҃гочестивѣишаа | самодержавнѣишаа, великаа, г҃днаа |
Императрица елисаветъ петровна, и Дщерь | и Внчка и Правнчка
Императоршвѣ бл҃гочестивыхъ, | воистиннѣ греческаг҃ исповѣданіа,
тольк҃ш прїиде | К намъ, а съ нею прїидоша вса благаа, прїиде К намъ, |
абіе оустраши развратникѣвѣ вѣры православныа, | оутверди бл҃гочестіе,
Шверзе слово бж҃іе, оуже теперъ || <ГІ> не, важеуца, Шверзе, дверь
проповѣди¹⁷⁷, всюду | истиннѣ глаголетца, всюду правда не молчитца. |
кто нынѣ возгордится и шевѣнитца слышати слово | бж҃іе и правдѣ ег҃ш,
аще Гама, всепресвѣтѣишаа монархиня, хотѣа правленіемъ всецѣлагш |
г҃дрства оутрѣжденна, всегда слово бж҃іе слышати | желаетъ, и слѣшала не
скѣчаетъ, вѣдаетъ, что | словеса г҃днаа, словеса чиста, сребро разжеено, |
шчнщенно земли искушено, седмерицею¹⁷⁸, вѣдаетъ, | что законъ оустъ
г҃днихъ благъ есть паче тысящъ | злата и сребра¹⁷⁹. вѣдаетъ, что гла-
голы хр҃тovy глы | сѣтъ живота вѣчнаг҃ш¹⁸⁰. вѣдаетъ, что не ш хлѣбѣ |
единомъ живѣ человекѣ вѣдетъ, но ш всакомъ | глаголѣ исходящемъ
изоустъ бж҃іихъ¹⁸¹. Сіе мы | видѣвши что сама глава наша раченіе ш

также и в браке. Много сделала для распространения христианства: поощряла перевод христианской литературы на армянский язык, заложила много новых церквей в Константинополе, одновременно способствовала изгнанию евреев из Константинополя и разрушению синагог. В 451 г. организовала IV Халкидонский собор, на котором были осуждены монофизитство и несторианство. Почитается как святая.

¹⁷⁶ Ирина (ок. 752–803) — византийская императрица, жена императора Льва IV, затем регентша и соправительница сына, Константина VI. В 787 г. созвала VII Вселенский собор в Никее, который восстановил почитание икон. Почитается православной церковью как святая. Ее жизнеописание включено в житие святителя Тарасия, константинопольского патриарха, изложенное Димитрием Ростовским.

¹⁷⁷ При Елизавете Петровне проповедь приобрела важное значение; 31 марта 1742 г. ею был издан указ об обязательной публикации проповедей, произнесенных в высочайшем присутствии, 14 мая 1742 г. — указ об обязательном чтении проповедей по воскресным и праздничным дням.

¹⁷⁸ Пс 11:7: «Словеса Господня словеса чиста, сребро разжеено, искушено земли, очищено седмерицею».

¹⁷⁹ Пс 118:72: «Благ мне закон уст твоих паче тысяч злата и сребра».

¹⁸⁰ Ин 6:68: «Отвеща убо ему симон петр: Господи, к кому идем? глаголголы живота вечнаго имаша».

¹⁸¹ Мф 4:4: «Он же отвещав рече: писано есть: не о хлебе едином жив будет человек, но о всяцем глаголе исходящем изо уст Божиих» (см. также Втор 8:3, Лука 4:4).

словѣ бж҃иѣ | ревностъ ко правдѣ имать. Сіе ли бл҃гополѣчное время | оумолчимъ; да не бѣдетъ. Но аще мы оумолчимъ, | каменіе возопіютъ¹⁸².

Но теперь а слышате дѣ за краткость времени Ѡ | части должность и недостатки хр҃тїанскїа изъавнѣ. | Изъавѣтъ во свое время мѣжѣ премудрѣйшїи и силнѣйшїи Ѡ мене въ словѣ пространнѣе. А мы возвратимса на первое, видѣвшѣ несправленїа и нерадѣнїа || <Г҃И ОБ.> въ должности хр҃тїанской безаконїа и неправды | наша, гдѣ намъ свѣтлѣйшїю въ добродѣтелехъ | паче солнца похвалити, не красна бѣдетъ пѣснь во | оустѣхъ грѣшника¹⁸³, любше любити молчанїе¹⁸⁴. Развѣ | ты сама Ѡ бг҃ом҃тїи научи насъ глаголати, а паче | снабди насъ щедротами твоими, проси сн҃а твоего | и бг҃а, да не погубитъ насъ, за грѣхѣ наша, разгнѣваннїю рѣкѣ егѡ поддержки, да не посѣчетъ насъ | аки неплодную смоковницѣ, но да пождетъ покаанїа, | нашегѡ, негли, во градѣще лѣто плоды принесемъ¹⁸⁵, | въси цр҃нице, якѡ безаконїа наша превосходатъ главы | наша¹⁸⁶. Но ты порѣчница покаанїа нашегѡ бѣди, | къ тебѣ приѣгаемъ, и тебе просимъ, даждь къ | прославленїю твоємѣ силѣ, еликѡ есть наше произволенїе. Не Ѡстѣпай Ѡ насъ, и также нынѣ посѣтила еси | насъ образомъ твоимъ чюдотворнымъ, посѣщай и | всегда мл҃тїю твоею. Исповѣдаемъ и не таимъ застѣпенїа твоегѡ, твоимъ бо предстательствомъ въ | различныя времена варварскїа царства православнымъ | цр҃емъ, покорила еси, преславныя побѣды родѣ рѡсскїи-скомѣ даровала еси, гордыхъ врагѡвъ нашихъ ма-|маа¹⁸⁷, ахмата¹⁸⁸,

¹⁸² Лк 19:40: «И отвещав рече им: глаголю вам, яко, аще сии умолчат, камене возопиет».

¹⁸³ Ср. Сир 15:9: «Не красна похвала во устех грешника, яко не от Господа послана бысть».

¹⁸⁴ См. прим. 222.

¹⁸⁵ Притча о смоковнице, Лк 13:6–9: «6 глаголаше же сїю притчу: смоковницу имяше некий в винограде своем всажену: и прииде ищя плода на ней, и не обрете: 7 рече же к винареви: се, третье лето, отнелиже приходу ищя плода на смоковнице сей, и не обретаю: посецы ю (убо), вскую и землю упряжняет? 8 Он же отвещав рече ему: господи, остави ю и се лето, дондеже окопаю окрест ея и осыплю гноем: 9 и аще убо сотворит плод: аще ли же ни, во грядущее посечеша ю».

¹⁸⁶ Пс 37:5 «Яко беззаконїа моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мене».

¹⁸⁷ Мамай (?–1380) — военачальник, фактический правитель Золотой Орды. Был разбит войсками князя Дмитрия Донского в битвах на р. Вожа (1378 г.) и на Дону (Куликовская битва, 1380 г.). Последняя состоялась на Ро-

темира́ца¹⁸⁹, лахѡвъ¹⁹⁰, свѣвъ¹⁹¹, | оустрашила и прогнала. Дажь и
 нынѣ повѣдѣ || <Дѣ> Самодержавнѣйшей Августѣ Нашей на Д врагами |
 свѣлами¹⁹² не хранѣщими вѣрѡ¹⁹³, разоряющими мирѣ, | не соблю-
 дающими правды, иже мирнаѣ глаголали со | ближними своими, Слѣ же
 въ сердцахъ своихъ, | Дажь имъ по дѣлашмъ ихъ, и по лукавствѣ начи-
 наній ихъ. по дѣлашмъ рѣкѣ ихъ даждь имъ, | воздаждь имъ воздаянїе
 ихъ, какъ не разумѣша | въ дѣла г дна, и въ дѣла рѣкѣ, егѡ: разориши
 ѡ, | и не созиждеша ѡ¹⁹⁴, Обрати болѣзнь ихъ на главо | ихъ¹⁹⁵, мечь ихъ
 да внидетъ въ сердца ихъ, и | луцы ихъ да сокрушатся¹⁹⁶. какъ же иногда
 имѡ, | Петрово страшно было имъ. Покажи и имѡ | ДЩере егѡ страшно и
 оужасно, да познають, | коликѡ можетъ православныхъ вѣра. Да оуже |
 за твою, помощїю преблгословеннаѡ дѡ и познають | врази наши,
 токѡ оуслышавше близъ воинство, | блгочестивѣйшїѡ, Помазанницы
 нашеѡ страхомъ | смѣщенны, Уставивше крѣпость ордѡ, ордѡ, |

ждество Пресвятой Богородицы. В «Сказании о Мамаевом побоище» также упоминается молитва Димитрия Донского перед иконой Пресвятой Богородицы Владимирской; ее помощи приписывается эта победа.

¹⁸⁸ См. прим. 200.

¹⁸⁹ *Темиракасак* — более известен как Тамерлан или Тимур (1353–1405). В 1395 г. вторгся в Рязанские земли, разорил Елец, но в середине наступления на Москву неожиданно повернул назад и покинул территорию Руси. Избавление от Тамерлана приписывается заступничеству Владимирской иконы Пресвятой Богородицы.

¹⁹⁰ *Ляхи* — поляки. Именно с заступничеством Казанской иконы Божией Матери связывается избавление Москвы и России от нашествия поляков в 1613 г.

¹⁹¹ *Свеи* — шведы. См. прим. 205.

¹⁹² Речь идет о русско-шведской войне 1741–1743 гг., объявленной Швецией 3 июня 1741 г. (еще во время правления Анны Леопольдовны) с целью вернуть территории, потерянные в ходе Северной войны. Итогом этой войны стало подписание Абоского мира, по которому Швеция уступила России часть своих провинций.

¹⁹³ С 1525 г. в Швеции начало активно распространяться лютеранство.

¹⁹⁴ Пс 27:3-5: «Не привлече мене со грешники, и с делаящими неправду не погуби мене, глаголющими мир с ближними своими, злая же в сердцах своих. 4. Дажь им, Господи, по делом их и по лукавству начинаний их, по делом руку их даждь им, воздаждь воздаяние их им. 5. Яко не разумеша в дела Господня и в дела руку его: разориши я и не созиждеша я».

¹⁹⁵ Пс 7:17: «Обратится болезнь его на главу его, и на верх его неправда его снидет».

¹⁹⁶ Пс 36:15: «Мечь их да внидет в сердца их, и луцы их да сокрушатся».

Имѣніцію, и правіанты, прѣтѣгоша¹⁹⁷, ѿ лица лука | россійскаго¹⁹⁸. Со-
 твори, да всегда оуслышавше има | Кр̄ тоносныа Императрицы
 Всероссійскіа оужаснѣт-ца и сматѣтса, посраматса и погнѣнѣт. Да,
 егда рука с̄на твоего, и твоа мышца заступитъ, || <Ді об.> Ю и
 оукрѣпитъ, тогда ничтоже оупрѣтетъ врагъ, | на Ню, и с̄нѣ безаконіа не
 приложитъ ѿсловити | Ю¹⁹⁹. Виждь влцце, какъ с̄нѣ не на мечь и оръжіе |
 свое оуповаетъ²⁰⁰, но на силѣ с̄на твоего, и на твою | помощь надѣтса.
 Виждь, колікѣю любовь къ тебѣ | иматъ, ко храмѣ твоему съ вѣрою
 привѣгаетъ, | всенщнаа бдѣніа со б̄гоговѣніемъ своятъ, акаѣст-наа
 пѣніа совершаетъ, кънамъ твоимъ оумилнѣ | покланетса, с̄нѣ едина
 восхвалити тѣа возможетъ: | понеже въ должности хр̄тіанской совершенна.
 | Совершенна въ любви ко б̄гѣ, всѣа на славу егѣ | творитъ, всегда ѿ
 славы имене егѣ тѣшитса, | по б̄гочестію ревнѣетъ, со страхомъ великое
 с̄е | послѣданіе прохадитъ, всю себѣ въ волю егѣ | ѿдаетъ, егѣ
 помощію насладіе свое полѣчид, | емѣ въ храненіе и врѣчаетъ, въ
 сложеніахъ и | вѣдахъ въ радости и въ б̄гополѣчїи не на помощь |
 члѣвческѣю, но на силѣ и промыслѣ егѣ оуповаетъ. | Совершенна въ люб-
 ви и ко б̄жнемѣ ѿ вѣрныхъ подданныхъ своихъ несъспное
 промышленіе имѣетъ, | да въ мирѣ и тишинѣ поживѣт. Сама въ сѣдахъ
 | присѣтствуетъ, собою образъ правосдїа показѣтъ | да правителн,

¹⁹⁷ Вероятно, речь идет о событиях русско-шведской войны 1741–1743 гг.: «13 июня Ласси получил сведения о сосредоточении шведских войск (19 пехотных и 7 конных полков) на сильно укрепленной позиции в районе Мендо-
 лакса. 20 июня русская армия вышла к рубежу реки Вираоки. Здесь были оставлены обозы и лишние тяжести. Взяв с собой продовольствие на десять дней и боеприпасы, русские войска продолжили наступление. 25 июня они, преодо-
 лев труднопроходимую местность, приблизились к Мендолаксу. С фронта позиция шведских войск была недоступна, а с флангов к ней вела только узкая
 дорога. Несмотря на это, Ласси решил атаковать противника. Но, как только русские войска перешли в наступление, шведы оставили свои позиции и отошли в Фридрихсгам. Главные же силы шведов сосредоточились в лагере
 при Сумме. Вслед за отступающим противником к Фридрихсгаму подошли русские войска. Как только шведам стали известны намерения Ласси, Левен-
 гаупт поспешно отошел к Гельсингфорсу. Отступающие шведы сожгли Фрид-
 рихсгам» (*Широкорад А. Б. Северные войны России. М., 2001. С. 364–365*).

¹⁹⁸ Пс 59:6: «Дал еси боящимся тебе знамение, еже убежати от лица лука».

¹⁹⁹ Пс 88:22-23: «Ибо рука моя заступит его, и мышца моя укрепит его. 23 ничтоже успеет враг на него, и сын беззакония не приложит озлобити его».

²⁰⁰ Ср. Пс 43:7: «Не на лук бо мой уповаю, и мечь мой не спасет мене».

люди **Е**а без **О**биды и дароприятія²⁰¹ || <ЕІ> снабдятъ. Се ли не
 должность хр^тіанская, | не токмо добрыхъ вѣрн^ыхъ сл^оужащихъ **Е**и
 милостію | награждаетъ, но и враг^омъ своимъ долги | **И**пощаетъ,
Венды и **В**сраженіа терпеливн^ыхъ | несетъ, да такова и во вѣки |
 бл^гочестива, кротка, мл^чт^ива, | правос^одна преб^одетъ, | аминь.

²⁰¹ *Дароприятие* — взяточничество (сходное *дароприемство* см.: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 254).

Николай Александрович Гуськов
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Деревце и птицы среди говорящих стен (к истории литературного быта екатерининской эпохи)

О значительном влиянии на отечественную культуру Сухопутного шляхетного кадетского (I кадетского) корпуса, в стенах которого преподавала и воспитывалась плеяда виднейших деятелей словесности и театра XVIII — первой трети XIX в., говорится во множестве научных работ как о факте очевидном: почти не разрабатывался вопрос о том, почему такая роль выпала именно на долю военного корпуса, не ставившего специальных ученых и творческих целей перед воспитанниками. И все же в исследовании эта проблема нуждается. Ведь кадетский корпус, давший стране десятки литераторов, превзошел в этом отношении другие учебные заведения своего времени (хотя и в них появлялись одаренные сочинители) и предвосхитил деятельность Московского благородного университетского пансиона и Царскосельского (Александровского) лицея. Прежде чем делать выводы о роли кадетского корпуса в истории русского литературного быта, о влиянии этого учебного заведения на литературный процесс, необходимо ввести в научный оборот и проанализировать ряд материалов, которые, хотя и были доступны, а отчасти даже известны исследователям, не привлекали к себе должного внимания¹. Наиболее интересны источники,

¹ Помимо официальных историков кадетских корпусов XIX — начала XX в., литературному быту корпуса посвятил ряд статей в сборниках 1–3 «XVIII век» Д. Д. Шамрай. Предлагаемая публикация до некоторой степени реализует замыслы этого ученого, судя по изданному Д. В. Рудневым наброску (*Шамрай Д. Д. Французская литература в русском корпусе // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 37: Первый кадетский корпус во дворце светлейшего князя А. Д. Меншикова. СПб., 2007. С. 147–148*). После долгого перерыва интерес к литературным вкусам и занятиям кадет отразился в беллетризованной монографии М. А. Гордина (*Гордин М. А. Владислав Озеров. Л., 1991. С. 21–55*). Наиболее полные новейшие истории кадетского

относящиеся к концу екатерининского царствования, которое справедливо считается «золотым веком» корпуса. Хотя особенности идеологии и быта этого учебного заведения стали оформляться раньше, Бецкой и особенно граф Ангальт органично синтезировали, эффективно усовершенствовали и довели до наивысшего расцвета сложившиеся еще до них кадетские традиции. По меткому выражению исследователей, «Бецким за 20 лет было создано совершенное тело Кадетского корпуса. Ангальт смог вдохнуть в это тело душу»². Это отразилось в памятниках корпусного литературного быта, многочисленных и оказавших позднее воздействие на общероссийский литературный процесс, что доказывается свидетельствами мемуаристов.

Ниже дан краткий обзор ряда материалов, циклизующихся вокруг фигуры графа Фридриха (Федора Евстафьевича) Ангальта (1732–1794). Состоя в 1786–1794 гг. начальником кадетского корпуса и ревностно отдавшись исполнению своих обязанностей, он явился поистине культовой фигурой. Еще при жизни и сразу после смерти Ангальта сложился круг текстов о нем, отчасти фольклорно-мифологизирующего, отчасти окказионально-панегирического, отчасти исповедально-нравоучительного характера. Дал к этому повод и задал тон сам граф, преследуя педагогические цели. Его подчиненные, единомышленники и воспитанники с возрастающим удовольствием включились в житнетворческую игру, и ее последствия, как и предрекал ее вдохновитель, вышли далеко за пределы повседневного учебного процесса и кружковой забавы. Так случилось хотя бы потому, что игра эта, во-первых, имела серьезную основу, опиралась на умный расчет, искренние чувства и глубокую порядочность, во-вторых, содействовала формированию

корпуса: Данченко В. Г., Калашиников Г. В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М., 2007; Грабарь В. К. Вскормленные с копыя. Очерки истории детского воинского воспитания. СПб., 2009; Аурова Н. Н. От кадета до генерала: Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII — первой половине XIX в. М., 2010. К сожалению, они, при своей значительной научной ценности, содержат немало фактических неточностей, которые несводимы к опечаткам. Вопросы же литературного быта затронуты здесь попутно, поскольку авторов интересуют история корпуса и педагогические проблемы.

² Данченко В. Г., Калашиников Г. В. Кадетский корпус. С. 181.

незаурядных личностей, которые, будучи подлинно увлечены своим юношеским общением и творчеством, навсегда сохранили уважение к нему и память о нем.

Исходя из своих педагогических воззрений, Ангальт заметно реорганизовал пространство вверенного ему учебного заведения, превратив его из бытового — в творческое, условное, литературное. Результаты переустройства подробно описаны в двух книгах — «Говорящая стена» (1790) и «Зала отдохновения» (1791), отрывки из которых помещены ниже. Они напечатаны по-французски, с небольшими русскими, немецкими, латинскими и итальянскими вставками, и составлены самим Ангальтом при участии кадет. Хюне (Гине), Безак и Киселев указаны как составители второго издания, но помогли, вероятно, готовить и первое. Книги подробно описывают расположение и убранство корпуса:

«Кадетский корпус разделен на пять возрастов; первый, второй и третий имеют каждый по саду и по зале отдохновения, чтобы там прогуляться и развлечься после занятий, но четвертый и пятый возрасты, которые еще называют *воинскими возрастами*, имеют общие сад и залу, этой-то зале воинских возрастов и дается здесь описание, как и токарной мастерской, музыкальной зале, бильярдной зале и передней, которые с нею смежны. “Говорящая стена”, равным образом, — описание сада этих самых двух возрастов.

Залы отдохновения других возрастов, спальни и двадцать пять классов, как и большая зала ассамблей, снабжены приблизительно такими же таблицами и надписями, что и зала отдохновения воинских возрастов. Помимо этого, кадетский корпус имеет прекрасную библиотеку, которая содержит около двенадцати тысяч отборных томов, великолепный кабинет естественной истории и превосходный кабинет физики»³.

Добавим, что именно благодаря Ангальту появились и эти кабинеты, и большая часть книг (по его ходатайству императрица подарила корпусу 7 тысяч томов из библиотеки графа Еггерса).

Корпусной сад простирался от Большой до Малой Невы между зданием Двенадцати коллегий и Кадетской линией.

³ La salle de récréation... SPb., 1791. P. XIV—XVI. Здесь и далее везде курсив — источника.

«Весь сад имеет в окружности 684 сажени или 1 версту 184 сажени [около 1 км 457 м. — Н. Г.]. Окружность сада разделена на разные отделения, дабы чрез сие поводить глаза о сих различных растениях вернее судить и оные между собою сравнивать»⁴.

Садовые сооружения, манеж и некоторые деревья были снабжены досками с нравоучительными, сентиментально-экспрессивными или информативными надписями (см. публикацию). Стена же, обносящая сад, стала «говорящей».

«На стене^{5а} сада располагаются: 1. Эмблемы. 2. Аллегии. 3. Мысли. 4. Максимы. 5. Сентенции. 6. Нравственные правила. 7. Предписания. 8. Уроки. 9. Рассуждения. 10. Пословицы. 11. Диалоги. 12. Вопросы. 13. Заметки. 14. Смесь. 15. Пожелания. 16. Задачи»⁶.

Они и составляют содержание двух рассматриваемых изданий. Конечно, это компиляции, однако сам подбор материала и способ его преподнесения много говорит о мировоззрении, принципах, вкусах Ангальта и его сподвижников и характеризует обстановку, в которой росли кадеты, буквально жившие среди цитат. Многие элементы «говорящей стены», слегка варьируясь, повторялись и на ней самой, и во внутренних помещениях. Поэтому книга «Зала отдохновения» отчасти дублирует «Говорящую стену», но вносит и немало дополнений. Помимо пространной описи военных таблиц, географических и астрономических карт, эстампов и гравюр самого разного содержания, бюстов и статуй великих людей, в изобилии украсивших по повелению начальника кадетский корпус, имеется и любопытное описание общего расположения залы, позволяющее узнать о методах просвещения воспитанников. Уже двустворчатая дверь «предлагает юношеству несколько предметов для размышления»:

«над первой створкой можно прочесть надпись: “Подчиняться, чтобы научиться командовать”, а над второй начертано вот это:

⁴ La muraille parlante... SPb., 1790. P. 108.

^{5 а} Это и есть стена, которая разговаривает. [Примечание источника. — Н. Г.]

⁶ La muraille parlante... P. 55–56.

«Да будет вам неведома праздность. Любите науку, правду и добродетель»⁷.

На одной из стен была вывешена хронология правителей России от Рюрика до Екатерины II. «Царские уголки», видимо, еще не стали обязательными в учебных заведениях, поэтому издатели наивно объясняют:

«Поскольку осталось некоторое свободное пространство в том месте, где написана хронология правителей, его заполнили, поместив там императорский дом в следующем порядке: великий князь Павел Петрович, великая княгиня Мария Федоровна и их высочества великие князья и княжны сообразно их возрасту»⁸.

Далее сообщается:

«В зале отдохновения воинских возрастов находятся 22 стола, оснащенные большим числом книг полезных и необходимых для просвещения разума, это словари языков, наук и художеств и множество других, трактующих обо всех вещах, которые господа кадеты изучают в своих классах. В числе этих книг имеются также различные газеты, журналы и альманахи.

Двадцать из этих столов придвинуты к окнам, а два расположены по бокам залы. На каждом помещен один из двух глобусов: первый представляет сферу небесную, а второй — земной шар. Эти два стола больше и выше остальных, но, как и все, зеленого цвета»⁹.

Есть и еще 5 столов: на четырех установлены шахматные доски, а рядом — различные сведения математического характера.

«Пятый стол посредственнее по величине, он сколочен только для того, чтобы поддерживать большой географический атлас, который здесь прикован, как и другие книги, медной цепочкой, чтобы они всегда оставались на своих местах и чтобы они могли послужить к употреблению всех, кто захочет в них справиться о чем-либо.

Мы встречаем в той же зале два шкафа, из которых один применен в качестве двери бильярдной комнаты, а другой —

⁷ La salle de récréation... P. 1–2.

⁸ Ibid. P. 8–9.

⁹ Ibid. P. 10–11.

у противоположной стены залы; они содержат множество книг, цель которых — образовать сердце, среди этих книг помещен также большой энциклопедический словарь»¹⁰.

Как сильно действовали на сердца юношей разложенные посреди военных планов, атласов и таблиц романы, увлекавшие в фантастический мир, подробно рассказал С. Н. Глинка¹¹.

«Вот доски черного цвета, которые предназначены для различного употребления, — продолжается экскурсия. — Всего их 16. Четыре из этих досок, которые намного больше других, определены для четырех рот, из которых воинский возраст образован. Над каждой из досок можно прочесть надпись, которая указывает ее предназначение: первая для немецкого языка, вторая для французского языка, третья для русского языка и четвертая для математики. Все воспитанники, согласно своему месту в классе, должны записать некие мысли, сентенции, максимы или нечто подобное в прозе или в стихах и математическую задачу; назавтра четверо других воспитанников, всегда, согласно их очередности в классе, должны снова записать некие мысли, которые они выберут по своей воле у различных авторов. В конце недели, то есть каждое воскресенье, на ординарном собрании, которое происходит в зале отдохновения воинских возрастов, один кадет от каждой роты поднимается на кафедру и оттуда громким голосом читает все, что было написано в течение недели на вышеупомянутых досках <...>, это также заносится в книги, которые для того предназначены, и когда они оказываются заполнены в течение учебного года, их помещают в корпусную библиотеку и выдают новые для следующего года.

9 других досок определены для эмблем, загадок, шарад, логогрифов, буриме, акростихов, хроностихов или хронограмм, каламбуров и галиматии. Один воспитанник надзирает за всеми этими объектами, которые он должен обновлять в определенные дни недели; есть также книга, куда он должен это записывать, а когда она заполнится, он ее помещает в корпусную библиотеку.

На десятой доске тот же воспитанник указывает градусы тепла или холода с термометра, который он должен осмотреть три раза в день, так же, как и состояние барометра, направление ветра, состояние неба и различные метеорологические наблюдения.

¹⁰ Ibid. P. 13–14.

¹¹ Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 67–69, 88.

Две другие черные доски принадлежат учителям и профессорам, которые могут помещать туда свои соображения»¹².

Вообще, Ангальт стремился любой детали интерьера, учебной принадлежности придать неповторимый, живой, творческий и вместе с тем поучительный характер. Об этом свидетельствует выпущенная им на русском, немецком и французском языках «Похвала карандашу»:

«Карандаш, добрый карандаш, посредством твоим тысяча, а может быть, и две милых и удивления достойных детей великой и благополучной империи Екатерины Второй оказали свои успехи в том художестве, коему научил нас Кадмус; успокойся теперь от твоего путешествия, по числу верст больше половины полукружия земного шара, в сем небольшом сосуде, который произвела Индия; но при всем том будь всегда готов, когда тебя спросят к обратному начатию твоих путешествий, твоих упражнений и твоего труда»¹³.

Экземпляр РНБ датирован 25 ноября 1788 г. (не проходило ли тогда испытание в рисовании или черчении?) и приписан самому графу. Очень вероятно, что он мог сочинить этот текст, хотя бы на одном из трех языков.

Склонность к насыщению пространства полезной информацией проявлялась у Ангальта еще на родине. Так, в центре Бартенштейна он разместил 4 таблицы размером 8 на 6 футов каждая (около 2, 4 на 2, 8 м):

«Нравственная таблица содержит важные нравоучительные речи, взятые из священного писания. Полицейская табель касается до пожарных случаев и показывает, что каждый человек и целые цехи при пожарах делать должны. Дорожная табель, показывающая расстояние всех городов восточной Пруссии, начиная от города Бартенштейна, не могла вместить городов западной Пруссии, потому что сия область не находилась еще тогда под владением королевства прусского, когда сия таблица была сочинена, однако ж она содержит города Ермсландского епископства. В военной табели означены имена офицеров полку, в тогдашнее время названного Ангальтовым,

¹² La salle de récréation. P. 15–18.

¹³ Ангальт Ф. Е. Похвала карандашу. СПб., 1788.

которые от 1702 до 1760 года в баталиях положили свои головы, так, что в них назначен год и место сражения»¹⁴.

Оказавшись во главе кадет, граф Ангальт получил широкие возможности для творческой самореализации и построил целый особый мир. Шляхетный корпус и прежде являлся замкнутым пространством, куда совсем маленькие дети попадали на 15 лет, в течение которых были почти изолированы от окружающей реальности¹⁵. Теперь это пространство стало еще и универсальным, поскольку в пределах сада и дома вместило в себя весь мир во всем его географическом, историческом и психологическом разнообразии. Главное же, что эта маленькая вселенная, компенсирующая юношам недоступную для них большую, была максимально приспособлена для ее одновременного приятного и полезного использования. Такой мир, с точки зрения культуры XVIII столетия, — идеален. Граф Ангальт создал педагогический рай, запечатленный в упомянутых выше книжках, в мемуарах его воспитанников, в последующем предании, отзвуки которого слышны и в мифе о «кадетском монастыре», увековеченном Н. С. Лесковым.

Заметим попутно, что сформированный Ангальтом хронотоп содержит специфически петербургские черты, уподобляясь в целом пространству петровской столицы. Этот мир тоже создан его творцом путем сознательного соизмерения и соположения приятного и полезного во имя торжества культуры над естеством, это тоже «парадиз», где возвращается на пользу Отечества новая порода людей, и, наконец, это пространство тоже цитатное, вобравшее в себя весь известный его создателю образцовый культурный опыт.

В центре этого идеального мира — его творец и самодержец (он управлял всем сам, распустив корпусной совет). У нас нет

¹⁴ Собрание некоторых анекдотов и стихотворений, касающихся до его сиятельства графа Ангальта. СПб., 1789. С. 10.

¹⁵ В. Г. Данченко и Г. В. Калашников подчеркивают, что Ангальт сделал изоляцию кадет не столь строгой (Данченко В. Г., Калашников Г. В. Кадетский корпус. С. 181–183), однако это послабление заметно лишь в сопоставлении со строжайшей системой, установленной Бецким. В целом кадеты по-прежнему были отделены от влияния внешнего мира.

оснований сомневаться в искренности его поведения и утверждать, что идеальный облик этого человека, представленный в литературе о нем, — вымысел. Вместе с тем очевидно, что граф позаботился о своей репутации. Формирование «ангальтовского» мифа шло во многом сознательно, опора же на реальные факты только усилила эффект. Исходным источником, помимо устного предания, значение которого нельзя недооценивать, но невозможно исследовать, явилось «Собрание некоторых анекдотов и стихотворений, касающихся до его сиятельства графа Ангальта» (1789). Конечно, без ведома главного героя в свет оно не вышло бы. Это антология отрывков (большая часть переводы из немецких журналов¹⁶), характеризующих своего персонажа с самых разных сторон и заслуживающих внимания, хотя в них и скомбинированы общие места. Закреплен созданный в них образ в «Похвальном слове графу Ангальту» (1794), сочиненном А. К. Шторхом и переведенном с немецкого П. Х. Безаком после кончины вельможи¹⁷. Этот традиционный панегирик — интересное свидетельство, сколь быстро привился и плодотворно развился за 5 лет «ангальтовский» миф.

В антологии подробно воссоздана внешность вельможи, причем это один из ранних примеров психологической физиогномистики в России:

«Пусть всяк посмотрит на любезное его лицо, на изображение, на силуэт [так! — Н. Г.]. Лицо сие сокрывает гораздо больше важности, нежели как кажется. Кому оно не являет величия — высоких и пронизательных душевных сил, тот всеконечно ни малого не имеет понятия о физиогномическом знании. А сия благосклонность, которую весь его человеколюбивый вид являет, не привлекает ли к себе каждого, не одушевляет ли? — На челе его начертана острота разума, искренность, мягкосердечие; нос показывает величественность, тонкость. — Наипаче из очей его познается, сколь много он привязанности ко всякому имеет: острый пронизательный взор, выдыхающий любовь, — и уста, на коих обитают все приятности,

¹⁶ «Schattenrißen ädler Deutschen», «Bibliothek der Journale» и др.

¹⁷ Шторх А. К. Похвальное слово графу Федору Евстафьевичу Ангальту, говоренное в чрезвычайном собрании Вольного экономического общества июня 7 дня 1794 года коллежским ассессором Шторхом. СПб., 1794. Имеющиеся в РНБ экземпляры дефектны, поэтому данное сочинение не приводится и анализируется лишь в качестве контекста.

чистейшее наслаждение всех благ жизни, веселая улыбка, любовь, благость и милость.

Станом сей благородный муж довольно высок и виден: имеет благородную осанку, и можно сказать, что он одарен совершенною мужескою красотою, еще более умножающею благосклонность и величественность иройского его вида. — Поступь его непринужденна, проста, приятна, прилична; голову носит несколько вверх поднявши. С веселым и вольным видом ходит, подобно богу, и улыбается, как Аполлон»¹⁸.

С. Н. Глинка, воспитанник Ангальта, пытаясь через много лет дать более реалистический портрет, не отказывался вовсе от тех же чувствительных формул и помнил жизнестроительные детали одежды:

«Наружность графа Ангальта была: рост высокий и стройный, прическа короля прусского; зеленый мундир с простыми обшлагами, белые суконные панталоны, ботфорты об одной шпоре. А отчего? Оттого, что в Семилетнюю войну, спеша к королю, граф не успел надеть второй. “А за это, — говорил он, — я сам наказал себя, чтобы помнить, что надобно всегда быть готовым на свое дело”. Кроткая его душа светилась во всех чертах лица; проглядывал в них и ум Фридриха Второго, страстно им любимого»¹⁹.

Обратим внимание на то, что вместо левой руки, потерянной в бою, у вельможи, воплощавшего мужскую красоту, был искусно сделанный протез.

В не менее восторженных выражениях описаны нрав и поведение графа в разных источниках антологии:

«Откровенен, прост в обхождении, отвергает все излишние учтивости и наружные знаки почтения: полагается на одно только истинное и внутреннее достоинство души»; «Он ничего не принимает за беспокойство ни в простом народе, ни при дворе. С ласкою кланяется он последнему человеку и уступает дорогу. Совсем противно он поступает тем юным и много о себе мнящим верхолетам, кои и насекомым велют давать себе дорогу затем, что они не носят шпаги.

Снисхождения его не можно описать. И как он его оказывает! Когда он на улице знакомого себе гражданина или воина встретит,

¹⁸ Собрание некоторых анекдотов и стихотворений... С. 32–33.

¹⁹ Глинка С. Н. Записки. С. 70.

то тотчас узнав, прежде снимает с себя шляпу и кланяется так, как своему другу, да и говорит с ним несколько, ибо сей великий человек ведаёт, что он тем ободряет дух бедного человека и радость ему причиняет. Не сие ли знак великого духа?

С солдатами своими обходится он так, как отец со своими детьми, и каждый из них говорит о нем с почтением и любовью.

Офицерам, оказавшим отечеству верные услуги и за слабостию здоровья или увечьем не в состоянии находящимся продолжать службу, помогает он великодушнейшим образом и старается доставлять им надлежащее спокойствие.

Равномерно и каждому чужому человеку оказывает он великие услуги, подавая человеколюбивую помощь и изливая благодеяния. — Люди, ни малого отношения к нему не имеющие, его никогда не знавшие, никогда не видевшие, но кои знают его великие добродетели, прибегают к нему и ищут помощи, покровительства и заступления в благом его сердце. Он внутреннее истинное благополучие человеческое в вспомоществовании собратии своей полагает. О! если бы все военачальники, все ирои сохраняли в недрах своих столь нежные, столь превосходные чувствования сожаления и милосердия, никогда бы фурия войны по своему только хотению без всякой нужды не вонзала бы пагубного своего меча в сердца смертных.

Но что еще более сего вельможу отличает — есть его Сезострисово искание просвещения и неописанная любовь к наукам и художествам. Вот истинный Меценат. — Сие служит доказательством обширного и острого его понятия. — Изящнейшие воинские добродетели, мужество, твердость, смелость, решительность и презрение смерти большой блеск получают от любви его к наукам и художествам и от старания его изыскивать в оных красоту и пользу. По-видимому, знает он наилучше, что храбрость великого ироя тогда только почитается храбростию и добродетелию, когда она не из надменности, честолюбия и отважности, но из зрелых рассуждений любомудрия проистекает. — Величайший воин есть человек: итак, вредит ли его славе то, что служит к счастью человека: познание самого себя и естества, окружающего человека; познания, научающие ироя в различных положениях высокого своего звания быть всегда благополучным. Коликую славу принесет сие ирою! — Так мыслит просвещенный сей муж, от коего многие могли бы научиться, в чем состоит благополучие. Не только в изящных книгах изыскивает он мудрость — упражняется в размышлении с неутомимостию, так сказать с жадностию, при чтении сочинений мудрых людей, но также часто обращается с учеными и художами [так! — *Н. Г.*], сохраняя свойственную ему кротость и снисхождение, принимает

от них наставления, слушает их учений и сам их обратно учит. Тогда он без всяких околичностей обходится — с братскою откровенностью. Одним словом, ученого почитает он столь же много, как и воина или министра, он равное им воздает почтение, как и самим наукам, и часто в их общество входит. Всяк, отходя от сего высокого вельможи, ощущает во внутренности своей удивление к нему; находясь с ним, такие же чувствования внушать он будет, какие возрождаются в человеке при зрении в весеннее утро восхождения солнца, которое щедро и величественно изливает на все твари жизнь и любовь»²⁰.

«Прияв иройский дух от Фридриха, был он душою храбрых ратников, сохранял столь же спокойный вид в сражении, как и при оказании благодеяний. С ослабляющимся и всегда благосклонным лицом входил он в убогие хижины, где в невинных нравах больше удовольствия и счастья ощущал, нежели в пустой пышности гордых богачей, кои, не зная нужд беднейшей своей братии, в нечувственности и с окаменелым сердцем роются в сокровищах в то время, когда сей, подобно Богу, простирает к бедным руку избавления. С свободным духом и неутомимым прилежанием тщится он во всякой науке изыскивать полезное и ценить оное, — ибо по исполнении своей должности не забывал сей великий воин, любомудрия любитель, — забавляться с мудрыми. Сколь веселая откровенность сияла тогда на его лице, когда со смиренною важностию и веселым видом ободрял заслуженных, но стыдливых людей к оказанию своих дарований. Сколь искренними похвалами осыпал он возвышенного им человека, если находил, что он с дарованиями и остроумием соединял благородность сердца! О как трепетало тогда от радости сердце юноши, когда сей муж в собраниях наших училищ присутствовал и был причиною радости юношам и старикам, и, преисполнен любовью к областям своего государя, участвовал в восхищении верных начальников пред очами юношества, надежду подающего»²¹.

Приведенные панегирические формулы подкреплялись биографическими сведениями — и изложенными в той же книжке, и известными кадетам из иных источников²². Они, безусловно, впечатляли.

²⁰ Собрание некоторых анекдотов и стихотворений... С. 32–36.

²¹ Там же. С. 20–22.

²² Наиболее подробную биографию см.: *Петров П. В.* Граф Федор Евстафьевич Ангалът // Педагогический сб. СПб., 1901. № 9. С. 169–203; № 12. С. 461–492.

Граф Ангальт принадлежал к роду наследных принцев Ангальт-Дессау. Все мужчины в этой династии были прославленными воинами, некоторые отличались полководческим талантом. Прадед графа, Иоганн-Георг Ангальт, скончавшийся в 1693 г., служил фельдмаршалом сначала в Швеции, затем при дворе курфюрста Бранденбургского Фридриха-Вильгельма, отличился в сражении с турками под Веной (1683). Очень знаменит был дед графа — принц Леопольд Ангальт (1676–1747), удостоившийся восхваления в стихах Фридриха Великого. Леопольд вступил на военное поприще на службе у английского короля Вильгельма Оранского во время осады Намюра (1695). В 1712 г. он был произведен в чин фельдмаршала прусским королем Фридрихом I, участвовал в 22 сражениях и 27 осадах, победил Карла XII на острове Рюгене (1715) и австрийское войско в Кессельсдорфской битве (1745), где командовал прусско-саксонской армией. Леопольд имел 5 сыновей: трое стали фельдмаршалами Пруссии, причем двое из них пожалованы этим чином прямо на поле сражения, четвертый стал фельдмаршалом Саксонии. Вильгельм-Густав Ангальт (1694–1737), отец графа Фридриха, первоначально сопутствовал в войнах своему родителю, но карьеры на этом поприще, несмотря на храбрость, в отличие от своих братьев, не сделал. В 1726 г. он женился на дочери купца Иоганне Софии Гере. Дети от этого морганатического брака утратили титул принцев, но были пожалованы в графы Священной Римской империи. Впрочем, воинский дух они сохранили: трое из шестерых погибли в Семилетнюю войну, другие трое были тяжело ранены.

Граф Фридрих Ангальт, ровесник Сухопутного шляхетного корпуса, что тоже в пылком воображении кадет могло играть символическую роль, с 1752 г. состоял флигель-адъютантом в прусской армии. Во время Семилетней войны он был тяжело ранен, лишился левой руки и попал в австрийский плен. Несмотря на увечье, вернувшись из плена, он продолжил участие в кампании и за отличие в сражении при Цорндорфе (1758) даже был награжден высшим прусским военным орденом «За заслуги». По окончании войны, в 1763 г. граф Ангальт в чине полковника стал командиром Вильдауского пехотного полка, одновременно он некоторое время инспектировал училища, а в 1776 г., в расцвете

славы, вышел в отставку в чине генерал-майора. Всего через два года он поступил на саксонскую службу и участвовал в войне за Баварское наследство, командуя как генерал-лейтенант саксонским корпусом объединенных прусско-саксонских войск.

В 1783 г. Екатерина II, дальняя родственница графа, пригласила его на русскую службу. В апреле 1784 г. он получил чин генерал-поручика и должности генерал-адъютанта императрицы и шефа Финляндского егерского корпуса при дивизии, находящейся в северных губерниях. Ангальт предпринял несколько поездок по России, желая изучить жизнь, нравы и природные ресурсы страны, и, вернувшись в 1786 г. в столицу, представил императрице доклад, произведший, очевидно, на нее сильное впечатление. Не удивительно: граф побывал несколько раз в Москве, Ингерманландии, Эстляндии, Лифляндии, Олонекской, Новгородской, Тверской губерниях, посетил Архангельск, Холмогоры, Вологду, Калугу, Тулу, Курск, Воронеж, Харьков, Киев, важнейшие волжские города, добрался до Кизляра и Моздока, с дипломатическим поручением царицы, видимо, заезжал в Тифлис к царю Георгию; в 1787 г. сопровождал императрицу в Новороссию и Крым. Не всякий русский за всю жизнь, даже в наши времена, когда пути сообщения гораздо удобнее, чем в XVIII столетии, так основательно объездил свое отечество, как это сделал за три года иноземец Ангальт. Поскольку он был чрезвычайно любознателен, можно не сомневаться, что он мог сообщить царице много достойного внимания. Граф был осыпан милостями, получил высшие ордена св. Александра Невского и св. Андрея Первозванного, должность генерал-инспектора войск в окрестностях Санкт-Петербурга, Эстляндии и Финляндии. Но военная и придворная карьера Ангальта не развивалась из-за конфликта с князем Г. А. Потемкиным-Таврическим: вместе с графом П. А. Румянцевым-Задунайским, которого немецкий полководец высоко ценил еще по отзывам Фридриха II, Ангальт составил доклад о злоупотреблениях во вверенных Потемкину армиях, в частности, о том, что официальная численность войск преувеличена вшестеро по сравнению с реальной. Не желая интриговать, граф передал доклад официальным порядком через самого фаворита, который, прочитав бумагу, разгневался и изорвал ее. Дело дошло до дуэли, которой,

впрочем, удалось избежать. В начале войны со Швецией (1787) Ангальт отказался принять командование частью войск и, ссылаясь на беспорядки в них, потребовал поставить его во главе армии. Екатерина II в результате почувствовала раздражение против почтенного родственника, однако ее уважение к нему было столь велико, что опалы не последовало, а лишь изменилось служебное поприще графа: еще 8 ноября 1786 г. он был назначен главным директором Сухопутного шляхетного корпуса. Первый раз Ангальт встретился с кадетами за ужином 31 декабря, и многие, вероятно, впоследствии сочли это новогодним подарком судьбы. Непосредственно же к должности граф приступил больше чем через год, вернувшись с двором из путешествия на юг. В 1788 г. Ангальт стал и президентом Вольного экономического общества²³.

Будучи страстным почитателем Фридриха II и Екатерины II, граф в своем житнетворчестве следовал их примеру. И в реальности, и особенно в текстах о нем Ангальт, подобно его кумирам, предстает фигурой универсальной, соединяющей в себе противоположности. Аристократ и буржуа по происхождению, носитель родовой чести и идеи равенства сословий, воин и ученый, педант и Дон Кихот, храбрый и чувствительный, требовательный и милосердный, верный отечественным традициям и ревностно служащий, подобно его предкам, чужому государю, преданный престолу и вместе с тем оппозиционер... Список можно продолжить. Граф Ангальт оказывается воплощением «золотой середины», мудрецом, умеющим соединять пользу и удовольствие²⁴. Для сознания XVIII в. именно такой человек заслуживает почтения, любви и подражания, достоин стать образцом. Главное же, что он сочетает в себе черты божества (см. неоднократные прямые сравнения в приведенных выше текстах) и обыкновенного, простого в обращении человека (ср. державинский миф о Фелице). Для кадет же Ангальт

²³ О его заслугах на этом поприще см.: *Шторх А. К.* Похвальное слово графу Ангальту... С. 13–16.

²⁴ Так, Шторх подчеркивает, что именно чередование занятий доставляет удовольствие и приносит пользу, величие же натуры Ангальта в том, что он может для отдохновения и удовольствия мимоходом заняться каким-то видом деятельности так же основательно, как обыкновенный человек, посвятивший этому поприщу всю жизнь (Там же. С. 9–10).

является начальником и отцом, наставником и другом. Первая оппозиция — в духе часто цитировавшихся графом афоризмов Фридриха Великого или утверждения русской императрицы о том, что у нее нет рабов, а только дети. Вторая оппозиция отзывается руссоизмом. Культ женевского гражданина был значителен в кадетском корпусе тех лет, а его бюст и статуя украшали залу отдохновения. В речах и беседах Ангальт постоянно обращается к аудитории «милые мои дети», «добрые мои дети», «милые мои друзья»; искусное повторение, нагнетание этих оборотов выполняло несомненную суггестивную функцию, завораживая детей, много лет живших в изоляции и нуждавшихся и в родительской ласке, и в опытном старшем друге. Не стоит, однако, считать манеру речи Ангальта лишь педагогическим или риторическим приемом, равно как и часто возникающие в литературе о нем тирады, вроде следующей:

«Никакой отец столь нежно не любил детей своих, сколько сей благотворительный муж привязан был к своим питомцам. С каким попечительным старанием он смотрел за их воспитанием, с каким неумолимым тщанием он устраивал их благо, с каким восхитительным удовольствием он участвовал в их забавах и увеселениях, — но кому из нас то безвестно?»²⁵

Граф не имел семьи, и вполне естественно предположить, что он искренне привязался душой к окружавшим его детям и готов был посвятить им жизнь. Так же сложилась в этом отношении и судьба одного из его учеников и преемников — генерала М. С. Перского, воспетого Лесковым. Вполне понятно, почему М. И. Кутузов, сменивший графа Ангальта, навлек на себя резкую неприязнь большинства подчиненных: он заявил кадетам, что будет обращаться с ними не как с детьми, а как с солдатами, распорядился забелить «говорящую стену» и упразднил залы отдохновения²⁶. Сколь правильны бы ни были эти меры для военного воспитания, при сложившихся в корпусе условиях они неизбежно влекли педагогический провал.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ *Глинка С. Н.* Записки. С. 38–40. В иных источниках указано, что стену велел забелить не любимый кадетами генерал Клиnger, преемник Кутузова.

Создавая свое универсальное амплу воплощения «золотой середины», граф не стремился казаться идеальным, а, напротив, любил демонстрировать разительные проявления противоположных начал. Мемуаристы показывают, что он порой выказывал безрассудный героизм, не свойственный степенному возрасту, но демонстрирующий жертвенную любовь к воспитанникам, и вместе с тем не стеснялся быть смешным. И героические, и комические ситуации вызывали прежде всего умиление и уважение, давая мощный педагогический эффект.

«<...> Несмотря на свист бури ноябрьской и напор льда от Ладоги, он спешил в корпус. Дневальный у Невы говорил: “Нельзя”. Граф показывает свою генерал-адъютантскую трость и возражает: “Можно”. Настилают доски, и он первый переходит по зыблущейся поверхности льда. Вот он уже в корпусной зале кадетской; вот он и в торопливом кружке кадет и говорит: “Дети мои, любезные дети! Товарищи, любезные товарищи! Еду к вам, выхожу из кареты, спускаю на Неву; меня останавливают, говорят: “темно!”. Приказываю принести фонарь; говорят: “Лед чуть стал!” Приказываю настилать доски, и я у вас, я с вами. Воет ветер, знобит мороз, но мне не холодно. Любовь все согревает, труд побеждается трудом. Для вас мне все легко <...>»²⁷.

Это воспоминание Глинки подтверждается и некрологом:

«Всем известно, что ни дурное время, ни болезни не могли прервать двукратный повседневный приезд его в Сухопутный кадетский корпус и что часто, заставляя себя вести под руки по реке едва замерзшей, он позволял подчиненным своим, оправдывая опасностью перехода, не являться к должности»²⁸.

Если обустроенный Ангальтом кадетский «парадиз» напминал Петербург, то сам граф в своих борениях со стихией словно принимал на себя амплу Петра Великого, правителя и воина идеального, по представлению эпохи.

В записках Глинки находим и противоположный эпизод:

«Однажды он спросил у одного рядового:
— Женат ли ты?

²⁷ Там же. С. 71.

²⁸ *Шторх А. К.* Похвальное слово графу Ангальту... С. 12.

— Холост, ваше сиятельство! — отвечал рядовой.

Не поняв этого слова, граф прибавил:

— А много ли у тебя детей?

— Шесть человек! — сказал спохватливый рядовой.

Граф дал ему пятьдесят рублей. Отыскав дома в словаре, что холост значит неженатый, граф по приезде в корпус говорил нам:

— Любезные дети, я вчера заплатил за невежество мое 50 рублей, и очень рад. Старшего Катона упрекали, что он на восьмидесятом году принялся за греческую азбуку, он отвечал: “Лучше быть старым учеником, нежели быть старым невеждою”. Я не только не стыжусь быть учеником в русском языке, но почитаю это учение украшением моей памяти <...>»²⁹.

Для того чтобы созданное Ангальтом ампула произвело нужный эффект, недостаточно было информации о нем и непосредственного общения. В силу и возрастной психологии, и особенностей нормативного мышления XVIII в. важную роль играл пример сверстников. В цитированной антологии помещено письмо молодого саксонского офицера, сетующего о разлуке с графом, показывающее отношение к нему немецкой военной молодежи:

«Да будет он мне то же, что у римлян были домашние боги, да будет как ангел-хранитель при мне и пред глазами моими, дабы он мне служил примером, дабы напоминал о моих должностях, дабы, наконец, возбуждал радостные и утешительные во мне мысли, что сей великий муж был некогда милостивым мне покровителем. Так, друг мой, если б я мог себя уверить, что он меня несколько почитал, а не так, как генерал и начальник, для ободрения моего что-нибудь ласкательное говорил, что часто случается, когда великие люди снисходят иногда к низшим и показывают нам милостивое свое удовольствие. — Друг мой, я клянусь, что сего счастья ни на что бы в свете не променял! Рекомендуйте меня в его милость, притом скажите, что я его до последнего моего издыхания любить и почитать буду: Фридрих научил меня знать, что есть Государь; Волтер — что есть Ученый; Ангальт — что есть Генерал. Без сих образцов не было бы у меня ни нужных понятий, ни мерил для измерения сих величий и пр.»³⁰

²⁹ Глинка С. Н. Записки. С. 80–81.

³⁰ Собрание некоторых анекдотов и стихотворений... С. 29–30.

Здесь набор значимых топосов (обожествление начальника, отсылка к Риму, которым бредили кадеты, сопоставление с почтенными образцами, особенно с детства любимым Вольтером) звучал по-иному, убедительнее, ибо исходил из уст ровесника. Еще более впечатляющим было приведенное там же стихотворение немецкого гренадера на отъезд Ангальта из Саксонии в Россию (текст см. в конце публикации). Переводчик не указан, возможно, это кто-то из старших кадет, помогавших директору в составлении «Говорящей стены» и «Залы отдохновения». Слог перевода дилетантский, но явно соотносится с новейшей поэзией, смешивающей жанры. Сам источник органично соединяет в себе одическое и элегическое начала.

Под влиянием немецких образцов в корпусе возникли и собственные сочинения об Ангальте. С. Н. Глинка приводит в записках свою надпись к портрету графа, где встречаем уже знакомые мотивы:

Как нежный он отец,
Кадет всегда любя,
Был Титом для других,
Катонном для себя³¹.

Культ античности насаждался в корпусе и отразился на литературном образе его начальника, подбор античных перифразов знаменателен: имя Катона часто звучало в устах Ангальта (см., например, предыдущую цитату из Глинки), имя Тита — одна из любимых и злободневных метафор в годы екатерининского царствования. Если же учесть, что кадетам преподавал Княжнин, чья трагедия «Титово милосердие» шла на театре тогда особенно часто, то ясно, что для Глинки античные образы наполнялись особым смыслом.

В РНБ имеются 4 экземпляра французской басни «Деревце и птицы (Кадеты и граф Ангальт)», датированные 6–25 февраля 1794 г. Текст подписан к печати П. Х. Безаком. Неизвестно, был ли он автором или только лицом, ответственным за публикацию. Вероятно, стихотворение предназначалось директору корпуса в подарок на день рождения. Тон этого произведения

³¹ Глинка С. Н. Записки. С. 71.

гораздо сентиментальнее, фамильярнее, даже немного игрив, по сравнению со слогом послания немецкого гренадера. Это обусловлено и различным характером взаимоотношений авторов и адресата, и избранным жанром. Ангальт очень любил аллегории. На «говорящей стене» он поместил русскую поговорку: «Без притчи век не проживешь». По свидетельству современника, после спора графа с испанским посланником о свободных науках «г. Мейснер сочинил разговор в царстве мертвых между Лопецом де Вега, Лессингом и пастером Рихтером»³². Особенно ценил Ангальт модный в просветительской литературе жанр «восточной притчи». Такие одновременно нравоучительные и политически злободневные истории он охотно пересказывал кадетам, ими же открыл обе свои книжки.

Уподобление детей, особенно воспитанников учебных заведений, птицам или птенцам — общее место еще в литературе барокко, приобретающее особенную популярность в эпоху сентиментализма, когда в семантике образа птицы на первый план выходит признак естественности и эмоционального самовыражения. Птичья эмблематика обильно представлена на «говорящей стене» — от чадолюбивого пеликана, которого И. И. Бецкой избрал гербом для воспитательного дома, до горлицы, тоскующей над умершим голубем, воспетой в знаменитом романсе И. И. Дмитриева. В «восточной притче» и граф Ангальт на примере птиц разъяснял разумное многообразие природы. В связи с этим понятно, почему кадеты изобразили себя в виде птиц. Гораздо оригинальнее то, что почтенный воин и родственник царицы представлен не дубом или кедром, а скромным и хрупким деревцем.

Вероятно, сочинители не сомневались, что вызовут не гнев, а умиление начальства. Сентиментальный налет был и прежде на образе графа: воин, мечтающий о прекращении войн, умиляющийся на поселян в их хижинах... Судя по изданным Ангальтом книжкам, он не чужд был руссоизма, а возможно, вопреки утверждениям П. В. Петрова³³, и педагогических принципов И. Б. Базедова. Созданный последним в 1774 г. на родине

³² Собрание некоторых анекдотов и стихотворений... С. 19.

³³ *Петров П. В.* Граф Ф. Е. Ангальт // Педагогический сб. 1901. № 12. С. 468–472.

графа, в Дессау, «Филантропин» не мог не заинтересовать любознательного вельможу. Неприязнь к Базедову барона Грима, а вслед за ним и Екатерины II не могла отвлечь Ангальта от его системы, как не оттолкнула от принципов Руссо. Особенного изучения заслуживает соотнесение взглядов графа с идеями масонов. Сведений о его принадлежности к какой-либо ложе нет, однако сама система отношений, принципы общения его с воспитанниками порой напоминают масонские. Именно во время гонения на масонов, за год до смерти, граф попал в окончательную немилость при дворе. Вообще же, кадетские быт и нравы XVIII–XIX столетий создавали сильную предрасположенность для участия в тайных мистических сообществах, о чем невозможно распространиться подробнее в данной статье.

Во всяком случае, кадеты, сохраняя глубокое почтение к начальнику, считали себя вправе, в духе новых вкусов, нарушить в стихах чиновную и возрастную иерархию. О том, что сам граф подавал к тому повод, намекает Шторх:

«Сколь он ни возвышался от обыкновенного рода людей, однако же охотно снисходил и общался с ними, и вступал в различные союзы, коим, как кажется, недоставало только священного имени дружбы»³⁴.

Культ ее и прежде был силен в кадетском корпусе, при Ангальте же проявления этого чувства достигли крайней аффектации, и не без влияния «говорящей стены». Недоставало же имени дружбы, очевидно, из-за льстивого низкопоклонства многих. Тот же автор упрекает немецких писателей за то, что «они, кажется, приносили похвалу не лицу гражданина, но степени и случаю его»³⁵. Воспитанники и соратники Ангальта усвоили, во многом благодаря ему, нравственный смысл понятия «гражданин», стремление к мышлению независимому и при этом опирающемуся на благородные принципы и естественность проявления чувств. В кадетском предании образ чувствительного прародителя сохранился до конца существования корпуса³⁶.

³⁴ Шторх А. К. Похвальное слово графу Ангальту... С. 7.

³⁵ Там же. С. 6

³⁶ Восхищение Ангальтом выражали и противники принципов кадетских корпусов, например, П. И. Полетика: *Полетика П. И. Мои воспоминания* // Русский архив. М., 1895. №11. С. 305–336.

В 1912 г. бывший кадет Н. В. Щербаков, в течение 20 лет посвящавший стихи каждой годовщине своей *Alma mater*, так характеризовал графа Ангальта:

Его лучи нам возвестили
Зарю наук и яркий свет,
О чем и стены говорили
Тому назад 120 лет.
Кадеты радостно сбегались
На нежный зов его любви,
Лишь только звуки раздавались:
«*Mes chers enfants, mes chers amis*»³⁷.

Отметим также перекличку идеи басни «Деревце и птицы» с первой страницей книг «Говорящая стена» и «Зала отдохновения», вручавшихся каждому выпускнику корпуса. На ней изображалась эмблема — две руки, затягивающие узел, — с девизом: «Удаляясь, они его крепче стягивают» — и пояснением:

«Придет день, добрые мои дети, когда вы удалитесь из этого дома, но я льщусь надеждой, милые мои друзья, что это отдаление усилит привязанность, дружбу и признательность, коими вы обязаны сему учреждению».

В 1794 г. Ангальт скончался и был погребен на иноверческом Волковом кладбище. Его желание упокоиться навеки во дворе кадетского корпуса, под деревцем, вроде того, которое воспели его воспитанники, не было уважено. Любопытны разговоры графа с воспитанниками о предстоящих его похоронах, пересказанные С. Н. Глинкой:

«Я по двум причинам поместил надгробный свой камень в саду кадетском. Во-первых, по праводушию, во-вторых, по обязанности. По праводушию в изъявление привязанности моей к ним, оставаясь и после смерти с ними, или родственниками их, или с их детьми,

³⁷ Щербаков Н. В. Стихотворения Н. В. Щербакова (бывшего кадета выпуска 1863 г.), ежегодно читанные 17 февраля, то есть в дни годовщин Первого кадетского корпуса с 1893–1913 г. СПб., 1913. Ненум. Третий стих отсылает к «говорящей стене», перевод последнего стиха — «Милые мои дети, милые мои друзья!».

по обязанности, — чтобы примером моим <...> сроднить их с последним явлением жизни человеческой. Ибо, поверьте мне, мои юные и любезные друзья! Страх смерти есть страх пустой, бесполезный и ничтожный, страх, свойственный людям робким и слабоумным и приковавшим свой собственный ум к одному праху земному. Любезные дети! Вот четырехугольник, в котором поместится мой прах. Около него плющ и незабудки с надписью: не забудь меня! К ним привьются мирты, гирлянды цветов. Мирта — эмблема мертвой природы, плющ — Приязни, он льнет и обвивается, незабудки — душа этой картины; листья плющевые — чувств погребаемого. Мирт окончательно действие картины? На другой день после великолепных похорон графа Брюса граф Ангальт сказал нам: “Меня будут погребать не так пышно; кадеты просят своих кроликов подрыться под мой надгробный камень; а старые сержанты положат меня под него, и дело будет в шляпе”³⁸.

Этот монолог, безусловно, неточный и отдающий стилем самого Глинки, записанный через полвека, содержит, однако, весь набор признаков «ангальтовского» текста: даже в собственной смерти граф стремится к синтезу приятного и полезного, альтруистичен, сентиментален, назидателен и шутлив. Здесь чувствуется и его альтруизм, и любовь к аллегориям, и не мудрствующая религиозность.

После кончины Ангальта обнаружили факты, сделавшие его образ еще эффектнее. Выяснилось, что он почти не оставил наследства, поскольку большую часть денег, в том числе и жалованных императрицей, тратил на благотворительность, нанимая специальных служителей для выявления нуждающихся, каждое рождество выкупая из острога нескольких должников, поддерживая небогатых кадет³⁹. Элегию на смерть Ангальта по-французски александрийским стихом написал главный стихотворец корпуса — В. А. Озеров⁴⁰. Это едва ли не самое раннее из дошедших до нас сочинений уже содержит основные черты литературной манеры будущего драматурга. Настроение и слог

³⁸ Глинка С. Н. Записки. С. 135–136.

³⁹ Там же. С. 132–135.

⁴⁰ *Ozerow W. Sur la mort du comte Anhalt, dédiée à M les cadets // Маяк современного просвещения и образованности: Труды ученых и литераторов русских и иностранных / Ред. П. Корсаков, С. Бурачек. Ч. 1. Спб., 1840. Отд. 2. С. 3–5. Там же приведен прозаический подстрочный перевод.*

этой внешне традиционной элегии отвечают уже предромантическим вкусам: здесь и чудовищный образ безжалостной смерти (вероятно, не без влияния «Стансов на смерть» Княжнина) в контрасте с беззащитными детьми, плачущими и молящимися в храмах о благодетельном отце, и сетования об утраченном счастье, унылая меланхолия и порыв горя, пересыпаемый междометиями. Не приводя и не анализируя текста целиком, отметим, что Озеров вновь сравнил Ангальта с деревом, но уже без всякой сентиментальной игривости. Как и положено в возвышенных стихах, вельможа уподоблен дубу, дававшему благодетельную сень утомленному дорогой путнику. Дровосек (смерть), увидев дуб, срубил его, и тщетно возвращающийся странник стремится еще издалека разглядеть благодатную крону. Подойдя, он увидит лишь безжизненный ствол и в слезах начнет сетовать на жестокость судьбы. Эта аллегория тоже навеяна ангальтовскими рассуждениями (ср. приведенную ниже надпись на 3-м дереве в кадетском саду). Итак, воспитанники графа воспели его в двух изводах аллегорической модели — чувствительно-шутливом и патетическом.

Предлагаемая статья ставит целью не анализ материалов ангальтовского цикла, но лишь их частичную публикацию и обзор. Отметим, однако, что жизнетворческий и педагогический проект графа не только отражал и отчасти воплощал замыслы многих мыслителей и политиков эпохи Просвещения, но и оказался в русле жизнетворческих экспериментов екатерининского царствования и русского литературного процесса. В частности, параллели можно встретить в деятельности львовского кружка (интересно, например, соотнесение облика графа Ангальта и лирического героя Державина). Параллели не могли не видеть и воспитанники корпуса. Словесность им преподавал Я. Б. Княжнин, в 1785 г. выпустивший комедию «Хвастун». Почтенный Ангальт еще не мог быть прототипом ее героя Честона, но на жизненном театре разыгрывал то же самое амплуа, и не всегда удачливый, но искренний резонер комедии, наставляющий сына, пылкого юного офицера, уже не казался воспитанникам корпуса отвлеченной схемой (ср. противопоставление Ангальта «верхолетам» в цитированном выше его портрете; Верхолетом звали и противника Честона в комедии

Княжнина). Возможен поиск и иных перекличек с творчеством Княжнина, а также П. А. Плавильщикова, Н. Я. Озерецковского, преподававших тогда кадетам. Окончив корпус соответственно в 1787 и в 1790 гг., при Ангальте здесь служили В. А. Озеров и П. С. Железников. Известный переводчик Фенелона, Расина, Петрарки и Тассо, составитель четырехтомной хрестоматии «Сокращенная библиотека», Железников не мог не учитывать опыта двух книжек своего наставника и его принципов в целом. Популярность «Сокращенной библиотеки», по которой учились и К. Ф. Рылеев, и Ф. В. Булгарин, содействовала сохранению «ангальтовского» элемента в нашей литературе. На рубеже 1780–90-х гг. в Сухопутном корпусе воспитывались М. В. Крюковский, позднее автор трагедии «Пожарский» и соперник Озерова, С. Н. Глинка, А. Х. Востоков, П. И. Полетика (дипломат, «Очарованный челнок» в «Арзамасе»). Изучая деятельность этих и перечисленных выше влиятельных литераторов, нельзя не принимать во внимание тексты «ангальтовского» цикла, к которому следует еще причислить рукописные журналы, издававшиеся кадетами⁴¹.

Наконец, влияние этого цикла возможно и в творчестве авторов, не связанных с корпусом прямо. Замкнутый для кадет, педагогический парадиз Ангальта был гостеприимно открыт образованным жителям столицы. По праздникам «чистую» публику пускали в сад, и сам граф активно участвовал в ее увеселениях, не упуская, вероятно, случая показать «говорящую стену». Эта диковинка должна была производить немалое впечатление и надолго остаться в памяти. Если о ней упоминает в мемуарах М. Ф. Каменская⁴², то литераторы и ученые должны были не только ее помнить, но и воспользоваться ею в своих трудах. Брать книги из библиотеки на дом разрешалось лишь служащим корпуса, но 3 дня в неделю доступ в это богатейшее книгохранилище был свободным для всех желающих. В специальной комнате позволялось делать выписки из книг. Трудно вообразить, чтобы многие литераторы (по крайней мере, круг

⁴¹ Фрагменты этих изданий опубликованы: *Аурова Н. Н.* От кадета до генерала. С. 384–423.

⁴² *Каменская М. Ф.* Воспоминания. М., 1991. С. 47–48.

общения Княжнина) не воспользовались этой возможностью и не приобщились попутно к затеям Ангальта.

Упомянем, наконец, и известных нам составителей рассматриваемых изданий. Какой именно кадет Киселев имелся в виду, пока установить не удалось. Вероятно, это кто-то из родственников знаменитых генералов Н. Д. и П. Д. Киселевых, чьи судьбы также связаны с I кадетским корпусом, но уже в XIX в. Можно предполагать, что ангальтовские книжки были хорошо известны будущему руководителю крестьянской реформы 1861 г. П. Д. Киселеву и могли повлиять на формирование его мировоззрения. Трудно с уверенностью сказать, какой именно кадет Гине упоминается в «Зале отдохновения». Во время выхода книги в свет будущий генерал Я. Г. Гине (1769–1813), закончивший корпус в 1787 г., доблестно воевал с турками, что, впрочем, не мешало воспользоваться какими-то его записями. Вероятно, имеется в виду кто-то из его родственников. С. Н. Глинка дал впечатляющую характеристику двух братьев Гине:

«Был у нас Катон-Гине, поступивший из кадет в корпусные офицеры и в учителя математики. Если бы он был на месте Регула, то, вероятно, и ему довелось бы проситься из стана ратного у сената римского распахать и обрабатывать ниву свою. Кроме жалованья, не было у него ничего, но был у него брат, ценимый им свыше всех сокровищ. Взаимная их любовь как будто бы осуществила Кастора и Поллукса, но это герои баснословные. На поприще любви исторической братской Гине стал наряду с Катоном Старшим, который на три предложенные ему вопроса: кто лучший друг? — отвечал: брат, брат и брат.

Брат нашего Катона-офицера служил в Кронштадте и опасно занемог. Весть о болезни брата поразила нашего Катона-Гине. Свирепствовали трескучие крещенские морозы. Залив крепко смирился под ледяным помостом. Саней не на что было нанять, но была душа, двигавшая и ноги, и сердце, и Гине отправился к брату, в одних сапогах и даже без чулок. Можно было взять у кого-либо теплые сапоги или деньги. Но что такое просить? — Одолжиться. Древний римлянин терпел, а не просил. С небольшим в полтора суток Гине перешел залив, навестил, обнял брата и возвратился в корпус к назначенному дню дежурства. Хотя и оказались признаки горячки, хотя и уговаривали его отдохнуть и вызывались отдежурить за него, он отвечал: “Не изменю должности моей”. Отдежурил и слег в постель, в бреду жестокой

горячки видел непрестанно брата, говорил с ним и с именем его испустил последнее дыхание.

Я был на погребении его и слышал надгробное слово, произнесенное лютеранским пастором. Проповедник плакал, и все мы, кадеты, плакали. Прими, брат и друг верный, рано отживший для корпуса и для добродетели, прими от меня новую жертву воспоминания!»⁴³

Вероятно, это и был помощник Ангальта в составлении книги. Глинка живо показал, как копировали кадеты своего кумира: здесь и подражание Катону, и стремление всегда, даже в болезни, быть готовым к исполнению долга, и единоборство с суровой северной стихией. У этого следования образцу, как видим, была и трагическая ипостась.

Павел Христианович Безак (1769–1831) единственный в этой троице кадет регулярно занимался литературой. Сын преподавателя исторических и нравственных наук (Глинка вспоминал его занятия по логике), Безак окончил корпус, остался служить при нем, но после прихода Кутузова подал в отставку как приверженец ангальтовой системы. Судя по воспоминаниям Глинки, которого он однажды вызвал на дуэль, это был человек пылкий. В юности он переводил Флориана, «Описание Петербурга» Георги, в зрелые годы был одним из близких помощников М. М. Сперанского, в старости вел журнальные дела своего двоюродного брата Н. И. Греча. Если попытаться объяснить эту интересную судьбу, учитывая содержание текстов «ангальтовского» цикла, то она, вероятно, окажется вполне закономерной.

Заслуживает внимания и Андрей Карлович Шторх (1766–1835), один из первых видных русских экономистов. Уже 22-летним юношей он получил приглашение на должность экстраординарного профессора от Гейдельбергского университета. Но предпочел предложенную графом Н. П. Румянцевым российскую службу. В 1789 г. Шторх стал преподавателем кадетского корпуса. Впоследствии он получил академическое звание, создал ряд ценных трудов, пропагандировал учение А. Смита, преподавал экономику великим князьям Николаю и Михаилу

⁴³ Глинка С. Н. Записки. С. 77–78.

Павловичам. Этот умудренный не по летам педагог был почти ровесником своих воспитанников-кадет, вероятно, охотно общался с ними и проникся их восхищением перед своим почтенным и обаятельным соотечественником. В результате именно он сочинил похвальное слово Ангальту, слогом далекое от учебного трактата.

Ниже помещены фрагменты из «Говорящей стены», «Залы отдохновения», басня «Деревце и птицы» в переводе автора данной статьи и стихотворение немецкого гренадера в переводе XVIII в. Первые две книги переиздавались дважды. С. Н. Глинка, подчеркивая античный колорит педагогической системы Ангальта, перепечатал под названием «Искусство учиться, прогуливаясь» «Говорящую стену» и часть «Залы отдохновения» со своим предисловием и прибавлением. Текст он не переводил, за исключением притчи «Сон», которую пересказал близко к источнику⁴⁴. Перевод обеих книг помещен в журнале управления военными учебными заведениями «Педагогический сборник» за 1883 г. (предисловие и вводные части «Залы отдохновения» переведены фрагментарно, в «Говорящей стене» часть текста почему-то оставлена без перевода)⁴⁵. Однако это издание не всем доступно и мало известно, поэтому столь ценные материалы остались вне поля зрения большинства исследователей. Это побудило предпринять частичное их переиздание. Стихотворения перепечатываются впервые.

В публикацию включены предисловия к обеим книгам, речи Ангальта, обращенные к кадетам, ряд надписей и рассуждений разного содержания, позволяющих судить об идейной концепции «Говорящей стены» (некоторые из них перепечатаны и в «Зале отдохновения»), а также эмблемы, которые отсутствуют в наиболее известном в России эмблемате⁴⁶. Русский текст помечен одной звездочкой, перевод с немецкого — двумя,

⁴⁴ Глинка С. Н. Искусство учиться, прогуливаясь. М., 1819.

⁴⁵ Педагогический сборник. 1883. № 4. С. 241–278; № 6. С. 444–484.

⁴⁶ «Избранные эмблемы и символы на русском, латинском, французском, немецком и английском языках объясненные, прежде в Амстердаме, а потом во граде св. Петра 1788 года с приумножением изданные статским советником Нестором Максимовичем Амбодиком» (Эмблемы и символы. М., 2000. Далее это издание именуется сокращенно: ЭиС).

с французского — дан без помет. В книжках немало русских пословиц: как нравоучительных («Дело мастера боится», «Как поживешь — так и послывешь» и т. д.), так и имеющих социальное звучание («Каков поп — таков и приход», «Не всякому старцу в игумнах быть» и т. д.); есть и пословица «Терпи казак — атаман будешь». Ограниченность объема публикации заставила, в основном, их опустить. Поиск источников всех афоризмов не входил в задачи публикации, однако по мере возможности они частично указаны. Заслуживает внимания то, что особенно популярен Вольтер, прежде всего «Рассуждение в стихах о человеке». Этот любимый Фридрихом и Екатериной Великими философ оказался едва ли не главным идеологом кадет. По воспоминаниям С. Н. Глинки, даже когда законоучитель стал рассказывать маленьким воспитанникам о Провидении, гувернер попросил его прочесть им известный эпизод со странником из повести Вольтера «Задиг», что православный священник охотно осуществил⁴⁷.

Басня «Деревце и птицы» переведена белым стихом, но в связи с этим по возможности сохранена смысловая точность. Рифмовка оригинала вольная и весьма прихотливая. Остальные стихотворные цитаты переданы дословно прозой с указанием деления на строки. Публикуемые тексты ценны не столько с эстетической, сколько с историко-культурной точки зрения. Чтобы придать достоверность их стилю, часто примитивному и неуклюжему, при переводе он не смягчался и не обрабатывался, активно использовались архаические обороты речи.

ГОВОРЯЩАЯ СТЕНА,

или сводка того, что написано и нарисовано на стене сада императорского кадетского шляхетного корпуса

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

К вам, господа кадеты, обращаю я эту книгу, к вам, *добрые мои дети*, которым сей сборник будет отдан, когда выйдете вы из корпуса. Некоторые из вас также и отбирали различные отрывки, которые составляют сию смесь.

Эта сводка напомнит, может быть, вашему уму те средства, коими пользовались здесь, чтобы вас забавлять, вас занимать

⁴⁷ Глинка С. Н. Записки. С. 60.

и вас наставлять, в то самое время, как вы прогуливались в своем саду с вашими товарищами, вашими гувернерами, вашими гувернантками, вашими учителями, вашими пастырями и с вашими офицерами, или с вашими родственниками, вашими друзьями и вашими знакомыми, а такие воспоминания приносят иногда усладу и веселие преклонному возрасту. Вот цель и предлог напечатания сей книжицы. Думается, это предуведомление необходимо в том случае, если сия брошюра попадет в чужие руки. Я должен сюда прибавить еще ту самую восточную басню, что озаглавлена «Сновидение», она составляла довольно часто, как вы знаете, очаровательный предмет наших драгоценных бесед; вы не поступите дурно, *мои милые друзья*, если будете ее воспроизводить время от времени в своем сознании; вот она:

Восточная басня. Сновидение

Однажды я удалился к себе с умом, наполненным горестными наблюдениями, и после того, как создал сатиру на все сословия, все состояния и самого себя, я впал в глубокий сон; мне было мечтание. Мне казалось, будто я перенесен в одиночестве далеко от тех неисправностей, которые меня уязвляли; я прогуливался со спокойною радостью в лесу, который защищает мою хижину от ветров Аравии; я укрывался под его сенью от безумств человеческих.

Солнце стало подниматься над горизонтом. Его лучи золотили зелень, располагавшуюся между мною и солнцем, и придавали прозрачность листе. Я слышал пение множества птиц, я был внимателен ко всем их звукам, я обозревал все их разнообразие, то есть различие их облика, их полета и их оперения. Соловей, дрозд, ворон, славка⁴⁸, сойка, жаворонок, орел, горлица пели, свистели, каркали, кричали, ворковали, скакали, порхали, летали или парили.

Небо вдруг даровало мне понимание их различных наречий: я внимал орлу, который насмеялся над совою за ее зрение; горлица высказывалась очень дурно насчет повадок ястреба, который только и презирает ее за слабость; дрозд потешался над

⁴⁸ Слово «fauvette» С. Н. Глинка и публикатор «Педагогического вестника» переводят как «малиновка», между тем перевод «славка» точнее не только с зоологической точки зрения, но и в связи с имеющимся в тексте сопоставлением этой птички с соловьем.

криком орла; сойка и сорока бранились: они пеняли ворону за его унылый вид и находили внешность воробья простецкой.

Я узрел, как с небес спустилась фигура самая необыкновенная; это был юноша, тело коего цветом уподоблялось снегу, по которому рассыпаны лепестки роз; он имел большие голубые крылья, коих края были позолочены; волосы его были черны, словно из эбенового дерева; его глаза были того же цвета, что волосы, и столь пронзающи, что лицемер не смог бы выдержать его взгляда. Он устроился на чинаре, которая возвышалась над кедрами леса; он называл по именам различные породы птиц, которые, как я увидел, опустились вокруг него на ветви кедров; он приказал птицам утихнуть и сказал им:

«Внемлите то, что я должен вам открыть от имени Великого Существа. Вы равны по достоинству, вы различны по свойствам, потому что вы предназначены для разных должностей.

Орел рожден для войны, его крик — выражение силы — не может иметь гармонии; сова вовсе не могла б достигать в потемках насекомых и пресмыкающихся, от которых она должна очищать землю, если бы ее глаза выдерживали сияние солнца; чтобы даровать соловью и славке их сладостный и легкий голос, надлежало придать хрупкость их телесному составу; горlinkа, рожденная для любви, держится под сенью, где ничто не пресекает ее наслаждения любовью; применимы ли к сему наслаждению клюв и когти ястреба? Оставайтесь тем, что вы есть, без сожаления и без спеси: уступите по-разному побуждениям естества и усматривайте в особенностях ваших пород различия, но не недостатки».

При этих словах, я увидел, птицы рассеялись по лесу, а гений поднялся в небеса, бросая на меня взгляд, полный выразительности. Я пробудился и сказал себе: вздумается ли мне еще требовать от кадия утонченности придворного, от имама прямодушной смелости воина, от торговца беспристрастности мудреца, от мудреца расторопности честолюбца. Это меня ты пришел наставить, о небесный гений; твои уроки будут навсегда запечатлены в моем сердце, и мои губы повторяют их людям.

О братья мои! мы вместе отправляемся в путешествие — одни к северу, другие — к полудню; нам не понадобится там ни одинакового платья, ни одинакового продовольствия. Мы живем

в семействе, глава которого даровал нам блага разнообразия естества. Чем послужат тому, кто подрезывает деревья плодового сада, орудия земледелия?

Да, *любезные мои чада*, я страстно желаю вручить вам наставления, которые поведут ко счастью и будут действительны постоянно.

Граф д'Ангалът.

— Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам.*

— Даже до тел небесных, и те порядку повинуются.* <...>

— *Закрытая книга с девизом: «Мои достоинства внутри».*

— Все люди слабостями заражены неложно, // И можно слабым быть, но подлым быть не должно.* <...>

— Ни богатым, ни бедным, // Ни холодным, ни теплым, // Ни большим, ни маленьким — // Ничем из этих двух я не хотел бы быть.** <...>

— Власть преисполняет гордыней, обязанности возвращают скромность. Следует поэтому изучать сии обязанности. Следует их понимать. Следует их исполнять. Следует наполнить ими сердце и ум.

— Человека красит сам человек, а не его платье. Ежели душа безупречна — это человек благородный.** <...>

— Великан и карлик равны пред Ним. <...>

— В образе мыслей людей придается больше значения храбрости, нежели застенчивости, предприимчивости, нежели благоразумию, силе, нежели увещанию.

— Тигры, все тигры, какие только существуют, блюдут между собою ненарушимый мир, и медведи также.

— Будьте немые, когда вы даете, и говорите, когда вам дают. <...>

— Фортуна, говорят, слепа, и по обыкновению она ослепляет своих любимцев.

— В человеческом сердце содержатся великие запасы. <...>

— Сражаться, как солдат, и мыслить, как генерал.

— Больше командир, нежели Цезарь, и такой же воин, как Александр. <...>

— *Пирамида с девизом: «Я непоколебима».*

— *Шар с девизом: «Я никогда не меняюсь спереди».*

— *Куб с девизом*: «Я закрыт со всех сторон».

— *Прямоугольный треугольник с девизом*: «Я отличаюсь своей прямоотой».

— Во всех моих действиях, во всех моих словах, во всех моих помышлениях, я занят лишь вашим процветанием.

— Мне так кажется, *милые мои дети, милые мои друзья*, что мы укутаны, словно одеянием, если мне позволено так сказать, в нашем саду, в наших залах отдохновения, в наших спальнях и наших классах, средствами приятными, средствами полезными, для того чтоб себя позабавить, себя занять и себя наставить. <...>

— *Закрытая книга с девизом*: «Откройте меня, чтоб обо мне судить».

— Один читает книгу, чтоб учиться, // Другой ее читает как завистник; // Очень легко порицать, // Но нелегко сделать лучше.⁴⁹

— Тому, кто празден, дни покажутся годами, // Тому, кто деятельен, годы мнутся днями. <...>

— *Людовик XI говорил*: «Когда спесь идет впереди, сожаление идет позади».

— Карл XII испытал, что самое великое в преуспейнии и самое жестокое в несчастьи: не быть расслабленным первым, и пошатнуться на миг перед вторым.

— Граф Рочестер говорит о короле Карле II: этот принц говорит столько хороших вещей, но не делает никогда ни одной доброй. <...>

— *Военное рассуждение*: Разделяйте усталости, разделяйте опасности с вашими солдатами и давайте им узнавать каждое мгновение, что вы думаете об их благополучии и что вы их искренне любите. <...>

— Мнится, *милые мои дети*, что следует пользоваться разум точно так, как пользуются телом, то есть его питать и его укреплять ежедневно. По утру вам дают завтрак, и между обедом и ужином — полдник. Обед и ужин разума, если мне позволено продолжить и развить далее сию аллегорическую, — это учение, размышление и прилежание, которые вы должны иметь в классах; а завтрак и полдник ума — это, быть может, *милые мои друзья*,

⁴⁹ Дословный прозаический перевод. Слегка измененное четверостишие П. де Ронсара, предпосланное поэме «Франсиада». В оригинале не «le livre», а «ce livre», то есть «эту книгу».

беседа и мысли, которыми наша говорящая стена могла бы вас подкрепить, пока вы прогуливаетесь в саду с вашими товарищами, вашими гувернерами, вашими гувернантками, вашими учителями, с вашими офицерами, или с вашими родственниками, вашими друзьями и вашими знакомыми. — *Да будет так.* <...>

— Ничто не хорошо, кроме правды; только правда любезна.⁵⁰

— Необработанный алмаз не послужит украшением, нужно огранить его, чтобы проявились его достоинства. Сделайте себе из этого сопоставление, *добрые мои дети*, вместите эту мысль в ваш ум, и пусть она там почаще присутствует.

— Медленно повиноваться — не значит повиноваться.⁵¹ <...>

— *Король Пруссии*: В худших ваших солдатах старайтесь увидеть своих чад, // Они любят своих пастырей, но не любят своих тиранов. <...>

— *Король Пруссии*: Если вы хотите пройти под триумфальной аркой, // Сражайтесь, как Фабий, шагайте, как Ганнибал.

— *Обруч с девизом*: «Кто может его измерить».⁵²

— *Куб с девизом*: «На какую бы сторону меня ни повернули, я прочно покоюсь». <...>

— Критика легка, а искусство трудно.⁵³ <...>

— Предвидеть — предупредить.

— Не заключай, что то, что светло для тебя — светло и для иных. // Не заключай, что то, что темно для тебя — темно и для иных.^{**} <...>

— Поступай с другим так же, как с самим собой.

— Забудь оскорбления, но никогда — благодеяния.⁵⁴

— Наказывай без пыла, прощай без снисхождения. <...>

— Счастье особенно великое и достойное зависти — // Быть полезным своему отечеству. <...>

⁵⁰ Стих из IX послания Н. Буало-Депрео, вырванный из контекста. В источнике следующая строка: «Она (правда) должна царствовать повсюду, даже и в самом вымысле».

⁵¹ Реплика Вириата из трагедии П. Корнеля «Серторий» (действие IV, явление II).

⁵² В ЭиС есть подобная эмблема под №498: змея, в круг свившаяся, и любовный узел, с девизом: «Божество испытывать невозможно. Вечность исследовать нельзя» (ЭиС. С. 196–197).

⁵³ Реплика Филинта из комедии Ф. Детуша «Тщеславный» («Le glorieux», действие II, явление V).

⁵⁴ Афоризм, приписываемый Конфуцию.

— Страсти должны быть нашими слугами, а не нашими господами.

— Деньги — прекрасный слуга, но очень дурной господин.⁵⁵
<...>

— Вода, проникнутая жаром огня, сохраняет начало, которое возвращает ей ее природную прохладу, несмотря на то, что огонь побуждает ее исполниться жаром.

— Приблизительно как когда гребут против водной струи, стоит немного остановиться, чтоб дать отдых рукам, — течение реки вас отнесет и заставит вас вернуться назад. Мне так кажется, *хорошие мои дети*, это очень важный предмет для размышления.

— Поэзия — это как живопись. <...>

— Картина — это поэма без слов.

— Удача не всегда покровительствует разуму, и хотя сила вправе надеяться на хороший успех, она не всегда его встречает. <...>

— Вовсе не бывает наслаждений, которые бы не потеряли этого имени, когда чрезмерность и доступность их сопровождают.⁵⁶

— Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым.⁵⁷

— Неприятели служат разумному человеку: он, слыша от них свои пороки, их исправляет.*

— Величаться благородством своих предков — это искать в корнях плодов, которые следовало бы найти на ветвях. *Мои милые дети*, пусть эта мысль всегда будет перед вашими очами, в вашем разуме, в вашем сердце и в ваших делах.⁵⁸ <...>

— *Горящая граната с девизом*: «Огонь, который я сковываю, меня вздымает».

⁵⁵ Без указания источника это рассуждение приведено, например, в книге: Dictionnaire de pensées ingénieuses tant en vers qu'en prose des meilleurs écrivains françois: Ouvrage propre aux personnes de tout age et de toute condition. Т. 1. Paris, 1773. Р. 66.

⁵⁶ Часть фразы из письма №274 г-жи Севинье г-же де Грингар.

⁵⁷ Притч 6:6.

⁵⁸ Эта фраза приписывается обыкновенно г-же Роланд, но не исключено, что она имеет более раннее происхождение.

— *Летящая ракета с девизом: «Я поднимаюсь вверх столько, сколько отпущено мне на жизнь».* <...>

— Труд — лучшее средство от скуки, нежели удовольствия.⁵⁹

— Обыкновенно мы видим только отдельные подробности, но не все целое. Будем же скромны и умеренны в своих суждениях. Я не пропускаю случая это говорить довольно часто, *дорогие мои друзья*, я не пропускаю случая повторять это слишком часто. <...>

— *Дети мои, милые дети мои, друзья мои, милые друзья мои*, я вас прошу прилежно, с большим вниманием заниматься искусством хорошо читать; это заслуживает, так мне кажется, самых больших стараний, и это, может быть, более важно, чем полагают. Если вы умеете хорошо читать, то вы также и полюбите читать; таков образ мыслей людей: любить делать то, что получается хорошо; а если вы полюбите читать, и поскольку вам дают хорошие книги и полезные книги, можно предположить, что вы научитесь еще и хорошо мыслить, хорошо говорить, хорошо писать и, наконец, хорошо поступать и хорошо себя вести. — Есть ли у вас такое желание? Есть ли у вас желание таких преимуществ?

— Тот, кто преклоняет ухо к лести, закрывает его для правды.

— Ловите часы, которые летят, и применяйтесь к мгновениям, которые проходят безвозвратно. <...>

— Надежда — это сновидение пробудившегося человека.⁶⁰

— Словесность образует юношество и является очарованием преклонных лет; процветание с нею еще блистательнее, невзгоды обретают в ней утешение; и в наших домах, и в чужих, в путешествиях, в уединении, во всякое время и во всяком месте она есть услада нашей жизни.⁶¹

— Есть великая разница: читать книгу совсем одному или с людьми, которые выделяют хорошие места и которые пробуждают внимание.

— *Зажигательное зеркало с девизом: «Я воспламенено, но огнем небесным».* <...>

⁵⁹ Афоризм аббата Н. Ш.-Ж. Трюбле (Trublet).

⁶⁰ Изречение, приписываемое Аристотелю.

⁶¹ Известная реминисценция из речи Цицерона в защиту поэта Архия, в переработанном виде включенная и в оду 1747 г. М. В. Ломоносова.

— «Музы были дочерьми памяти, чтоб нас научить, что все способности сознания без памяти — потеряны. Что до меня, я ежедневно в схватке со своей памятью и предпринимаю усилия, чтобы вспоминать, вопреки ей, моменты, которые она выбрасывает, для того, чтобы избавиться от нее» (*Письмо короля Пруссии к господину д'Аламберу от 30 октября 1783*). Король с ранней юности был приучен для того, чтобы воспитывать, обогащать и украшать свой ум, чтобы укреплять и сохранять память, выучивать каждый день что-нибудь наизусть, и кажется, что это выражение из его письма: «я ежедневно в схватке со своей памятью», показывает, что король сохранил эту привычку до последних дней своей жизни.

Хорошенько заметьте, *милые мои дети*, что это говорит старый и великий король, что это старый и великий король ежедневно в схватке со своей памятью. — А вы, *мои добрые дети*, что делаете вы и что сделаете вы?

— Несчастье побуждает к отказу, подобно тому, как радость располагает к всяческому согласию.

— *Зеркало с девизом*: «Я показываю недостатки, не перенимая их».

— Если вы хотите ознакомиться с внутренностью часов, то вы их вскрыете или вы их разберете на части, вы расположите все эти части по порядку перед собой; вы рассмотрите по отдельности, как каждая из них сделана, как одна действует на другую и как общее движение по первичному подчинению переходит от колеса к колесу вплоть до стрелки, которая показывает часы. — *Делайте то же самое, господа, я вас прошу, со всем тем, что вы хотите, или со всем тем, что вы должны знать. Это ваш друг вас о том умоляет.*

— Вот мысли, *милые мои друзья*, которые просят, чтоб их записали. Повторите их, *добрые мои дети*, однажды *своим детям* и скажите им от меня, чтобы они рассказали также и *своим детям*. — Настойчивость может продвигаться медленно, но она не прерывает никогда дела, которое она начала, и производит, наконец, великие вещи. <...>

— *Об использовании времени*: Пусть каждый скажет себе, *господа*, или примет к сведению, что хорошее или дурное употребление времени делает нашу жизнь счастливой или несчастливой.

Это при верном использовании времени столь драгоценно, чего я и желаю вам от всей моей души. Приобщитесь сегодня к трем следующим соображениям. По отношению к времени прошедшему: мы его много потеряли, — вот первое соображение. По отношению к времени настоящему, тому, которым мы обладаем: оно очень быстро течет, — второе соображение. По отношению к времени будущему: то, что нам остается — очень неопределенно, — третье суждение. <...>

— *Часы с девизом: «Покойны снаружи, в движении внутри».*
<...>

— Кто нужды не видал — тот счастья не знает.* <...>

— Настанет день, *милые мои дети, да, он настанет*, когда вы должны будете приказывать; приказывайте, я вас прошу о том, в манере покойной и мягкой и тоном твердым и уверенным, все это влияет больше, нежели полагают, на душу того, кто повинуется. Вовсе никакого гнева, никакого раздражения, без спеси, без высокомерия, и ни за что не унижайте — это побуждает к протесту. Не забудьте, *добрые мои дети*, что вам сказано; это друг, это истинный и искренний друг беседует с вами.

— Дерево познается по своим плодам, земля — по тому, что она производит, и все дела — по их последствиям. <...>

— Есть два способа наставить людей, чтоб сделать их хорошими: первый — в том, чтобы показывать им уродливость порока и его пагубные последствия: это главное намерение трагедии; второй — в том, чтобы открывать людям красоту добродетели и ее счастливый исход: это характер, присущий эпосе или героической поэме. Страсти, которые принадлежат первой [трагедии. — *Н. Г.*] — ужас и сострадание, те же, которые подходят второй [эпосе. — *Н. Г.*] — восхищение и любовь; в первой разговаривают действующие лица, во второй автор осуществляет повествование.

— Взращивать науки и не любить людей — это зажечь факел и закрыть глаза.⁶² <...>

— Прошлое — это бездонная пропасть, которая поглощает все преходящие явления, а грядущее — это другая бездна, которая для нас непроницаема. Одна из этих пропастей непрерывно

⁶² Китайская пословица.

перетекает в другую, будущее избавляется от прошлого, протекая через настоящее. Ведь мы ощущаем впадение грядущего в прошлое, и это-то создает настоящее, подобно тому как настоящее творит всю нашу жизнь. То, что прошло, больше не существует, а того, что в будущем, еще нет.

Таково наше состояние.⁶³

— Существуют, по правде говоря, некоторые неудобства в том, чтобы заниматься слишком много одним предметом; следует опасаться, чтобы не возникло некоторых иллюзий о его действительной важности или его объеме, следует опасаться, чтобы не дошло до его рассмотрения в качестве предпочитаемого всем остальным только потому, что он был предпочтен; опасно, когда приучаются видеть этот предмет повсюду и, следовательно, подвергаться риску увидеть его там, где его нет, но все это ничто рядом с поверхностной легкостью. <...>

— Ложные друзья — перелетные птицы, которые прилетают к нам весной и возвращаются с приближением зимы. Они подобны тени солнечных часов, которая появляется, когда небо ясно, и скрывается, когда оно покрыто тучами.⁶⁴

— Ваше ученье, как роза имеет шипы, содержит досады, // Вы их отважно должны переживать, // А после добьетесь награды: // С ученья цветы и плоды собирать. <...>

— Речь — это как будто лицо ума. <...>

— *Свеча в фонаре с девизом: «Она вовсе не боится ветра».* <...>

— Не растрачивай время: это материя, из которой сделана жизнь.⁶⁵ <...>

— Добрые примеры служат нам к творению добра, а худые — к уклонению нас от зла.*

— Не место господина, но господин место делает знаменитым.* <...>

— Роза не цветет без шипов, жизнь вовсе не проходит без некоторых бедствий.

⁶³ Рассуждение почерпнуто из третьей главы второго трактата «Опыта о морали» П. Николя.

⁶⁴ Без указания источника приведено в книге: Dictionnaire de pensées ingénieuses... Т. 1. Р. 35.

⁶⁵ Часть фразы из «Альманаха бедного Ричарда» Б. Франклина.

— Знаменитый ящик Пандоры (нарисованный) с девизом: «Одушевляет наши сердца, воспаляет наши желания. И в то самое время, как обманывает нас, дарит истинные наслаждения».

— Истинная слава следует только за истинным достоинством.* <...>

— Вот известная сентенция Конфуция: высшая мудрость — золотая середина. <...>

— Диалог между прохожим и горлицей:

Прохожий. Что делаешь ты в сих лесах, стонущая горлинка?

Горлица. Мятусь я, я потеряла верного своего друга.

Прохожий. Ты не страшишься, что птицелов тебя, как и его, убьет?

Горлица. Если не он, то сие свершит моя горесть.⁶⁶ <...>

— Не столько казаться, сколько быть.

— Пять наших несовершенных чувств, дарованных нам природой, // Единственное мерило наших благ и наших зол.⁶⁷ <...>

— Телесный труд избавляет от страданий духа, именно это и делает бедняков счастливыми.⁶⁸

— Умрут завистники, но не зависть.

— Увы! сколь бесполезны желания, если не постараться заставить себя их осуществить.

— Тацит говорит, рассказывая об Агриколе: его внешность, если потомство интересуется, была благородна без высокомерия, его лицо — покойно и приятно, легко верилось, что это хороший, охотно — что это великий человек. <...>

— Речь не идет всегда о том, чтобы заставить читать, но о том, чтоб заставить мыслить.⁶⁹ <...>

— Говорить правду без прикрас, но и без дерзости. <...>

⁶⁶ Дословный прозаический перевод. Известный стихотворный перевод И. И. Дмитриева «Разговор прохожего с горлицей (Подражание)» помещен в IV части «Московского журнала» за 1791 г., позднее назывался «Горлица и прохожий». Анонимный источник: *L'utile et l'agréable almanach amusant*. Amsterdam; Paris, 1774. P. 78 (См.: *Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений*. Л., 1967. С. 141, 432).

⁶⁷ Строки из «Рассуждения в стихах о человеке» Вольтера.

⁶⁸ Одна из максим герцога де Ларошфуко.

⁶⁹ Свободно изъятая из контекста цитата из трактата барона Ш. Л. де Монтескье «О духе законов».

— Из итальянского театра.⁷⁰

Арлекин. Я так занят, что у меня нет времени умирать.

Арлекин, пишущий, отзывающийся людям, которые его спрашивают, что он делает: Я отвечаю на письма, которые получат завтра.

Арлекин, совершив путешествие на небо, отвечает на вопрос: что там делается, что он там видел: Там все, как у нас.

Арлекин, приговорен к смерти: судьи ему позволяют выбрать, какого рода мукой желает он умереть; я хочу, — говорит он, — умереть от смеха.

Арлекин. Вернувшись из чужих краев, он заявляет: «весь мир устроен, как наше семейство».⁷¹

Арлекин. Великому создателю проектов и любителю негодии пришла однажды идея предложить торговлю свежими яйцами из Индии.

— Остроумная итальянская пословица: что ничего не имеет — не существует.⁷² <...>

— Утка, которая ныряет, с девизом: «Я ныряю только затем, чтоб вновь подняться на поверхность». <...>

— Чтобы жить счастливо, следует избавиться от своих страстей, как выносят мебель из комнаты, которую хотят тщательно вымыть.

— Глупец в чинах подобен человеку, помещенному на высокий холм, с которого весь мир ему кажется маленьким, а он кажется маленьким всему миру. <...>

— Птица в клетке с девизом: «Питаема, но заточена».

— Пеликан со своими птенцами с девизом: «Он заставляет себя передать свою кровь детям и приносит себя в жертву ради них».⁷³ <...>

— Ученость так, как деньги не имеет конца, а только средину; и то, и другое иметь без употребления в пользу человеческого рода — смеха достойно.* <...>

— Три пословицы:

⁷⁰ Видимо, имеется в виду трехтомное издание: Le theatre italien de Gherardi. Ed. 5-me. Paris, 1721.

⁷¹ Реплика Арлекина приведена по-итальянски.

⁷² Пословица приведена по-итальянски.

⁷³ Сходная эмблема имеется в ЭиС под № 220.

1. Не заставляйте никогда другого делать то, что можете сделать сами.

2. Не откладывайте никогда на завтра того, что можете сделать сегодня.

3. Никогда не следует пренебрегать ни малыми вещами, ни малыми затратами.

— Старцы говорят о том, что они сделали, дети о том, что они делают, а глупцы о том, что они хотят сделать.

— Воспитание — это хозяин мягкий и вкрадчивый, враг насилия и принуждения, который любит идти только по пути убеждения, который применяется к тому, чтобы заставить войти во вкус своих наставлений, говоря всегда разумные вещи и правду, и который полагает лишь так, что легче всего взрастить добродетель, возвращая ее особенно любовно.⁷⁴

— Часто с пешками, которыми хорошо управляют, выходят в ферзи и выигрывают партию.⁷⁵

— В воспитании, как в медицине, есть подготовительные средства, которые по природе своей не предназначены целить, но только подготавливают хороший эффект тех средств, которые используются вслед за тем и которые нападают на оплот недуга. <...>

— *Соловей со своими птенцами с девизом: «О отцы! О матери! О вышние! Больше нет тем для пения!»*⁷⁶

— *Прекрасная мысль о труде:* Когда Диогену сказали: «Ты стар, пора тебе отдохнуть», — он отозвался: «Что? Если б я состязался на ристалище, следовало бы меня останавливать, когда я подходил поближе к цели?». <...>

— Мы совершенны, когда правда управляет нашими суждениями, а справедливость нашими делами. — Вот, *добрые мои дети*, великий предмет для размышления.

— *Господа кадеты*, я прошу вас, я вас умоляю даже, быть всегда и в этом доме, и особенно когда вы отсюда однажды выйдете, быть всегда во всех ваших должностях, при всех ваших

⁷⁴ Цитата из трактата Фенелона «О воспитании девиц».

⁷⁵ Цитата из «Характеров» Лабрюйера.

⁷⁶ Эмблема изображена на наклейке. Перекликающаяся эмблема содержится в ЭИС под № 302.

обязанностях, точными и трудолюбивыми, но более всего приучите себя, *дети мои*, в труде к терпению. <...>

— Деяния государей уподобляются большим рекам, исток которых видели немногие люди, а течение коих видит весь мир.

— Красивая речь похвальна, а хорошая мысль еще лучше, но нехудое чувство превосходит и то, и другое.* <...>

— Есть одна вещь, которая совершенно, которая решительно нехороша ни в чем — это страх. Отсюда это превосходное словцо; приметьте хорошенько, *господа кадеты*, я вас прошу о том, сие превосходное словцо русских, которое находится у них всех на устах и у всех у них в сердцах, оно восхитительно: *не бойся (небось)*. <...>

— Фукидид рассказывает в своей превосходной истории Пелопонесской войны, что Демосфен, дабы снабдить преимуществами своих воинов, держал к ним сию речь: «Воины! В этих обстоятельствах (это вопрос военного похода) пусть никто не радуется от того, что, испытав все трудности, стал умелым мужем, но пусть он вооружится решимостью их победить и убедится, что это есть единственное средство добиться собственной удачи. Не следует рассуждать, когда дошло до действия, когда дело исключительно в том, как избавиться от опасности, когда она насущна. — Я вас прошу, *милые мои дети*, поместить этот кусок из речи Демосфена в ваше сознание и действовать, следуя ему, однажды, когда вы станете служить. <...>

— Некий автор говорит довольно забавно, что Юпитер и Сатурн могли бы играть в мяч нашим шаром. <...>

— Мир злоречив, суетен, легкомыслен и завистлив. // Бежать его — хорошее дело, служить ему — еще того лучше.⁷⁷

— Пользуйтесь, но не злоупотребляйте: так велит мудрость.

— Воздержание и злоупотребление никогда не делает счастливым.

— Люби истину, но прощай ошибки.

— Где ни будь — а дело свое не забудь.*

— Несчастье повсюду, но и счастье тоже.⁷⁸

⁷⁷ Эти 2 стиха и следующие 3 афоризма взяты из «Рассуждения в стихах о человеке» Вольтера.

⁷⁸ Цитата из «Рассуждения в стихах о человеке» Вольтера.

— Жизнь человека подобна партии в шахматы, в течение которой каждый имеет свой чин, сообразно достоинству. Едва же она окончится, все короли, ферзи, кони, слоны, пешки, сложены без различий в один и тот же мешок.

— Слабый — тревожен, великий человек — покоен.⁷⁹

— Следует взирать на вежливость как на одяяние ума.

— Именно заслуги составляют истинное достоинство человека, а не происхождение, богатства, почести, должности; пыль, поднятая в воздух не менее презренна, а алмаз в грязи не менее драгоценен.

— Старцы, юноши и дети Спарты пели на всех празднествах:

Старцы. Мы были прежде // Юны, мужественны, отважны.

Юноши. Мы таковы теперь, // На поверку всему преходящему.

Дети. А мы такими будем однажды // И вас всех превзойдем.⁸⁰

— Вежливость — это дополнение к добродетели: хорошее воспитание ее дает, хорошее общество ее преумножает.

— Радуюсь, увидев вас здесь, и весьма приятно будет нам видеть вас чаще.*⁸¹

— Странствие имеет свои удовольствия, опасность имеет свои прелести.⁸² <...>

— Все одинаково, в конце концов, и двор имеет свои тяготы, // Церковь имеет свои бои, война — свои интриги.⁸³

— Те, кто дают советы, не сопровождая их примерами, уподобляются тем деревенским столбам, которые указывают путь, не проходя его.

— Если гнев вас охватывает — рассудок вас покидает.

— Страсти по отношению к уму — то же, что ветры для большого корабля: они могут только побудить его к движению или сделаться причиной его гибели. <...>

⁷⁹ Без указания источника приведено в книге: Dictionnaire d'anecdotes ou de traits singuliers et caractéristiques historiettes, bons mots, naïvetés, saillies, réparties ingénieuses. Nouvelle édition, augmenté. T. 1. Paris, 1787. P. 315.

⁸⁰ Источником, по-видимому, является сочинение Ж.-Ж. Руссо «Ж.-Ж. Руссо, женеvский гражданин, к г-ну д'Аламберу о его статье "Женева" в "Энциклопедии", в частности о проекте учреждения театра комедии в этом городе».

⁸¹ Эта же фраза приведена по-французски и по-немецки.

⁸² Стих из 4-й песни «Генриады» Вольтера.

⁸³ Строки из «Рассуждения в стихах о человеке» Вольтера.

— Чрезмерный досуг противен добродетелям.

— Кто не делает ничего — недалеко от того, чтобы поступить дурно. <...>

— Если вы хотите спокойно прожить жизнь, // Не завидуйте счастьем ближнего.

— Вовсе не нужно искусства, чтоб любить, но оно нужно для того чтоб быть любимым. <...>

— Кем бы ты ни был, читатель, мы желаем тебе дней долгих, счастливых и удачных.

— В политике, как в механике, машины простые имеют крайнее преимущество перед теми, которые слишком сложны. <...>

— *Над двумя беседками, поименованными Кастор и Поллукс, имеются следующие надписи:* Кастор и Поллукс, сыны Тиадара, царя спартанского, известные своей доблестью, еще более известные своим единством, которое отличало их от прочих. — Господа кадеты, явитесь однажды, как сии два прославленные брата, знаменитыми своей доблестью и знаменитыми своим единством: это то, чего я вам желаю от глубины моего сердца и от всей моей души.

— Для дружбы — все. // Все — для дружбы. // Дружба — повсюду. // Повсюду — дружба.

— Никогда дружба не бежит из сердца мудреца.⁸⁴ <...>

— Дружба — это бракосочетание души.⁸⁵

— Для развращенных сердец дружба вовсе не создана.

— О божественная дружба, дружба, дар небес.

— Дружба, священные узы, воздаяние мудрецам, // Наслаждение всех времен, добродетель всех возрастов.⁸⁶

— *Милые мои дети*, это правда, что я очень люблю ту дружбу, которую питаю к вам.

— *В музыкальном зале. Прямо под портретом ее императорского величества всея Руси Екатерины II:*

Узнайте ту, которая нас влечет, любимая всем Севером, // Счастливая завоевательница, мудрая законодательница, //

⁸⁴ Этот и последующие три афоризма о дружбе почерпнуты из сочинений Вольтера.

⁸⁵ В «Философском словаре» Вольтера фраза заканчивается: «...и это бракосочетание есть повод для развода».

⁸⁶ Стихи Н. С. Р. Шамфора.

Прекрасная женщина, великий человек, которую восхищается зависть, // Которая объезжает свои государства и расплывает блага, // Мастерница в искусстве управления, умудренная в искусстве письма, // Распространяющая просвещение, исправляющее ошибки; // Если бы случай не дал ей империи, // Она всегда б имела ее на троне в наших сердцах.

— *Надпись, которая находится возле Манежа.*

Любители лошадей утверждают, что хорошая лошадь должна иметь: 1. Ноги быка. 2. Грудь женщины. 3. Голову барана. 4. Уши волка. 5. Хвост лисицы.

— Воспользуйтесь поводьями, чтобы укротить живость одного, и шпорами, чтобы пробудить от медлительности другого; не пытайтесь унять их обоих одинаково.

— *Надписи, которые находятся на отдельных деревьях.*

На 1-м дереве. Человеческие способности требуют подходящего ухода, их следует развивать, предоставлять им деятельность, ими руководить и вести их к цели, упражнять мыслительные способности, укреплять память, образовывать суждения, прояснять рассудок, управлять сознанием, взывать к нравственному чувству, направлять сердце, очищать вкус, властвовать над воображением и воодушевлять гений.

На 2-м дереве. Воспитание совершает человека.^{*87}

На 3-м дереве. Прохожий, прими дружески наши приветы; отдохни, ежели хочешь, у подножия сей старой липы и знай, что где б ты ни был, наши пожелания тебе счастья будут за тобою следовать и тебя сопровождать.

На 4-м дереве. Воспитание юношества всегда было призраемо самыми великими философами и самыми знаменитыми законодателями как наиболее надежный источник покоя и благоденствия не только семейств, но и самых государств, и империй.

На 5-м дереве. Дружба. Аристотель говорил, что дружба — это душа, которая управляет двумя сердцами, и сердце, которое обитает в двух телах.⁸⁸

— *Надпись, которая находится возле садика экономии:*

⁸⁷ Эта же фраза приведена по-французски и по-немецки.

⁸⁸ Этот абзац приведен в книге: *Dictionnaire de pensées ingénieuses...*
Т. 1. Р. 36.

И земля не ждет, чтоб дать свой урожай, // Ни желания людей, ни порядка времен года (из «Генриады», песнь IX).

ЗАЛА ОТДОХНОВЕНИЯ,

или продолжение и второй том говорящей стены, или свод того, что находится в зале отдыха 4-го и 5-го возрастов императорского кадетского шляхетного корпуса. В пользу кадетского корпуса. СПб., 1791.

Предуведомление.

Это снова к вам, господа кадеты, обращаю я сию книгу, именно вам, мои милые, мои добрые дети, сия книга будет дана, когда вы выйдете из корпуса.

Эта сводка напомнит, быть может, вашему уму, как и говорящая стена, средства, которые использовали, чтобы вас наставлять в весеннюю пору вашей жизни, а воспоминание о временах юности составляет довольно часто наслаждение преклонного возраста. Припомните в таком случае, милые мои дети, наши беседы и наши чтения; вот восточная повесть, которую вы знаете, и которая требует, чтобы вы ее припомнили здесь.

Просвещение. Восточная повесть.

Визирь Мустафа спросил однажды великого Гаруна аль Рашида (да пребудет с ним Господь), каковы были его взгляды, когда он учреждал академии, основывал школы, обеспечивал процветание наук. «Вы думаете, — говорил визирь, — что тем заставите лучше повиноваться?». — «Да, — ответил халиф, — ибо мой народ лучше будет судить о справедливости моих законов». — «Будет ли он от того лучше платить подати?». — «Да, ибо он увидит, что я с него требую лишь необходимое». — «А ваши солдаты будут ли сражаться с большим рвением?». — «Да, ибо у них будут более просвещенные начальники». — «Однако, — продолжил Мустафа, — ваши мудрецы, ваши ученые не пожелают ли вмешаться в правление. О владыка владык, не наберутся ли они дерзости усмотреть у вас ошибки?». — «Они сделают лучше — сказал Гарун, — они мне скажут, что я должен сделать и научат меня больше ошибок не совершать». Визирь настаивал и сказал: «Как! светоч мира! Вы разрешите своим мудрецам свободно говорить все, что они думают?». — «Без сомнения, — живо ответил халиф, — если они не будут говорить

все, что думают, то они смогут наставить только несовершенно». — «Но некоторые из них не могут ли распространять заблуждения?». — «Да, и эти заблуждения будут разбиты другими». — «Повелитель, — добавил визирь, — от вас не следует ничего таить: после того, как ваш народ начнет просвещаться, те, кого вы отличаете своей милостью и своим доверием, станут предметом общественного суда, я сам, повелитель, я сам...». — «Я понимаю, — сказал халиф, — и он удалится».

Когда просвещенный Джафар, мудрейший из верных, друг Гаруна-аль-Рашида и человечества, был возведен на должность визиря, он покровительствовал наукам, он хотел, чтобы народы были настолько просвещенными, дабы постичь все те блага, которые он желал сотворить.

Анекдот о дочери великого Сципиона также из тех предметов, которые давали нам довольно часто тему для наших драгоценных разговоров: позвольте, добрые мои дети, я вам его повторю.

Знаменитая Корнелия, дочь великого Сципиона и мать Гракхов, была известна во всем мире. В Риме вовсе не было ни знатности более именитой, ни дома более богатого, чем у нее. Одна дама из Кампании приехала ее повидать и, расположившись у нее, выставила с напыщенностью напоказ то, что у нее было самого по тем временам модного и особенно дорогостоящего из дамского туалета: золото и серебро, драгоценные украшения, алмазы, браслеты, серьги и все то снаряжение, которое древние называли женским миром.

Она приготовилась найти еще большее превосходство у особы столь значительных качеств и попросила с большим усердием дать ей осмотреть туалеты. Корнелия ловко продолжила беседу до возвращения своих детей, которые были в общественных школах, и когда они вернулись, «вот, — сказала она, — мои украшения и мои драгоценности».

Я говорю то же самое, когда вас вижу: *«вот мои украшения и мои драгоценности»*, и я льщусь тем, что вашим хорошим поведением и вашими прекрасными поступками вы поддержите мои драгие ожидания и драгоценные надежды, вы окажете им содействие, и я заканчиваю тем, что говорят китайцы: заметьте хорошенько, милые мои дети, что *воспитание возвышает и принижает породу*.

Беседа графа Ангальта с господами кадетами.

Господа!

Именно для того, чтобы вести вас к предназначению, которое вас ожидает, быть может, однажды, были вам даны все полезные и необходимые военные книги, вас снабдили военными планами, наилучшим образом выбранными, для наставления в расположении плана и для необходимых упражнений в искусстве рисования, сопровождаемом полезным навыком в съемке местности как на глаз, так и с помощью приборов; вас заставляли во время ваших лагерей совершать все действия войск и все маневры, которыми генерал армии может располагать, в зависимости от различных положений, в каких он может оказаться; и еще вас старались наставить посредством уроков хороших офицеров и хороших учителей, рассказов, разговоров и семейственных бесед. Кроме того, мы еще все недавно совершили совместно (воинские возрасты) поход на 20 верст: мы вышли в полночь, как вы знаете, и уже вернулись к семи часам утра; и еще для практики мы тщательно возвели лагерное укрепление, и этот труд не был напрасным. Тем не менее я предполагаю сегодня повторить и пройти снова с вами в кратком изложении некоторые разделы (и они вовсе не будут для вас бесполезными) того искусства, которое вы хотите однажды сделать своей профессией. Когда вы видите войска, надо не только их видеть, но следует их изучать, а как? Последовательно с наиболее существенных сторон: 1) люди; 2) обмундирование; 3) вооружение; 4) обращение с оружием; 5) маневрирование; 6) артиллерия и ее перевозка; 7) снаряжение и его перевозка; 8) военные и продовольственные припасы и их перевозка, а для кавалерии следует приметить еще лошадей, и как всадник держится на своей лошади и как он ею управляет, сверх того, как конь подкован, взнуздан, пришпорен, и как всадник устраивает и помещает на своей лошади снаряжение и фураж.

Способность рассуждать, все ли это находится в хорошем состоянии, — дело не одного дня: надобно к этому делу иметь большое внимание, большое прилежание, этому следует учиться; тогда можно полагать, можно даже быть почти уверенным, что офицеры будут обучены и деятельны, что воз-

никнет дисциплина и субординация, но знайте, как вы рассуждаете и как вы исследуете, так же и вы судимы и испытываемы. Я знаю, что у вас есть честь, и я льщусь, что вы постараетесь, чтобы у вас не было во всем этом недостатка, и когда каждый из вас в свое время будет определен в свои подразделения, то каждый из вас исполнит свой долг.

Чтобы подразделение было маневроспособным и полезным, чтобы генерал мог извлечь из него выгоду, надобно, чтобы там была дисциплина, и чтобы он умел выполнять все нужные маневры с точностью, быстро и не утомляя солдат понапрасну.

Диспозиция военных действий и всего, что исходит из генеральской головы, зависит главным образом, так сказать, от пяти факторов: 1) от местности и края, которые являются основой всего; 2) от числа и рода войск и артиллерии; 3) от числа и рода войск и артиллерии противника; 4) от плана выполняемой операции; 5) от плана операции неприятеля, который надобно разрушить.

Еще я вам советую, господа, когда вы будете в высших чинах (вы знаете, я привык говорить порой, когда вижу вас вместе, почти 700 благородных юношей, о том, что я верю, что окружен, если мне позволено зреть в будущее, множеством армейских генералов, множеством государственных министров, сенаторов, губернаторов); да, я прошу вас: когда вы однажды окажетесь в высших чинах, не пренебрегать подробностями, даже заниматься ими, не отдаваясь им вовсе, чтобы не потерять из виду общую картину, которую следует всегда иметь перед глазами. На настоящий момент — вот и все, что я хотел вам сказать, и я думаю, что вы можете поверить на слово, по поводу всего, о чем я сказал вам, ибо я прожил много лет, я повидал много стран, я был приближен к великим людям, я присутствовал при великих событиях, и без конца был предан занятиям; вы не оставите без внимания то, что я говорил, сие обилие полезного, и такими же полезными явитесь и вы, господа, по меньшей мере, вы должны и можете таковыми быть, и небо желает, чтобы мои желания исполнились.

Последнее прощальное приветствие
графа Ангальта

45 кадетам, посылаемым на флот.

Прощайте, дети мои, прощайте, милые мои дети, ступайте с миром как добрые кадеты и воюйте как славные солдаты. Давайте, подойдите, чтоб я вас обнял... Вот несколько слов, и припоминайте, друзья мои, я вас прошу, то, о чем я вам скажу: главное, бойтесь и бегите четырех врагов... вы чувствуете, господи, я уверен, когда я говорю вам бояться и бежать врагов, то это нравственные враги, о которых я рассказываю; ибо насчет врагов политических, я убежден, что вы всегда пойдете доблестно и с отвагою на них; итак, враги нравственные, которых вы можете встретить на вашем пути, суть: вино, игра, лень и, наконец, самый отвратительный и самый подлый из всех, ибо это именно он создает больше всего смятения и беспорядка в общении и обществе людей, — ложь. Сверх того, не забывайте никогда, повторяю вам, признательности, которою вы обязаны императрице, имейте всегда привязанность к этому дому, и да будет честь и добрая молва, неустанно, беспрестанно, первым побуждением и главной основой всех ваших поступков.

ДЕРЕВЦЕ И ПТИЦЫ.

Аллегорическая басня (ГРАФ АНГАЛЬТ И КАДЕТЫ)

Вдали от шума городского
Нежнейшее из деревцев
Ввысь не стремясь расти, лишь ветви простирало,
Довольствуясь тем, чтобы полезно быть.
Птиц стая малая, но в дружном постоянстве
Сбиралась под его листвою,
Им более десятка весен
Дарило деревце чувствительное сень,
Всех без изъятия любя.
В ответ признательные птицы
С рассветной песни всякий день
Пускались восхвалять хозяина любезна.
Две славки, ближние соседки,
Порой — и весь прелестный рой

На сей чувствительный концерт
Сбирались, сливши в хор свой щебет превосходный.
Но часто посреди забав
Столь трогательного союза
Вдруг кротко деревце вздыханья исторгало,
Всегда легчайшие зефиры
Тревожили трепещущу листву.
«О птицы милые! — раз молвит ввечеру, —
Простите нежное вы другу беспокойство.
Давно вас видеть, вам внимать
Привычкой сладостной мое избрало сердце;
Любимо вами я — довольно и оно;
Вы — мое счастье, и до него я жадно,
Благодеением отмечен каждый день,
Но может ли кто знать, что мне судьба готовит?
Я вижу: чтоб вас удержать,
Напрасно человек сноровку изощряет.
Умеете себя от клеток вы спасать
Бежать от западней, что он вам воздвигает.
А я! чем мне вас удержать?
И кто мою ободрит нежность
Средь тех несчастий, что грядут?
Я, тот, кто жить без вас не может...
Увы! решите улететь —
Последовать вам не смогу я:
Природе вздумалось в сем месте приковать
Меня глубокими корнями,
Коль вашей дружбой взыскано не буду —
Одно останусь скоро в мире.
Не сетую ни на кого,
Приязни вашей видя сотни доказательств;
Не знаю, я чего страшусь,
Но неподвижно я, тогда как вы — крылаты». —
Замолкло с словом сим, а сердце ждало... слез
Немногих удержать не в силах.
«Любезно деревце, умерьте же тревоги, —
Вся свита милая воскликнула в ответ, —
Да, только для свободы роц
Создать изволило нас небо,
Бежать позволило и клеток, и силков,
Но вас принудило любить.
Закон властительный, он к вам нас всех влечет,

И наша доля свита с вашей
Несокрушимыми цепями
Нежнейших дружественных уз.
Коль мы покинем вас, то не без тяжкой муки.
Где можем мы найти столь сладостный приют?
Потребность наших душ нас вскоре вспять потянет.
Поверьте, из-за сей нужды
Мы про неверность и не знаем;
А естество, что всеми нами управляет,
Велит нам крылышки расправить
Чтоб только возле вас летать».

ПЛАЧЕВНАЯ ПЕСНЬ,

петая одним саксонским гренадером при отъезде графа Ангальта; в Лейпциге в месяце декабре 1783 года

К монархине российских стран
Теперь наш дух уж не привержен:
Она нас мужества лишает,
Похитив Ангальта от нас.

Кто ж сирым нам теперь пошлет
Столь храброго во брани вождя;
Кто столько блага нам окажет,
Что Ангальт нам уж оказал?

Когда любезно гренадера
Своим он сыном называл,
В восторге сердцем веселяся,
Сей радость новую вкушал.

Сие услышав, мускатер
С негодованьем отвращает
Свой взор и, завистью пылая,
Его тихонько упрекает.

Но Ангальт и тому: «Мой сын», —
Сказав, его тем утешает.
Любовно слово есть награда,
Когда начальник скажет то.

Когда пред сонмом храбрых воев

Покажет он спокойный дух,
То вся печаль в них исчезает,
И всяка ночь для них светла.

Но если вид его явится смутным,
То не ослабится солдат,
Как будто горькая судьбина
Сразила сердце у него.

Правдивость, милость и любовь
Всегда герой сей нам являл.
Он добродетели награду,
Порокам строгу казнь чинил.

Никто из наших офицеров
Не смел при нем нас обижать,
А мы всегда с веселым духом
Ему старались угождать.

Печаль ли нас тогда тягчила —
Он утешенье подавал.
Делами всякого уверил,
Что он в несчастьи покров.

Когда мы в мыслях колебались
Или боялись в бой идти,
Он сам предшествовал примером,
И мы от гибели спаслись.

Тебя чтут граждане и князи,
Ирои славятся тобой,
Когда же мы тебя лишимся,
Исчезнет наш тогда покой.

Тогда саксонские солдаты,
Лишася и последних сил,
Оставлены и сиротея,
Не могут делать ничего.

Что ты чинишь? — О храбрый муж!
Екатерина помавает —
И ты ей в верности клянешься,

Нас безнадежными чиня.

Хотя с прискорбнейшим мы роком
На твой от нас глядим отъезд,
Однако тщетна наша скорбь,
Понеже воля в том твоя.

Иди же, — но при том знай то,
Что росс не так к тебе привержен,
Не столь горячую любовь питает,
Любить не будет так, как я.

Ты славы памятник воздвигнул
В странах германских по себе:
И лишь ты ныне нас оставил —
То вся Германия в слезах.

Ужель других держав народы
Должны тебя своим считать?
А мы, хотя твои братья,
Служить не можем под тобою?

О! как досады я исполнен!
Сего никак не можно снести,
Когда надменный росс ослабит
Утехи наши, счастье, честь.

А ты, о Август, наш отец!
Ты дал нам храброго ироя;
Но сей, презрев твою любовь,
Идет к чужим от нас народам.

Постой, о дерзкий, усмирися!
Твоя хула совсем ничто. —
Я смел столь сильно огорчиться,
Забыв и звание, и долг.

Я недостойный, — ах, прости,
Прости, — ты кротость всем являешь!
Чрезмерная любовь причиной
Была смущенью моему.

Твоя разлука побудила
Со гневом так теперь вещать
И после, покорясь рассудку,
Принести тебе покорность в дань.

Гряди же, славный полководец!
Иди и славу преумножь!
Иди и, честь героев сонма,
Расторгни узы рабства там!

Султан своим пусть угрожает,
Твой меч ему вдохнет боязнь,
И поразить врага такого —
Дело, достойное тебя.

Когда ты воинство подвигнешь,
Падут турецкие полки,
Последуем прехрабрым войском,
Где встретишь — там их поразишь.

Да будут россы тем довольны,
Что ты у них достойный вождь!
Своих врагов пусть побеждают,
Иройских дел дают плоды!

Да будет милостями щедра
Монархиня тех стран к тебе,
К тебе — понеже ты исполнил
Хотение ея души.

Что русских стран велика мать
От рода Ангальтских князей,
То ясно ныне показывает,
Когда тебя к себе зовет.

Иди! не мог я воздержаться
От слез, чтоб о тебе пролить,
Я тем совсем не погрешил,
Но есть бесчестие в слезах.

Я зрю тебя на путь грядуща,
Который к вечности ведет,

Меня сия мысль утешает
И мне спокойным быть велит.

Но я надеюсь несомненно:
Поставит курфирст нам в вождя
Такого мужа, как и ты,
Который с славой нас управит.

Итак, утешимся друзья,
Тужить не будем о разлуке,
Пускай любовь в сердцах пылает
До смерти наша к нему.

О Ангальт! коего сердечно
Моя душа всегда почитит, —
Не предавай забвенью вечно
Саксонских ратников твоих⁸⁹

⁸⁹ Собрание некоторых анекдотов и стихотворений... СПб., 1789. С. 22–27.

Сергей Васильевич Власов

Санкт-Петербургский

государственный

университет

О французских версиях пьесы Екатерины II «Обольщенный» из собрания рукописей Эрмитажной библиотеки

Комедия «Обольщенный», наряду с комедиями «Обманщик» и «Шаман сибирский», входит в состав известной антимасонской трилогии Екатерины II, направленной против Калиостро и «прельщения, выдуманного вне наших пределов под названием разного рода масонских лож, и с ними соединенных мартинистских иллюминатов и других мистических ересей», среди которых «находятся обманщики и обольщенные»¹. Эти комедии были опубликованы в 1785–1786 гг. в Санкт-Петербурге, в типографии Академии наук, и затем неоднократно переиздавались². В 1786 г. в Санкт-Петербурге были напечатаны и немецкие переводы всех трех антимасонских пьес³. Что же касается перевода этих сочинений на французский язык, то во времена Екатерины II публикации удостоился только перевод комедии «Обманщик», изданный также в 1786 г. в Санкт-Петербурге и выполненный Ф. де Казье, сотрудником петербургского журнала «Русский Меркурий» (*Mercure de Russie*), состоявшим на службе у императрицы⁴. Две другие пьесы — «Обольщенный» и «Шаман сибирский» — по каким-то причинам не были опубликованы во французском переводе. И лишь в 1947 г. французский

¹ *Екатерина II*. Собственноручная записка к графу Безбородко, о масонских ложах (1790 г.) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 42. СПб., 1885. С. 134.

² См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. Т. 1. М., 1962. С. 333 (№ 2141–2144, № 2146). См. также: Екатерина II: Аннотированная библиография публикаций / Сост. И. И. Бабич, М. В. Бабич, Т. А. Лаптева. М., 2004.

³ См.: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке: 1701–1800. Т. 1. Л., 1984. С. 175, 178–179 (№ 588, 602, 603).

⁴ [*Catherine II*]. *L'Imposteur*. Comédie en cinq Actes et en Prose. Traduite du Russe par Mr. de Cazié [...]. Saint-Pétersbourg, 1786.

читатель смог ознакомиться со всеми тремя антимасонскими комедиями в современном переводе В.-Р. Шеттеуи (W.-R. Chet-téouï) на французский язык⁵.

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге нам удалось обнаружить две анонимные французские версии пьесы Екатерины II «Обольщенный», до сих пор не привлекавшие внимания исследователей. Более того, в справочнике «Материалы к истории театральной культуры России XVII–XX вв.», составленном В. Ф. Петровой, эти рукописи фигурируют не как две разные французские версии одной комедии Екатерины II, а как две разные рукописные комедии Екатерины II на французском языке⁶.

Одна из этих версий, написанная на бумаге с водяным знаком 1780-х годов, называется «Le dupé. Comédie en cinq actes traduite du Russe» (а не «La dupe», как в каталоге В. Ф. Петровой)⁷ и представляет собой практически дословный французский вариант «Обольщенного». Вторая же версия под названием «L'homme fasciné. Comédie traduite du Russe»⁸ выполнена на бумаге с водяным знаком 1786 г. и, судя по всему, является литературной обработкой первой. Это позволяет нам предположить, что и первая французская версия «Обольщенного» была выполнена не позднее 1786 г., в том же году, в котором вышел из печати русский текст комедии «Обольщенный», без указания года издания и имени автора. Авторство Екатерины II не указано и в рукописных французских версиях. Ни та, ни другая версия, вероятно, не удовлетворили Екатерину II и остались в рукописи. Что же могло не удовлетворить в этих французских версиях императрицу?

Сравним эти французские версии между собой и с русским текстом, чтобы определить их характерные особенности.

В версии под названием «Le dupé» (в дальнейшем — версия D) все имена персонажей оставлены без изменений и ничего не

⁵ Catherine II. Cagliostro et Catherine II: Satire impériale contre le mage... Traduction intégrale de trois comédies et d'un pamphlet de Catherine II. Paris, 1947.

⁶ Петрова В. Ф. Материалы к истории театральной культуры России XVII–XX вв. Аннотированный каталог. Вып. 2. Л., 1984. С. 45–46 (№ 242–243).

⁷ РО РНБ. Ф. 999. Эрмитажное собрание. Фр. 52.

⁸ РО РНБ. Ф. 999. Эрмитажное собрание. Фр. 49.

говорят французскому читателю, кроме фамилии главного персонажа — Радотов (Radotof, от французского глагола *radoter* — «нести вздор»), внутренняя форма которой непонятна русским, не знающим французского языка. В версии под названием «L'homme fasciné» (в дальнейшем — F) говорящие фамилии переведены на французский язык. Так, Брагин становится *Boisec* (от *boire sec* — «крепко пить»), фамилия Бармотин переведена как *Bredouille* (от *bredouiller* — «бормотать»), фамилия Бебин, ничего не говорящая современному русскому читателю (в словаре В. И. Даля «бебень» толкуется под вопросом как «кузов? набитый мешок?»), переводится как *Filesac* (от *filer le sac* — «натянуть? мешок»), Протолк превращается в переводе в *Glosetexte* (от *gloser le texte* — «толковать текст»). Фамилия главного персонажа — Радотов — принимает французскую форму *Radoteau*. Другие русские имена и фамилии заменены более привычными для французов условными именами персонажей французских комедий. Так, брат жены Радотова Бритягин назван *Dorante*'ом, дочь Радотова Таиса становится *Clarice*'ой, жених Таисы Вокитов превращается в *Valère*'а и т. д. (ср., например, с именами персонажей «Тартюфа» Мольера: Дамис — сын Оргона, Валер — возлюбленный Марианы).

Заметим также, что мотив разоблачения обманщика, втершегося в доверие к хозяину дома, который лежит в основе сюжета «Тартюфа» Мольера, положен и в основу «Обольщенного» Екатерины II. Даже эпизод с украденной шкатулкой повторяется в развязке «Обольщенного», а персонаж матери Радотова весьма напоминает персонаж госпожи Пернель, матери обманутого Оргона из «Тартюфа». Сцена 3 первого действия «Обольщенного» является несомненной реминисценцией сцены 1 первого акта «Тартюфа». Сравним, например, реплику «Радотовой матери» из «Обольщенного»:

«В доме все пошло на вынтараты: никто меня не почитает и не слушается»⁹ —

⁹ Здесь и далее текст комедии Екатерины II «Обольщенный» цитируется в соответствии с современной орфографией по изданию: *Екатерина II. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. Т. 1. СПб., 1901. С. 289–340.*

и соответствующую реплику госпожи Пернель из «Тартюфа»:

Oui, je sors de chez vous fort mal édifiée:
Dans toutes mes leçons j'y suis contrariée;
On n'y respecte rien, chacun y parle haut,
Et c'est tout justement la cour du roi Pétaud¹⁰

(в известном переводе Михаила Донского:

Меня не ставят в грош, перечат, что ни слово.
Поистине для них нет ничего святого!
Все спорят, все орут, почтения нет ни в ком.
Да это не семья, а сумасшедший дом!¹¹).

Обе французские версии «Обольщенного» передают это место гораздо менее выразительно. Версия D, хотя и точна, в языковом плане совершенно бесцветна и тяжеловесна:

«Tout est ici sans <sens> dessus dessous, on ne m'y respecte, ni ne m'obéit plus» (5¹²).

В отличие от версии D, версия F (по всем признакам это, несомненно, переделка пьесы, а не оригинал) более легка и изящна, более литературна — и также совсем не передает просторечные элементы русского текста:

«Il n'y a dans cette maison que confusion et désordre; et on le pousse jusqu'à me manquer de respect, et de soumission <...> à moi» (3).

Столь явная переделка «Обольщенного» в соответствии с французскими вкусами в переводе F лишала комедию Екатерины II того, чем она больше всего дорожила, — национального колорита пьесы, ее русского характера, совершенно утраченного в переводе, и делала ее переложением русской пьесы на французские нравы.

Что касается версии D, то характерная для нее тяжеловесность французского языка наводит на мысль, что этот текст

¹⁰ *Molière J.-B.*. Oeuvres. Paris: Firmin Didot frères, 1858. T. 2. P. 11.

¹¹ *Мольер Ж.-Б.* Комедии. М., 1972. С. 89.

¹² Здесь и далее в скобках указана страница соответствующей рукописи.

был написан не французом, а немцем, недостаточно хорошо владевшим изящным французским слогом. Можно было бы также предположить, что автор французской версии D пользовался немецким переводом «Обольщенного», выполненным Х. Г. Арндтом¹³, но точное и скрупулезное следование версии D русскому тексту, а не немецкому переводу «Обольщенного» не подтверждает эту гипотезу.

Почти буквальное соответствие версии D русскому тексту заставляет нас допустить в качестве теоретически возможного предположения, что русский текст «Обольщенного» не является оригинальным, а возник в результате перевода с французского языка. В таком случае версия D является не переводом, а оригиналом, и автором этой версии вполне могла быть сама Екатерина II. Вот почему мы решили называть французский текст D не переводом, а французской версией (вариантом) русской комедии «Обольщенный»: нельзя полностью отвергнуть гипотезу, что русский текст является талантливым переводом, затмившим французский оригинал.

Некоторые языковые особенности русского текста (см. ниже) указывают на то, что его автор переносил некоторые французские языковые привычки в русский текст, но это вполне могут быть и особенности русской речи билингва. Данное обстоятельство несколько не умаляет достоинств русского текста комедии и недостатков текста D, который не перестает восприниматься на этом фоне как неуклюжий перевод, обедняющий языковое богатство оригинала, хотя и не исключена возможность обратной связи между неуклюжим оригиналом и блестящим переводом.

Мы оставляем за рамками данной статьи вопрос о том, насколько хорошо Екатерина II владела русским языком, чтобы писать на нем литературные произведения. Из частной переписки императрицы известно, что по-русски Екатерина писала порою с грубыми грамматическими ошибками, нередко коверкая самые простые русские слова¹⁴. Гораздо лучше она говорила

¹³ Der Verblendete, ein Lustspiel. Aus dem Russischen übersezt. St. Petersburg, 1786.

¹⁴ См., например, письма Екатерины II к Г. А. Потемкину, опубликованные — с сохранением всех ошибок и языковых особенностей оригиналов — в «Вопросах истории» (1989, № 7–10, 12; 1994, № 12).

по-французски, но тоже не без ошибок, правда, гораздо менее грубых и гораздо более редких. То, что автобиографические записки императрицы написаны на французском языке, говорит о том, что французский был ее вторым родным языком. Известно также, что у Екатерины II были помощники (прежде всего, ее секретари), по всей вероятности, участвовавшие в той или иной степени в редактировании (или даже в создании) приписываемых ей произведений. Мы полагаем, что анонимность многих ее сочинений, помимо других причин, отчасти вызвана и данным обстоятельством. Тем не менее, как о том свидетельствует частная переписка Екатерины II, русскому языку императрицы были присущи особенности народной русской речи, не нашедшие отражения в версии D, но свойственные русскому тексту «Обольщенного». Если даже принять гипотезу, что первоначальным вариантом комедии «Обольщенный» была французская версия D, то это предположение не исключает личного участия Екатерины II в русском переводе данной пьесы.

Как мы увидим далее, вся сочность русского языка комедии Екатерины II с его своеобразным сочетанием книжной стихии с простонародными русскими элементами, никак не отраженная во французских вариантах «Обольщенного», вряд ли могла быть адекватно передана средствами классического французского языка. Вот почему, на наш взгляд, ни та, ни другая французская версия этой пьесы так и не были напечатаны.

Рассмотрим подробнее передачу русских разговорных и просторечных элементов во французских версиях комедии. Прежде всего обращает на себя внимание систематическая замена обращения на «ты» в репликах «благородных» персонажей (и даже таких близких родственников, как брат и сестра) на французскую форму вежливости *vous* («вы»), более соответствующую французским языковым привычкам того времени. Например, первая реплика Бритягина, брата жены Радотова, в самом начале пьесы:

«Разве, сестрица, примечаешь расстройство в речах его?» —

в версии D передана практически слово в слово, но с заменой глагола 2 лица единственного числа на вежливую форму множественного, а также с заменой русских уменьшительно-

ласкательных существительных, не характерных для классического французского языка, на нейтральные первообразные слова:

«Quoi! Ma soeur, vous appercevriez-vous [sic! — С. В.] de quelque dérangement aux propos qu'il tient?» (1).

Любопытно, что в русском словосочетании «расстройство в речах» слово «расстройство» передает в данном случае значение французского *dérangement*, означающего не только «расстройство» в смысле «повреждения» или «беспорядка» вообще, но и «повреждение ума», то есть «безумие», «сумасшествие». Это свидетельствует о том, что русский текст несет на себе порой печать русско-французского билингвизма с его характерными для русской языковой ситуации эпохи галлицизмами. Именно значение «безумия в речах» еще более легко и изящно передано в переводе F через глагол *déraisonner* («нести вздор, бред»):

«Comment donc ma soeur! Remarquez-vous qu'il déraisonne?» (1).

Замеченная нами выше замена русских уменьшительных нейтральными обозначениями также весьма характерна для классического французского языка и проведена через весь текст французских версий «Обольщенного». Приведем еще несколько типичных примеров. Так, просторечное уменьшительно-ласкательное обращение свекрови к невестке:

«Невестушка, я пришла тебе сказать, что я более в вашем доме жить не хочу» (д. 1, сц. 3) —

в версии D передается также просторечной, но несколько грубой формой *ma bru*:

«Ma bru, je suis venue pour vous dire que je ne veux plus demeurer dans votre maison» (4),

а в переводе-переделке F вообще заменено на вежливое, официальное *Madame*, без указания степени родства, наряду с заменой *je suis venue* на более употребительную форму *je viens*:

«Je viens ici pour vous dire, Madame, que je ne veux plus vivre dans cette maison» (3).

Обращение «матушка» в следующей реплике:

«За что, матушка, вы так разгневались?» —

заменяется в версии D на нейтрально-разговорное *ma mère*:

«Ah! Ma mère! Par où aurions nous pû [sic! — C. B.] vous facher à ce point» (4),

а в версии F — снова на вежливое *Madame*, за которым следует изящный, куртуазный вопрос «Чем мы могли навлечь на себя эту немилость?»:

«ah Madame! Qu'est-ce qui peut nous attirer cette disgrâce?» (3).

Для исследования передачи по-французски разговорных и просторечных элементов русского текста комедии «Обольщенный» наибольший интерес представляют сцены, в которых участвуют служанка Радотовой Прасковья, превратившаяся в Нерину (Nérine) во французской версии F, и слуга Брагина Теф, в той же версии ставший Жаком (Jacques), слугой Бусека (Boisec).

В русском тексте «Обольщенного» вся первая сцена 2-го действия представляет собой диалог Прасковьи и Тефа, написанный литературно обработанным, но весьма колоритным языком, с элементами просторечия, особенно характерными для Прасковьи, в отличие от немногословного Тефа, речь которого в этом отношении менее выразительна. Посмотрим, что остается от русского просторечия во французских версиях комедии. Как и следовало ожидать, в переделке F от просторечных элементов русского текста не осталось и следа. Что касается версии D, то она более точно соответствует языковым особенностям русского текста и написана литературно-условным разговорным французским языком, впрочем, далеким от французского просторечия, которым, вероятно, автор этой версии не владел. Например, реплике Прасковьи:

«Отвяжись, пожалуйста, не ходи по пятам за мною; несносно мне становится то, что привязался ты ко мне» —

соответствует в смысловом отношении довольно точный, но более книжный французский вариант:

«Laisse moi donc en repos et cesse de me talonner; tes assiduités me deviennent insupportables!» (13)

(дословно: «Оставь меня в покое и прекрати ходить за мной по пятам; твои постоянные ухаживания становятся для меня несносны»). Версия F еще более далека от просторечия, даже в репликах слуг для нее характерен несколько манерный язык французских салонов:

«Quoi [!] tu ne me quittes pas non plus que mon ombre? Que tes assiduités me deviennent importunes; ah crois moi [,] tu ferois bien d'en avoir moins» (10)

(дословно: «Как! Ты, как тень, не покидаешь меня; как мне несносно твои постоянные ухаживания. Ах! Поверь мне, было бы хорошо, если бы ты меньше за мной ухаживал»). Приведем еще один небольшой пример:

«Прасковья. Поживи-тко в нашем доме, увидишь и услышишь у нас много диковинок; тут у всякого язык свой <...>».

В версии D эта реплика Прасковьи передана точно, но литературным разговорным языком:

«Demeure un peu avec nous; tu en entendras bien d'autres; tout est plein de merveilles ici, chacun y parle son jargon» (13)

(дословно: «Поживи немного с нами, ты еще не такое услышишь; здесь все полно чудес, каждый говорит на своем особом языке»). Версия F, как всегда, более манерна и изящна:

«Tu t'en étonnerois moins, si tu connoissois davantage cette maison où il se passe des choses étonnantes, où chacun parle un langage à soi» (10)

(дословно: «Ты бы этому меньше удивлялся, если бы ты больше знал этот дом, где происходят гораздо более удивительные вещи, где каждый говорит на своем языке»).

Разумеется, просторечные элементы в русском тексте «Обольтенного» встречаются, как мы уже видели, не только в речи слуг, но и в речи их хозяев, особенно в речи матери Радотова, «уже не молодой нравом и обычаем», по словам жены Радотова. Разительный контраст между простонародной речью матери Радотова и книжной, ученой речью ее сына с характерными для последней славянизмами также сглажен во французских версиях пьесы. Например, в русском варианте комедии на просьбу сына оставить его в покое:

«Не приводи в движение страсти, оставь меня в покое» —

мать Радотова возмущенно восклицает:

«Чучела недвижимая! Знаешь ли ты, что я имею власть родительскую, и что, ежели захочу, заставлю тебя по старине запросто двигаться».

На что сын невозмутимо отвечает:

«Изречение сие я понимаю, аки вмывающее в себя волю и хотение» (д. 1, сц. 4).

В версии D этот языковой контраст еще вполне ощутим, хотя менее ярко, чем в русском тексте: мать Радотова изъясняется довольно грубым языком, а речь ее сына подчеркнута книжна:

«*Mr. Radotof. Ne remue pas les passions de mon ame... laisse-moi en repos. Radotof la Mere. Buche immobile! Sais-tu bien que j'ai le pouvoir de mere et que si l'envie m'en venoit, je t'obligerois bien à te remuer sans façons là, comme on s'y prenoit ci devant. Mr. Radotof. Je pènètre le sens de ces expressions, j'y découvre une volonté, un certain désir*» (10)

(дословно: *Радотов. Не приводи в движение страсти моей души, оставь меня в покое. Мать Радотова. Чурбан неподвижный! Знаешь ли ты, что я имею материнскую власть и что, если у меня будет желание, я заставлю тебя тут двигаться запросто,*

как это делали прежде. *Радотов*. Я проницаю смысл этих выражений и открываю в них волю и некое желание»). В версии F и речь матери, и речь сына мало чем отличаются друг от друга и характеризуются изящным французским слогом:

«*Mr Radoteau*. Ne remuez point mes passions, laissez-moi en repos. *La vieille Radoteau*. Sçais-tu bien, automate insensible, que je puis à titre de mere te faire remuer de la bonne façon, comme cela se pratiquoit quelquefois de notre temps. *Mr Radoteau*. J'entends ce discours: il désigne la volonté, et le désir» (7)

(дословно: «*Г-н Радото*. Не приводите в движение мои страсти, оставьте меня в покое. *Старуха Радото*. Знаешь ли ты, бесчувственный автомат, что как мать я могу заставить тебя двигаться запросто, как это делалось иногда в наше время. *Г-н Радото*. Я понимаю эту речь: она означает волю и желание»).

Подведем некоторые итоги проведенного нами сравнительного анализа русского текста комедии «Обольщенный» и его французских версий:

1. Французская рукописная версия D комедии «Обольщенный» наиболее близка к русскому тексту пьесы и на его фоне воспринимается как его дословный перевод, обедняющий языковое богатство оригинала. Однако нельзя полностью исключить возможность того, что русский текст комедии является талантливым переводом, затмившим французский оригинал. Тяжеловесность французского языка и некоторые нетипичные для французов обороты речи в версии D наводят на мысль о том, что эта версия, вероятно, была написана не французом, а, возможно, немцем, недостаточно хорошо владевшим литературным французским языком.

2. Екатерина II могла быть непосредственно причастна к созданию как русского текста «Обольщенного», так и его французской версии D.

3. Французская версия F представляет собой изящное переложение комедии «Обольщенный» на французские нравы. Она лишает пьесу ее русского колорита и еще более сближает эту комедию с ее французским прототипом — «Тартюфом» Ж.-Б. Мольера.

*Сергей Васильевич Власов,
Леонид Викторович Московкин
Санкт-Петербургский
государственный университет*

**«Заметки о русском языке и его алфавите»
Е. Н. и Ф. В. Каржавиных (1789–1791)**

Среди немногочисленных пособий по русскому языку, изданных в России в XVIII веке для французов, «Заметки о русском языке и его алфавите» Е. Н. и Ф. В. Каржавиных¹ отличаются своей новизной и оригинальностью, во многом определяемыми теми жизненными обстоятельствами, в которых оказались авторы этого любопытного сочинения.

Издатель и соавтор «Заметок о русском языке и его алфавите» Федор Васильевич Каржавин (1745–1812) — человек необычной судьбы, сменивший в своей жизни десяток различных профессий в разных странах и городах Старого и Нового Света. Тайно увезенный «безъ пашпорта» в семилетнем возрасте за границу своим отцом — купцом-старообрядцем Василием Каржавиным — и посланный им из Лондона в 1753 г. для обучения в Париж, Федор был отдан на попечение своего дяди Ерофея Никитича Каржавина (1719–1772). Ерофей Каржавин (или Коржавин) уже более десяти лет жил в Париже, где он, «прослушавши добрую философию», оканчивал курс юриспруденции,

¹ *Karjavine Ph. Remarques sur la langue russe et sur son alphabet, avec des Pièces relatives à la connoissance de cette Langue. Publiées et augmentées par Phéodore Karjavine, ancien Interprete pour le Roi à la Martinique. Saint-Pétersbourg, 1791.* Есть также экземпляры, титульный лист которых датирован 1789 г. и имеет несколько другое название: *Remarques sur la langue russe [sic! — С. В., Л. М.] et sur son alphabet; Ouvrage Posthume qui fait connoître le Génie de cette Langue et ses rapports avec la Grécque. Publié, corrigé et augmenté, par Phéodore Karjavine, ancien Interprete pour le Roi à la Martinique. Saint-Pétersbourg, De l'Imprimerie de l'Ecole Impériale des Mines, 1789.* Экземпляр 1789 г., имеющийся в Библиотеке Академии Наук (БАН), идентичен по составу изданию 1791 г. Экземпляр 1789 г., находящийся в РНБ, несколько отличается по составу и по количеству тетрадей (19, а не 26, как в экземпляре БАН).

желая еще поучиться «музыке и докторству»². По просьбе известных французских ученых-картографов Ж. Н. Делиля (1688–1768), Ж. Н. Бюаша (1741–1825) и историка Ж. Л. Барбо де ла Брюера (1710–1781) Ерофей Каржавин пишет по-французски в 1755 г. «сочинение, в котором разъясняет характерные особенности русского языка и исследует отношения его к языку греческому»³. За неимением русских шрифтов в парижских типографиях это сочинение Е. Каржавина, представляющее собой первоначальную рукопись «Заметок о русском языке и его алфавите», было напечатано только в 1789–1791 гг. в Санкт-Петербурге, по смерти Е. Н. Каржавина, его племянником Ф. В. Каржавиным. Последний переработал рукопись своего дяди и дополнил ее новыми материалами (в том числе — мемуаром Барбо де ла Брюера о французской транскрипции русских имен), как о том пишет сам Ф. В. Каржавин в предисловии к этому ценному памятнику русско-французской культуры эпохи Просвещения.

Мечтая обессмертить род Каржавиных, став сенатором в России⁴, в 1760 г. Ерофей Каржавин возвращается на родину. Он поступает переводчиком в Коллегию иностранных дел, дослужившись в 1765 г. лишь до чина поручика. Помимо «Заметок о русском языке и его алфавите», Ерофей Каржавин

² Каржавины [sic! — С. В., Л. М.], вольнодумцы XVIII столетия: 1. Доношение о них Императрице Елизавете Петровне // Архив князя Воронцова. Кн. 3. М., 1871. С. 308–319. Биография Е. Н. и Ф. В. Каржавиных излагается нами далее по следующим источникам и исследованиям: Пекарский П. П. Известия о братьях Каржавиных [sic! — С. В., Л. М.]. Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. Приведены в порядок и изданы академиком П. Пекарским // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 9. СПб., 1872. С. 408–424. Каржавин Ф. В. Записка Ф. В. Каржавина о своей жизни. Примечания и комментарий Н. П. Дурова // Русская старина. Т. 12. СПб., 1875. С. 272–294. Барбо де ла Брюер д'Эльвар. Записка, поданная графу д'Аржансону. Там же. С. 294–297. Дуров Н. П. Братья Василий и Ерофей Каржавины. Там же. С. 655–659. Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984. Долгова С. Р. Каржавин Ерофей Никитич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб., 1999. С. 44–46. Долгова С. Р. Каржавин Федор Васильевич. Там же. С. 46–48.

³ Барбо де ла Брюер д'Эльвар. Указ. соч. С. 295.

⁴ Каржавины, вольнодумцы XVIII столетия... С. 315.

известен также как автор первого перевода на русский язык «Путешествий Гулливеровых» Джонатана Свифта⁵.

Что касается Федора Каржавина, то после отъезда дяди он остается в Париже, где блестяще заканчивает коллеж и в качестве студента Коллегии иностранных дел посещает лекции в Сорбонне, проживая в доме русского посла — известного масона князя Д. А. Голицына, друга Б. Франклина, ставшего впоследствии гроссмейстером масонской ложи 9 сестер, в которой состоял Д. А. Голицын. По мнению Е. Двойченко-Марковой, Д. А. Голицын оказал большое влияние на формирование характера и политических взглядов молодого Каржавина⁶. Вернувшись в Россию в 1765 г. вместе с будущим знаменитым архитектором В. И. Баженовым, ставшим его верным другом, а впоследствии и покровителем в устройстве на государственную службу, Каржавин увольняется в 1766 г. из Коллегии иностранных дел в чине коллежского актуариуса и два года (с 1767 по 1769) работает учителем французского языка в семинарии при Троице-Сергиевой лавре. Затем по протекции В. И. Баженова Каржавин поступает «в ведомство Кремлевской экспедиции архитектурским помощником второго класса, т. е. в чине подпоручика»⁷. Наряду со службой в Экспедиции кремлевского строения, созданной для строительства нового Кремлевского дворца, Каржавин успешно выдерживает в 1771 г. конкурс на вакантное место учителя французского языка в Московском университете, но так как «двух должностей исполнять не мог»⁸, то был

⁵ [Свифт Дж.] Путешествій Гулливеровыхъ, книга 1–4. Переведена съ Французскаго языка на Россійскій Государственной коллегіи иностранныхъ днль Переводчикомъ Ероѳеемъ Коржавинымъ [sic! — С. В., Л. М.]. Въ Санктпетербургъ при Императорской Академіи [sic! — С. В., Л. М.] наукъ 1772 года. Второе издание — М., в Университетской типографии [Н. И. Новиков], 1780.

⁶ *Dvoichenko-Markova E.* A Russian Traveler to Eighteenth-Century America // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 97. Philadelphia, 1953. № 2–4. P. 350.

⁷ Каржавин Ф. В. Записка Ф. В. Каржавина о своей жизни. Примечания и комментарий Н. П. Дурова // Русская старина. Т. 12. СПб., 1875. С. 273. О дружбе Ф. В. Каржавина и В. И. Баженова см.: Петров В. И. Из материалов о В. И. Баженове // Ежегодник Института истории искусств. 1957. Архитектура и живопись. М., 1958. С. 58–63.

⁸ Каржавин Ф. В. Записка Ф. В. Каржавина о своей жизни. С. 274.

награжден университетом «привилегией на содержание публичной школы», которой он воспользовался, открыв в Москве частную школу. В 1772 г. в журнале Н. И. Новикова «Живописец» под псевдонимом «Богодар Вражкани, Брынской Правдописец» появляется письмо-фельетон Каржавина о скряге-ростовщике.

В 1773 г. Каржавин снова едет за границу, сначала в Амстердам, а потом в Париж, где слушает разные курсы по медицине и физике и готовит для печати целый ряд переводов с русского на французский. Из Парижа в 1776 г. Каржавин направляется на Мартинику, куда он везет «товары свои, состоящие в отменных книгах, картинах и редкостях»⁹. В 1777 г. с Мартиники, где он служил в должности королевского переводчика в городе Сен-Пьер, Каржавин отправляется в Виргинию с грузом товаров, в числе которых были порох и оружие для американских повстанцев¹⁰, попадает в плен к англичанам, а потом, в разгар Войны за независимость США, пешком доходит до Бостона, затем добирается до Филадельфии, а оттуда до столицы Виргинии Вильямсбурга. Там он преподает иностранные языки и работает приказчиком у одного французского купца. В Вильямсбурге Каржавин завязывает дружеские отношения с масоном Карло Беллини, преподавателем современных языков и другом Т. Джефферсона, будущего президента США, автора «Декларации независимости»¹¹. Очевидная близость Ф. Каржавина к масонским кругам уже во время его пребывания в Париже, а затем в России и в США, на наш взгляд, требует дальнейших разысканий, которые по-новому осветили бы многие факты его биографии, в частности, мотивы его передвижений в Новом Свете и круг его знакомств в России и за границей.

В 1780 г. Каржавин снова возвращается на Мартинику, где работает помощником главного королевского аптекаря и «королевским российским и славянским переводчиком при адмиралтействе», а также в течение пяти месяцев один выращивает и продает табак¹². В 1782 г. он едет на Антильские острова —

⁹ Там же.

¹⁰ *Dvoichenko-Markova E.* Op. cit. P. 351.

¹¹ *Ibid.* P. 352–353. *Старцев А. И.* Ф. В. Каржавин и его американское путешествие // История СССР. М., 1960. № 3. С. 138.

¹² *Каржавин Ф. В.* Записка Ф. В. Каржавина о своей жизни. С. 276.

сначала в Сан-Доминго, а потом на Кубу, в Гавану, где почти два года лечит больных, составляет «медикаменты для аптекарей и разные водки для питейных лавок»¹³, а также преподает французский язык. В 1784 г. он опять едет через Нью-Йорк и Филадельфию в Виргинию, где сначала занимается врачебной практикой близ города Смитфильда, а потом работает «переводчиком для французских и американских дел»¹⁴ при французском консульстве в Вильямсбурге. В 1787 г. Каржавин снова на Мартинике, откуда он отплывает во Францию, в Париж. Наконец, в 1788 г. он возвращается на родину, в Санкт-Петербург.

В этот последний период своей жизни, помимо целого ряда переводов и «Заметок о русском языке и его алфавите» (1789–1791), Каржавин публикует чрезвычайно интересные учебные пособия по иностранным языкам, в которых отражены его философские и политические взгляды, — «Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских» (1794)¹⁵ и «Французские, российские и немецкие разговоры в пользу начинающих» (1791 и многочисленные переиздания¹⁶). Особого рассмотрения требует составленный Каржавиным первый русский словарь архитектурных терминов (1791)¹⁷, многие статьи

¹³ Там же. С. 277.

¹⁴ Там же. С. 278.

¹⁵ *Каржавин Ф. В.* Вожакъ показывающій путь къ лучшему выговору буквъ и реченій французскихъ. Le Guide français. Par Theodore Karjavine. (Встречается и другой титульный лист: Новая и полная французская Азбука: по которой можно самому выучиться, по правиламъ или безъ правилъ, акибы съ помощію нѣкоего путеводаителя или Вожака, выговаривать чисто и писать порядочно слова не только нынѣшняго но и древняго Французскаго языка. Собранныя трудами публичнаго разныхъ языковъ учителя и переводчика Ѳеодора Каржавина.) Во градъ Святаго Петра, съ дозволенія Указаго печатано у I. К. Шнора, 1794 года.

¹⁶ *Каржавин Ф. В.* Dialogues Français, Russes et Allemands, à l'usage des commençans. Французскіе, Россійскіе и Нѣмецкіе Разговоры, въ пользу начинающихъ. Новое изданіе, пересмотрѣнное и исправленное Ѳ. Каржавинымъ. СПб., тип. И. К. Шнора, 1791 (переработка издания: СПб., 1784). Последующіе переиздания: СПб. — 1799, 1804, 1814, 1816, 1817, 1818, 1829, 1832, 1837, 1840; М. — 1808, 1824, 1832.

¹⁷ *Каржавин Ф. В.* Словарь, Въ которомъ, по возможности моей, изъяснены иноязычныя обрѣтающіяся въ Архитектоническиххъ сочиненіяхъ рѣчи, изъ которыхъ многія переняты нашими Зодчими безъ нужды отъ иноземельныхъ мастеровъ. Собранный въ 1772 году при Модельномъ

которого выходят далеко за рамки архитектурной терминологии. Характеристика Федора Каржавина как неудачливого искателя приключений в популярной статье о нем известного историка Е. В. Анисимова¹⁸ является, на наш взгляд, весьма субъективной и во многом несправедливой. Да, Ф. В. Каржавин не достиг больших чинов и званий и, вероятно, имел все основания считать себя неудачником. Но это несколько не умаляет масштаба его неординарной личности и значения многогранной деятельности этого одного из наиболее ярких и передовых представителей русского Просвещения.

Если биография Ф. В. Каржавина, сама по себе представляющая увлекательный авантюрный роман¹⁹, его плодотворное сотрудничество с В. И. Баженовым и Н. И. Новиковым, его личные связи с известными американскими деятелями времен Войны за независимость США, а также его издательская, писательская и переводческая деятельность неоднократно привлекали

домъ въ Кремль, и поправленный для пользы общества въ 1789 году въ С.П.Б. Архит. Помощникомъ Ѳ. К. Москва. MDCCXCI // Сокращенный Витрувій, или Совершенный Архитекторъ. Переводъ Архитектуры-Помощника Ѳеодора Каржавина. Москва, Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова. 1789.

¹⁸ Анисимов Е. В. Федор Каржавин. Преисполненный русским неунывающим духом // Дело: Аналитический еженедельник. СПб., 2008. №21. С. 12. В данной статье, вслед за статьей С. Осипова (*Осипов С.* Чем Америка обязана России? // Аргументы и факты. 2007. № 50), растиражированной в миллионах экземпляров, ошибочно опубликована как фотография Федора Каржавина фотография И. В. Турчанинова (1822–1901), полковника русской армии, подавшего в отставку, эмигрировавшего из России в 1856 г. и назначенного впоследствии (в 1862 г., во время Гражданской войны в США) президентом Линкольном бригадным генералом армии США (биографию и ту же самую фотографию И. В. Турчанинова см. в книге: *Петров В.* Русские в истории Америки. М., 1991. С. 156–169). Заметим к тому же, что Федор Каржавин скоропостижно скончался, а не покончил жизнь самоубийством, как утверждает Е. В. Анисимов, в 1812 г., когда не существовало еще и дагеротипии!

¹⁹ Жизнь Ф. В. Каржавина описана лишь частично Д. Деминым в художественной форме «документальной повести» (*Демин Д.* История странствий Теодора Лами, русского флибустьера // Вокруг света. 1996. № 9–10). Весьма фрагментарно, тенденциозно и неправдоподобно представлены лишь некоторые факты из жизни Ф. В. Каржавина в романе: *Клюшников В. П., Петров П. Н.* Семья вольнодумцев. Роман екатерининского времени // Нива. СПб., 1872. № 1–19 (отдельное издание: СПб., 1872).

внимание ученых²⁰, то «Заметки о русском языке и его алфавите», которые были по достоинству оценены академиком М. П. Алексеевым, впервые сделавшим общий обзор филологических наблюдений Ф. В. Каржавина²¹, и С. Р. Долговой, уделившей «Заметкам» несколько страниц своей интересной монографии о Ф. В. Каржавине²², еще не были предметом всестороннего исследования.

Не претендуя на исчерпывающее рассмотрение данной темы, в нашем небольшом этюде мы попытаемся проанализировать «Заметки о русском языке и его алфавите» с историко-лингвистической и методической точек зрения.

«Заметки о русском языке и его алфавите», написанные, как мы уже сказали, по просьбе французских ученых, первоначально имели целью помочь французским географам и историкам правильно читать и транскрибировать по-французски русские имена собственные — географические названия в русских атласах и на «ландкартах», а также имена разных лиц в справочной и исторической литературе. Необходимость в обучении иностранных ученых чтению по-русски возросла также с выходом в 1787–1789 гг. «Сравнительных Словарей всех языков и наречий»²³, составленных под редакцией П. С. Палласа в соответствии с планом, разработанным по личному распоряжению Екатерины II. В 1790–1791 гг. выходит переработанное и дополненное Ф. И. Янковичем де Мириево издание этого пионерского труда по сравнительно-историческому языкознанию²⁴.

²⁰ Помимо указанных выше работ, см. также: *Рабинович В. И.* Революционный просветитель Ф. В. Каржавин. Труды гос. музыкально-педагогического института им. Гнесиных. Вып. 5. М., 1966; *Рабинович В. И.* Стигпанцами в Новый Йорк и Гавану (Жизнь и путешествия Ф. В. Каржавина). М., 1967; *Вслед Радищеву...: Ф. В. Каржавин и его окружение.* М., 1986. *Полонская И. М.* Издательская деятельность Ф. В. Каржавина // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 160–184.

²¹ *Алексеев М. П.* Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина (Из истории русской филологии в XVIII веке) // Ученые записки ЛГУ: Серия филологических наук. Вып. 59. Л., 1961. С. 8–36.

²² *Долгова С. Р.* Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984. С. 82–85.

²³ Сравнительные Словари вснхъ языковъ и нарнчуй, собранные десницею Всевысочайшей Особы. Ч. I–II. СПб., тип. Шнора, 1787 (Ч. I) — 1789 (Ч. II).

²⁴ Сравнительный Словарь вснхъ языковъ и нарнчй, по азбучному порядку расположенный. Часть I–IV. СПб., тип. Брейткофа, 1790–1791.

И в первом, и во втором издании этого монументального лексикона слова «всех языков и наречий» даны в русской транскрипции. Мировое ученое сообщество, не знавшее, за некоторыми редкими исключениями, русского языка, нуждалось, таким образом, при ознакомлении с трудом Палласа — Янковича де Мириево в пособии, которое способствовало бы усвоению иностранными учеными русского алфавита и приобретению ими элементарных навыков чтения по-русски. Этим задачам как раз и удовлетворяли «Заметки о русском языке и алфавите», написанные также с точки зрения сравнительно-сопоставительного изучения языков, что делало из них своего рода приложение к «Сравнительным Словарям» Палласа — Янковича де Мириево. Заслуживает внимания и тот факт, что И. К. Шнор, напечатавший первое издание «Сравнительных словарей всех языков и наречий», печатал также учебные пособия Ф. В. Каржавина — «Французскіе, Россійскіе и Нѣмецкіе Разговоры, въ пользу начинающих» (СПб., 1791), «Вожака» (СПб., 1794) и ряд других сочинений Ф. В. Каржавина. Последний с похвалой отзываясь в «Заметках» не только о типографии Горного училища, в которой печатались «Заметки», но и о типографии И. К. Шнора²⁵. Не исключено, что Ф. В. Каржавин, знаток многих языков, известный путешественник, мог быть также причастен в той или иной мере и к составлению «Сравнительных словарей всех языков и наречий».

Структура «Заметок о русском языке и его алфавите» определяется указанными выше задачами. После посвящения и предупреждения издателя Ф. В. Каржавина (с. [5–9]), а также вводных замечаний покойного автора (вернее — соавтора) «Заметок» Е. Н. Каржавина (с. [10–19]) приводится таблица букв русской азбуки с обширным сравнительно-сопоставительным языковым комментарием (с. 20–107). Затем идут 22 кратких замечания по морфологии русского языка (с. 108–117). Потом, в разделе синтаксиса, даются примеры русской «конструкции» (т. е. словосочинения), представляющие собой краткую автобиографию Ф. В. Каржавина (с. 118–122), и сведения о русской просодии (с. 122–126). К этим материалам Ф. В. Каржавин присовокупляет

²⁵ *Karjavine Ph. Op. cit.* P. 134.

любопытный исторический очерк о введении письменности на Руси и об успехах русской словесности (с. 129–134), а также «рассуждение» профессора истории и политики Ж. Л. Барбо де ла Брюер д'Эльвара «Замечания о точной передаче на французский язык некоторых русских букв», представленное им Французской Академии в марте 1762 г. и исправленное Ф. В. Каржавиным в 1789 г. (с. 135–148).

Далее следует вторая, практическая часть учебника, состоящая из следующих разделов: «Азбука или Абавага Руская» (с. 149–152), «Замечание об ударениях» (с. 153–154), «Российский моносиллабарий» (с. 155–170: отдельные слоги из двух, трех, четырех, пяти и шести букв), «Примеры для чтения по-русски» (с. 171–200). И завершается учебник сведениями, приведенными только по-французски, об административном делении России с указанием количества жителей в каждой из 43 ее губерний и французскими «Заметками по русской хронологии», в которых, как в русских календарях того времени, приводятся важнейшие даты в истории России на 1791 год (с. 201–210). Рассмотрим теперь подробнее основные разделы этого любопытного теоретико-практического пособия по русскому языку.

«Заметки о русском языке и его алфавите», посвященные жене Ф. В. Каржавина — француженке Маргарите-Шарлотте Рамбур, начинаются с описания букв русской гражданской азбуки. Ф. Каржавин пишет в «Предисловии издателя», что он изъясил из описания русской азбуки колонку с буквами церковно-славянского алфавита, поскольку эти буквы используются только в синодальных типографиях для книг на религиозные темы. Это решение Ф. Каржавина, которое кажется нам теперь вполне естественным, идет вразрез с принятой в его время практикой введения русского алфавита в букварях для народных училищ, дававших и церковнославянскую азбуку²⁶. И тем не менее ориентация Ф. Каржавина только на гражданскую азбуку вполне соответствует наметившейся еще в Петровское

²⁶ Российская азбука для обученія юношества чтенію, напечатанная для общественныхъ школь по Высочайшему повелѣнію. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ, [1781]. С. 14. Ср.: [Барсов А. А.] Азбука церковная и гражданская, с краткими примѣчаніями о правописаніи. Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1768 года.

время общей тенденции разделения светской и церковной сфер жизни.

Из 44 букв церковно-славянского алфавита в русской «академической», гражданской азбуке Ф. Каржавин оставляет канонические — после выхода в 1781 г. «Российской азбуки <...> напечатанной для общественных школ по Высочайшему повелению» — 35 букв²⁷, считая фиту и ижицу, добавляя к ним в самом конце описания, уже без номера, под звездочкой, «современную букву» $\hat{I}\hat{O}$ с покрытием (каморой) над \hat{I} (как правило, без точки) и \hat{O} . Употребление этой буквы, по словам Ф. Каржавина, «в настоящее время запрещено и заменено буквой е»²⁸; однако, по мнению Ф. Каржавина, эта буква необходима как для различения некоторых русских слов, например, $вс\hat{I}\hat{O}$ и $все$, так и для изображения в русской транскрипции французского дифтонга ei , например, в словах $Dieu$ и $deux$ — $д\hat{y}\hat{I}\hat{O}$ и $д\hat{I}\hat{O}$ ²⁹. Буква $\hat{I}\hat{O}$ используется Ф. Каржавиным в переводе «Сокращенного Витрувия» К. Перро и в Словаре архитектурных терминов, а также в некоторых других сочинениях³⁰.

²⁷ См., например: Семигиновский М. А. Правописание российское, съ предварительнымъ наставленіемъ о произношеніи буквъ, и о чтеніи, изъ разныхъ Грамматикъ и новъйшихъ о правописаніи правилъ. М., 1795. С. 3; Богородский В. Новая российская азбука, въ которой показываются новые методы ученія, начальныя правила Грамматическія, правила чтенія и произношенія, правописанія и чистописанія <...>. М., 1798. С. 3. 35 букв российской азбуки приводятся и в букварях, опубликованных до 1781 г. См., например: Российская азбука способствующая к чтенію гражданской печати. В Санктпетербургъ 1763. С. 1.

²⁸ *Karjavine Ph. Remarques sur la langue russe et sur son alphabet...* P. 102. Ср.: [Светов В. С.] Опытъ новаго российскаго правописанія утвержденный на правилахъ Российской Грамматики, и наилучшихъ примърахъ российскихъ писателей. Въ Санктпетербургъ при Императорской Академіи Наукъ 1773 года. С. 10: «Буквы $\hat{I}\hat{O}$, произносимой какъ тонкое о, не писать ни въ одномъ Российскомъ реченіи, а употреблять e , на пр. *пріемъ, ежъ, Петръ, овесъ, елка*, вм. *пріомъ, іожъ, Піотръ, овіось, іолка*».

²⁹ *Karjavine Ph. Op. cit.* P. 101–102.

³⁰ См., например: Сокращенный Витрувій, или Совершенный Архитекторъ. Переводъ Архитектуры-Помощника Θεодора Каржавина. М., 1789. С. III: «Вині \hat{O} ль» (имя собственное). Там же, в Словаре архитектурных терминов, датированном 1791 г.: «Кл \hat{I} онъ» (клён), «изъ Кл \hat{I} оновицы» (С. 185) и т. д. Написание $\hat{I}\hat{O}$ используется также Ф. В. Каржавиным в примечаниях к следующему сочинению: [Плестед Б., Элиот Дж.]. Описаніе хода

То что Ф. В. Каржавин оставляет в своем описании русского алфавита букву $\hat{t}o$, прообраз современной буквы ё, введенной, как известно, в русскую азбуку Н. М. Карамзиным в 1797 году в издании второй книги «Аонид»³¹, также свидетельствует о его «модернистском», «светском» подходе к русскому правописанию, свойственном уже Адодурову (см. хранящуюся в архиве Академии Наук его записку от 11 марта 1737 г., в которой также прибавлена в самом конце буква $\hat{t}o$ ³²) и раннему Тредиаковскому с его установкой «писать по звонам» в «Разговоре между Чужестранным человеком и Российским об Орфографии старинной и новой»³³ 1748 г. В «Разговоре» Тредиаковский отказывается от букв *и, э, ш, ѳ, з*, употребляя вместо них буквы *і, е, шч, ф, s*, и сохраняет новую «двугласную» букву $\hat{t}o$, свойственную «самому простому выговору»³⁴.

Интересную замену букве $\hat{t}o$ предлагал А. П. Сумароков. Считая просторечным произношение *йо* вместо *е* в ряде слов, А. П. Сумароков, однако, выступал за сохранение двугласной *йо* (вместо $\hat{t}o$) «для изображения чужова слова» (например, *Майоръ, Йокаста*) и в начале русских слов типа *йожь* (*ежь*),

купеческихъ и другихъ каравановъ въ степной Аравіи. СПб., И. К. Шнор, 1790. С. 36 («эспаніольскую <...> монету», «восемь эспаніольскихъ реалей»), 127 («я всегда имьль при себѣ пузырѣокъ съ купороснымъ эликсиромъ»).

³¹ Карамзин Н. М. Аониды, или Собрание разныхъ, новыхъ стихотворений. Книжка II. М., 1797. С. 176. Заметим, что еще до Карамзина буква E'' и e'' с двумя ударениями использовалась Янковичем де Мириево во втором издании «Сравнительного словаря всех языков и наречий» в русской транскрипции венгерских и французских слов (СПб., 1790–1791). См.: Ч. I. «Примечания» перед словником: «Буквы E'' и e'' , надъ которыми находятся два ударенія, произносить какъ Нѣмецкое \hat{o} , или Французское eu »; Ч. I. С. 280: «В e'' re'' шь *Красно* — По-венгерски»; Ч. II. С. 16: «Д e'' *Два* — По-Ново-Французски»; С. 87: « E'' *Поясь*. Она. Онъ — По-венгерски». В первом издании «Сравнительныхъ словарей всехъ языков и наречій» 1787–1789 гг. эта буква еще отсутствует.

³² Грот Я. К. Филологические разыскания. СПб., 1899. С. 603. Примечание I (со ссылкой на Архив Академии наук. Связка 76. Лит. G).

³³ Тредиаковский В. К. Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскимъ объ Орфографіи старинной і новой і о всемъ что принадлежтъ къ сей матеріи. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ, 1748.

³⁴ Там же. С. 369.

а русские имена *Алена, Семень* Сумароков предлагал писать через *ѳо*: *Альѳона, Семьѳонъ*³⁵. Как мы видим, в данном вопросе, в отличие от Сумарокова, Е. и Ф. Каржавины не предлагают никаких собственных написаний, следуя, однако, «самому простому выговору» и отвергая церковнославянское правописание и произношение ударного *е* как *э*, а не как *о*, в исконных словах после мягких согласных.

Нужно, однако, сказать, что модернизм Е. и Ф. Каржавиных в вопросах правописания не столь радикален, как модернизм раннего Тредиаковского или Ломоносова, сохранявшего в русской азбуке только 30 «общеупотребительных» букв и считавшего «лишними» буквы *і, ѳ, э, ѳѳ, ѳ, н*³⁶.

Не только модернизм, но и оригинальность Е. и Ф. Каржавиных (скорее всего, последнего) проявляются в замене церковнославянских названий букв новыми, упрощенными слоговыми названиями согласных букв на *-а* (не на *-э*, как в латинском алфавите): *Ба, Ва, Га, Да*, (а не *Бэ, Вэ, Гэ*) и т. д. (кроме названия *Жи (Gi)* для буквы *Ж*). С методической точки зрения эти названия следует признать более удачными при обучении чтению, чем церковнославянские словесные названия букв и даже их латинские названия, входившие уже в учебную практику в XVIII веке, несмотря на то, что последние оканчиваются на несвойственный исконно русским словам звук *э* без смягчения предшествующих ему взрывных согласных (*Бэ*, а не *Бе*, *Вэ*, а не *Ве*, и т. д.).

Как мы уже указывали, необходимо особо отметить в «Заметках» Е. Н. и Ф. В. Каржавиных элементы сравнительно-

³⁵ *Сумароков А. П.* Полное собраніе всѣхъ сочиненій, въ стихахъ и прозѣ. Ч. 10. М., 1781. С. 7.

³⁶ *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л. 1952. С. 401, 421–424. Ср.: [*Барсов А. А.* (по другим источникам — *Романов В. Ф.*)] Краткія правила російской грамматики, собранныя изъ разныхъ російскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ Гимназіяхъ Императорскаго Московскаго Университета. М., 1773. С. 2, где речь также идет о тридцати «общеупотребительных» буквах российской азбуки. Согласно В. С. Светову, не включившему в российскую азбуку буквы *э* (оборотное) и *ѳ* (ижицу), «новоросіскій языкъ долженъ иметь по необходимости тридцать три буквы обще употребительныя» (*Светов В. С.* Опытъ новаго російскаго правописанія. СПб., 1773. С. 3).

языкового подхода к описанию произношения русских букв. Помимо систематического сопоставления начертания и произношения русских букв с буквами греческого алфавита, Е. Н. и Ф. В. Каржавины сравнивают произношение русских букв с произношением отдельных букв в других языках (во французском, итальянском, испанском, английском, новогреческом) и даже во французских диалектах.

Например, произношение русской буквы *В* сопоставляется Е. Н. и Ф. В. Каржавиными не только с произношением буквы *В* «вита» в новогреческом и буквы *V* во французском, но и с произношением буквы *B* как *V* жителями Лангедока и Гаскони. Двойное произношение буквы *Г* в русском сравнивается не только с «твердым» произношением буквы *G* во французском, но и с произношением буквы *H* в испанских словах *hablo* (я говорю) и *hombre* (человек) — «с легким предыханием»³⁷. Произношение окончания —*ой* (*оуе*) в церковнославянском названии буквы *П* («Покой», *Росоуе*) сближается с произношением окончания —*оуе* в слове *Savoуе* жителями французской провинции Овернь или жителями Монпелье в слове *оуи* (*да*), произносимом ими в разговорном стиле как *оие* или как *оуе*³⁸. Произношение буквы *Щ* неожиданно сравнивается с «криком некоторых парижских извозчиков, которые, понукая лошадей, произносят кратко *schia* — *schia*»³⁹. Интерес к французским просторечно-диалектальным формам, нечасто встречающийся в это время даже во Франции, составляет бесспорное достоинство и оригинальность «Заметок о русском языке и алфавите». Этот интерес свойствен также и «Вожаку» Ф. В. Каржавина, в котором приводятся образцы парижского рыночного просторечия.

Произношение буквы *Ч* сопоставляется в «Заметках» с произношением итальянской буквы *С* в словах *Cicero*, *cioe* (*то есть*), испанской буквы *СН* в словах *salchichon* (*колбаса*), *leche* (*молоко*), *tuchacho* (*мальчик*), etc.; английского диграфа *СН* в словах *child*

³⁷ *Karjavine Ph.* Op. cit. P. 25. Для XVIII в. произношение испанских слов *hablo* и *hombre* «с легким предыханием» уже было архаичным. В первом издании «Словарей всех языков и наречий» испанское *hombre* правильно транскрибируется как *Омбре* (СПб., 1787. С. 42), хотя французское *homme* ошибочно передается с придыханием как *Гомме* (Там же. С. 43).

³⁸ *Karjavine Ph.* Op. cit. P. 47–49.

³⁹ *Ibid.* P. 71.

(дитя), *tisch* (много), *cheese* (сыр); диграфа TZ в новогреческих словах турецкого происхождения типа *metziti* (мечеть)⁴⁰.

Произношение русской буквы У сближается не только с произношением латинской буквы U в итальянском, испанском, немецком, шведском, польском языках и с произношением диграфа OU во французском (например, в названии города *Toulouse*), но и с произношением диграфа OU во французско-креольском слове *toulourou* (разновидность островного краба)⁴¹. Насколько нам известно, это первое, хотя и единичное, свидетельство знакомства с креольскими языками в России, объясняемое перипетиями жизненного пути Ф. В. Каржавина.

Буква X, отсутствующая во французском языке, сопоставляется Е. Н. и Ф. В. Каржавиными с греческой буквой X, с испанской буквой J (*хота*) в словах *оjo* (глаз), *ajo* (чеснок), *travajo* (работа) и т. д.; с испанской буквой X в словах *xarave* (сок), *soxo* (хромой), *сахa* (ящик); с немецким диграфом CH в словах *Ich* (я), *Streich* (удар), *acht* (восемь)⁴² и т. д.

Что касается Э обратного, то в «Заметках» указывается, что эта буква используется не только в словах иностранного происхождения (*эскадра*, *эпоха*, *экспедиция*, *эклога*, *экстракт*), но и в исконно русских словах (например, *это*, *эдак*)⁴³.

Правильно подмечая, что буква Я после согласного указывает на его смягчение, Е. Н. и Ф. В. Каржавины (скорее всего, последний, хорошо знавший испанский язык, который он практически освоил в своих многочисленных странствиях) находят параллели подобному произношению согласных в испанских словах *сажа* (тростник), *пижа* (ананас), *пижа* (девочка), *тажа* (ловкость) или после двойного ll в словах *llave* (ключ), *batalla* (битва), *llamada* (сигнал сбора, фр. *chamade*), *manilla* (браслет), *olla* (оля, горячее блюдо). Многочисленные сопоставления произношения русских и испанских букв особенно обращают на себя внимание в «Заметках о русском языке и его алфавите», которые, таким образом, наряду со «Сравнительными словарями всех языков и наречий» Палласа — Янковича де Мириево,

⁴⁰ Ibid. P. 67–69.

⁴¹ Ibid. P. 53–55.

⁴² Ibid. P. 61–63.

⁴³ Ibid. P. 87.

принадлежат к числу первых печатных опытов сопоставительного изучения испанского и русского языков⁴⁴.

Некоторые элементы сравнительно-сопоставительного анализа языков, в частности русского и французского, русского и английского, присутствуют также в следующем разделе «Заметок» — в «наблюдениях» над русской грамматикой. Так, в «Замечании I» указывается, что «Российский язык не ставит артиклей перед существительными, как французский и греческий, сходствуя в этом с языком латинским»⁴⁵. В «Замечании XVI» русское будущее сложное типа *буду двигать*, называемое «будущим условным» (*le Futur Conditionnel*), сопоставляется с французской глагольной перифразой *je me mettrai à mouvoir* (*я стану двигать*) и с английской формой будущего *I shall moove*, а будущее определенное (*le Futur défini*) типа *я двину* — с английской формой будущего, характерной для разговорного английского языка в Америке, *I will moove*⁴⁶.

Поскольку мы не имеем возможности сопоставить печатный вариант этого раздела с рукописью Е. Н. Каржавина 1755 года, нам трудно точно определить степень оригинальности грамматического раздела «Заметок» Каржавиных. Во всяком случае, в печатном варианте ощутимо влияние «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1755), что свидетельствует о последующей переработке этого раздела Ф. В. Каржавиным. Об этом свидетельствует также то, что «Заметки» отсылают французского читателя для более основательного ознакомления с русской грамматикой к «Основам русского языка» Шарпантье (1768) или к переводу на немецкий язык грамматики Ломоносова (1764)⁴⁷.

Как и в «Российской грамматике» Ломоносова, в «Заметках» Каржавиных имена существительные в русском языке имеют

⁴⁴ О Ф. В. Каржавине как знатоке испанского языка см. также: Алексеев М. П. Испанистика в свете истории испано-русских культурных связей // Вопросы испанской филологии. Л., 1974. С. 15–17. К сожалению, испанский материал «Заметок о русском языке и его алфавите» остался вне поля зрения М. П. Алексеева.

⁴⁵ *Karjavine Ph.* Op. cit. P. 108.

⁴⁶ *Ibid.* P. 115.

⁴⁷ *Ibid.* P. 124. О Шарпантье см. следующую статью: Власов С. В., Московкин Л. В. Из истории создания учебников русского языка как иностранного в России: «Основы русского языка» Шарпантье и Мариньяна (1768) // Мир русского слова. СПб., 2007. № 1–2. С. 72–80.

четыре рода (мужской, женский, средний и общий для слов вроде *ханжа, повѣса*). Из 10 времен русского глагола, выделяемых Ломоносовым, авторы «Заметок о русском языке и его алфавите» оставляют только 8, сохраняя 3 давнопрошедших времени Ломоносова, но не рассматривая в качестве самостоятельных времен прошедшее и будущее совершенные от «сложенных» глаголов типа *написал, напишу*. В результате схема глагольных времен в русском языке приобретает следующий вид: 1) настоящее: *я двигаю*; 2) 5 прошедших времен: прошедшее неопределенное (*le Prétérit parfait indéfini*) (как у Ломоносова): *я двигалъ*; прошедшее определенное (*le Prétérit parfait défini*) (у Ломоносова — «прошедшее однократное»): *я двинул*; давнопрошедшее (*le Plus-que-parfait*) (у Ломоносова — давнопрошедшее первое): *я двигивалъ*; давнопрошедшее определенное (*le Plus-que-parfait défini*) (у Ломоносова — давнопрошедшее второе): *я бывало двигалъ*; давнопрошедшее неопределенное (*le Plus-que-parfait indéfini*) (у Ломоносова — давнопрошедшее третье): *я бывало двигивалъ*; 3) 2 будущих времени: будущее условное (*le Futur conditionnel*) (у Ломоносова — будущее неопределенное): *буду двигать*; будущее определенное (*le Futur défini*) (у Ломоносова — будущее однократное): *я двину*⁴⁸.

Данная модификация ломоносовской схемы глагольных времен восходит, кроме новых модифицирующих определенных ряда времен, к схеме 8 времен русского глагола, предложенной в 1788 году П. И. Соколовым, который также не рассматривает в качестве самостоятельных времен прошедшее и будущее совершенные от «сложенных» глаголов типа *написал, напишу*: 1. Настоящее. *Я двигаю*. 2. Прошедшее неопределенное. *Я двигалъ*. 3. Прошедшее однократное. *Я двинулъ*. 4. Давнопрошедшее I. *Я двигивалъ*. 5. Давнопрошедшее II. *Я бывало двигалъ*. 6. Давнопрошедшее III. *Я бывало двигивалъ*. 7. Будущее неопределенное. *Я буду двигать*. 8. Будущее однократное. *Я двину*.⁴⁹ Модифицирующие определения глагольных

⁴⁸ Там же. С. 115. Ср.: Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 252 (§ 268).

⁴⁹ [Соколов П. И.] Начальныя основанія російской грамматики, въ пользу учащагося въ Гимназіи при Императорской Академіи Наукъ юношества составленныя. Въ Санктпетербургъ, при Императорской Академіи Наукъ 1788 года. Таблица V. Спряженіе I.

времен — прошедшее «определенное» и давнопрошедшее «определенное» и «неопределенное», будущее «условное» — являются собственной инновацией Ф. В. Каржавина. Он использует здесь, на наш взгляд, не всегда удачно, термины западных (в частности французских) грамматик, мало соотносимые с соответствующими русскими формами, за исключением, пожалуй, терминов «прошедшее определенное» (*le Prétérit parfait défini*) и «будущее определенное» (*le Futur défini*). Данные определения Ф. В. Каржавина, по всей видимости, изобрел для перевода ломоносовских терминов «прошедшее однократное» и «будущее однократное».

Заслуживает также внимания выделение авторами «Заметок» особой разновидности русских глаголов — *verbes persévératifs* («продолжительные», длительные глаголы, т. е. глаголы, которые выражают «не только действие, но и продолжение этого действия») типа *летаю* (*je suis à voler*), *машу* (*je suis à tirer*), *бьгаю* (*je suis à courir*)⁵⁰, наряду с не названными авторами, но по контексту предполагаемыми ими формами *лечу*, *тащу*, *бьгу*. «Длительные» глаголы в «Заметках» Е. Н. и Ф. В. Каржавиных соответствуют выделению «учащательных» глаголов в грамматике М. Смотрицкого⁵¹, совершенно забытых в грамматиках Ломоносова и его последователей в XVIII веке. Противопоставление однокоренных глаголов по длительности действия, отсутствующее во французском языке, на которое указывают «Заметки о русском языке», предвосхищает последующие размышления грамматистов о категориях глагольного вида и способов действия в русском языке.

Особый интерес представляет «Рассуждение с примечаниями о лучшем выражении некоторых российских букв», представленное Французской Академии историком Барбо де ла Брюер д'Эльваром в марте 1762 г. и исправленное Ф. Каржавиным в 1789 г. Барбо и Ф. Каржавин выступают за передачу на французском языке русской буквы *В* с помощью простой согласной буквы *V*, а не двойного *W*, как в немецком языке. Так, следует писать по-французски *Romanove*, а не *Romanow*, *Romanou*

⁵⁰ *Karjavine Ph.* Op. cit. P. 114.

⁵¹ [Смотрицкий М.] Грамматика Славенскія правильное Сѣнтагма. М., 1648 (1-е изд. — Евю, 1619). Л. 183.

или *Romanof*; *Vorontsove*, а не *Woronsow*; *Tchernichéve*, а не *Czernichew*⁵². *E muet* (е немое) на конце транскрибируемых по-французски русских слов должно передавать, по мысли Барбо и Ф. Каржавина, русские немые буквы *еръ* (ъ) и *ерь* (ь), т. е. твердый и мягкий знаки. Справедливой критике в «Замечаниях» Барбо — Ф. Каржавина подвергается Вольтер, искажавший, подчас до неузнаваемости, фонетический облик русских имен собственных в своей «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759–1763). Критика искаженной передачи русских имен собственных в сочинениях Вольтера содержится также в «Примечаниях словопроизводных», приложенных Ф. Каржавиным к осуществленному им переводу «Краткого известия о достопамятных приключениях капитана д’Сивилия» (1791). Ф. Каржавин отмечает у Вольтера целый ряд ошибочных написаний русских имен: *Sowostoslaw*, *Sheremeto*, *Streshneu*, *Morosou*, *Choyanskoi*, *Galitzin*, *Choksim* и т. д. вместо правильных, по его мнению, написаний *Svyatoslave*, *Chérémétéve*, *Stréchenéve*, *Morosove*, *Hhovanskoy*, *Gallitzine* и *Hhotine*, сетуя о том, что «въ оныхъ ошибкахъ будутъ долго Вольтеру подражать къ безобразію и ко искаженію нашего языка»⁵³.

В тех же «Примечаниях словопроизводных» Ф. Каржавин четко формулирует принципы фонетической передачи иностранных слов в соответствии с особенностями орфографии того или иного языка:

«На прим. *Черневъ*, *Чернявски*[ÿ], *Чичеринъ*, *Козловъ* не должно писать *Czernew*, *Czernawsky*, *Cziczerin*, *Kosloff*; но чистое Франсеское [sic! — С. В., Л. М.] правописание требуетъ, чтобъ писано было *Tchérnéve*, *Tchérnayvski* или *Tchérnayvski*, *Tchitchérine*, *Cozlove*. <...> для Италиана [sic! — С. В., Л. М.] написалъ бы *Cicerin*; для Англича *Tscheetshareen*; для Испанца поставилъ бы *Xerascob* [Херасковъ. — С. В., Л. М.], и такъ далье, применяясь всегда выговору того народа, на чьемъ языкъ я бы сталъ писать Россійскія прозванія»⁵⁴.

⁵² *Karjavine Ph.* Op. cit. P. 136, 145, 146.

⁵³ *Каржавин Ф. В.* Примѣчанія словопроизводныя // Краткое извѣстіе о достопамятныхъ приключеніяхъ капитана д’Сивилия, трижды умершаго; и проч. ... Переводъ Ѳ...а К.....а, съ примѣчанми о неправильномъ выговорѣ и писаніи многихъ иностранныхъ словъ. М., В. Огороков, 1791. С. 29.

⁵⁴ Там же. С. 31.

Ф. Каржавин стремится также приблизить к современным иностранным формам принятые в русском языке названия народов, стран и городов: *Франсесъ* — француз, *Франсія* — Франция, *Пари* — Парижъ; *Италианъ* — итальянец, *Ромъ* — Рим; *Энглишъ* — англичанинъ, *Энгландъ* — Англия, *Спаня* или *Эспаня* — Испания, *Эспаньоль* — испанец⁵⁵ и т. д. Ф. Каржавин надеялся (увы, напрасно!), что его разумные нововведения найдут сторонников в России, как они нашли сторонников во Франции, где сначала

«всь Парискіе ученые люди восстали на меня какъ на челоувъ-ка сдѣлавшаго расколъ въ словесныхъ знаніяхъ, тѣмъ, что я назвалъ Москву *Mosca* и Псковъ *Pscove*, а не *Моску*, *Москою*, *Московъ*, *Плесковъ*, *Плескою*, какъ они прежде писали *Moskow* и *Pleskow*: иной смѣялся, иной бранилъ, по томъ всь замолчали; а нынѣ и сами начинаютъ слѣдовать моему образу писанія; ученые уже не пишутъ *Czar* а *Tzar*; не говорятъ *Kiow*, *Kiy*, *Kioy*, *Kioффъ*, но *Kiéve*, какъ и у насъ пишется *Kievъ*»⁵⁶.

Во многом утопическое желание Ф. Каржавина исправить языковое употребление (узус) в тех случаях, когда оно расходится с разумом и является скорее «злоупотреблением», вполне соответствует общим установкам идеологов Просвещения, отстаивавших права разума в борьбе со всякого рода предрассудками, и восходит к античному языковому спору между аномалистами (Кратет Маллосский, Цицерон, Гораций, Квинтилиан, Секст Эмпирик) и аналогистами (Аристофан Византийский, Аристарх Самофракийский, Варрон)⁵⁷. В этом споре победу над разумом и аналогией чаще всего одерживал узус сего традиционными, освященными временем аномалиями. Не случайно, что в переводе другого сочинения с французского, а не с «франсеского», языка — в «Кораблекрушении на Индийском море <...>» (СПб., 1790)⁵⁸ — Ф. Каржавин использует общепринятые названия народов

⁵⁵ Там же. С. 20–25.

⁵⁶ Там же. С. 29.

⁵⁷ См., например: История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980. С. 211–214, 234–245.

⁵⁸ Кораблекрушеніе на Индійскомъ морнѣ и возвращеніе изъ Индіи въ Европу <...>. Переводъ съ Французскаго языка. СПб., И. К. Шнор, 1790.

Франции и Англии — французы (а не «Франсесы») и англичане (а не «Энглиши»).

Просветительские установки Ф. Каржавина ярко проявились в его «Заметке об ударениях», в которой он выступил против А. Сумарокова, защищая необходимость постановки ударений для различения смысла слов: *мука* и *му́ка*, *го́лоса* и *голоса́*, *потомъ* и *пóтомъ* и т. д. В то время как А. Сумароков полагал, что «природной Россіянинъ безъ надписанія силы произносить можетъ надлежащимъ образомъ; а иностранцамъ делать в томъ облегченіе не нужно», Ф. Каржавин считал, что,

«поскольку ученые всех стран образуют единую семью, то не может быть иностранцев в Республике Ученых (dans la République des Lettres)», «все должны способствовать общему благу, облегчая друг другу понимание своих языков, чтобы лучше сообщать друг другу свои идеи для счастья человека, который столько веков стонет под гнетом фанатизма, унижающего человечество и оскорбляющего Творца»⁵⁹.

Рассмотрение «Заметок о русском языке» с методической точки зрения показывает, что данный труд является учебным пособием, хотя и пособием весьма необычным. В нем, как и во многих учебных книгах XVIII века, четко различаются две части — теоретическая и практическая, и первая предшествует второй. Однако и теоретическая, и практическая части отличаются по содержанию от аналогичных частей учебников иностранного языка того времени.

Теоретическая часть с современных позиций могла бы трактоваться как материал теоретического спецкурса по фонетике, графике и орфографии русского языка. Могли ли «Заметки о русском языке» быть материалом к теоретическому спецкурсу? Вряд ли. Ведь в те годы не существовало такой, как сейчас, системной подготовки филологов-русистов. Правильнее считать теоретическую часть этого пособия справочником по фонетике, графике и орфографии, который не предназначался для

⁵⁹ *Karjavine Ph.* Op. cit. P. 154. Ср.: Сумароков А. П. К типографским наборщикам // Сумароков А. П. Полное собрание всѣхъ сочиненій, въ стихахъ и прозѣ. Ч. 6. М., 1781. С. 326.

последовательного изучения языкового материала в аудитории, а предполагал, что к нему будут обращаться лишь тогда, когда в этом возникнет необходимость.

Однако если читатель захочет углубленного изучения материала, то ему поможет практическая часть пособия, в которой содержится много полезной информации, но самое главное — в ней мы находим материал для упражнений. Во-первых, это «*Моносиллабарий*» — упражнения для обучения чтению вслух русских слогов, а во-вторых, «*Exemples de lecture russe*» — материал для обучения чтению текстов. Интересно, что в этот раздел включены не художественные тексты, как это было типичным для учебников того времени, а тексты, отражающие социально-политические реалии России конца XVIII века, в частности, связанные с деятельностью Екатерины II, и тексты религиозно-нравственной тематики, например, молитва «*Отче наш*» и нравоучительные фразы, такие как «*Нужнье врачевать душу нежели тьло: и лучше умереть нежели худо жить*».

О методике работы с такими текстами следует сказать особо. И. В. Рахманов, рассматривая основные концепции обучения иностранным языкам в XIX–XX веках, описывает концепцию, которую он назвал «текстуально-переводным методом»⁶⁰. В основе обучения по этому методу лежит чтение и анализ постоянно усложняющихся текстов. При этом сам текст в уроке учебника представлен несколько необычно — каждая его строчка дана в трех вариантах: 1) строчка в орфографии изучаемого языка, 2) ниже — эта же строчка, переданная буквами родного языка (транскрипция), 3) дословный перевод этой строчки на родной язык. Это дает читающему возможность одновременно знакомиться с произношением и семантикой слов, составляющих данный текст. И. В. Рахманов связывает возникновение текстуально-переводного метода с деятельностью Ш. Туссена и Г. Лангеншейдта (середина XIX века), но оказывается, что элементы этого метода мы обнаруживаем уже в «Заметках о русском языке» Е. Н. и Ф. В. Каржавиных (конец XVIII века): именно так построен включенный в это пособие учебный текст «Родство русского двора со всеми дворами Европы» (с. 178–184).

⁶⁰ Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX–XX вв. / Под ред. И. В. Рахманова. М., 1972.

Интересно, что текстуально-переводной метод создавался для работы в аудитории и представлял собой некоторую альтернативу распространенному в то время грамматико-переводному методу. Однако и в XIX веке, и в XX он оказался востребован как концепция самостоятельного изучения иностранных языков. Анализ же практической части учебного пособия Е. Н. и Ф. В. Каржавиных явно показывает, что перед нами самоучитель русской фонетики, графики и орфографии. Иными словами, идея использовать этот метод для самообучения разрабатывалась в российской методике уже в XVIII веке.

Таким образом, «Заметки о русском языке и его алфавите» Е. Н. и Ф. В. Каржавиных представляют собой оригинальное учебное пособие по русской фонетике, графике и орфографии, включающее в себя справочник и упражнения для самостоятельной работы. Это, возможно, первое пособие такого рода в русской лингводидактической литературе. Лежащие в его основе идеи в дальнейшем были востребованы создателями текстуально-переводного метода.

*Анна Юрьевна Тираспольская
Санкт-Петербургский
государственный
университет*

К проблеме незавершённости повести Н. М. Карамзина «Лиодор»: вопросы повествования

Повесть «Лиодор» без преувеличения можно назвать, пожалуй, самым загадочным, в первую очередь — с точки зрения замысла, прозаическим сюжетным произведением Н. М. Карамзина. Для данного утверждения существует немало оснований. Однако для того чтобы рассмотреть все грани необычности «Лиодора» в контексте карамзинского творчества, потребовалось бы крупномасштабное исследование, явно выходящее за пределы, определяемые жанром статьи. По этой причине в нашей работе предлагается ограничиться изучением в основном тех особенностей повести, которые имеют непосредственное отношение к принципам организации повествования.

Прежде чем перейти к рассмотрению текста повести, необходимо напомнить некоторые факты из биографии Карамзина — автора и издателя, описать обстоятельства, при которых увидел свет «Лиодор», а также обратить внимание на уникальность судьбы данного произведения.

Начальная (и, как показало будущее, — единственная!) часть повести «Лиодор» была опубликована её автором в 1792 году в Книжке Третьей (за месяц март) Части Пятой «Московского журнала» за подписью «-нъ» с обещанным издателем «Продолжением впредь»¹. На момент появления в печати «Лиодора» «любезные читатели» не были ещё знакомы с «Бедной Лизой» (она увидит свет уже очень скоро: в Книжке

¹ См.: Лиодор // Московский журнал. 1792. Ч. V. Кн. 3. Март. С. 305–334. Далее текст повести цитируется по данному изданию, орфография и пунктуация произведения приведены в соответствие с ныне действующими правилами. При цитировании номер страницы будет указываться в основном тексте в скобках.

Третьей (за месяц июнь) Части Шестой «Московского журнала» того же 1792 года) — повестью, после выхода которой Карамзин в буквальном смысле слова проснётся знаменитым — навечно². Кроме этого, в ближайшем будущем — до конца всё того же 1792 года — читающей публике предстояли встречи с такими удивительными произведениями, как живая, остроумная, наделённая всеми достоинствами зрелой карамзинской прозы повесть-сказка «Прекрасная Царевна и счастливый карла» (Московский журнал. 1792. Ч. VII. Кн. 2. Август) и повесть «Наталья, боярская дочь» (Московский журнал. 1792. Ч. VIII. Октябрь — ноябрь; Декабрь), также ставшая для писателя, подобно «Бедной Лизе», пропуском в творческое бессмертие.

Если же мы, двигаясь от конца к началу и постепенно погружаясь в прошлое, оглянемся на то, что Карамзин успел создать в области *малой художественной прозы* до «Лиодора», перед нами предстанет следующая картина.

1. Непосредственно предшествовал «Лиодору» характеризующийся «субъективной» манерой повествования и редуцированным сюжетом *прозаический любовно-лирический этюд* «Ночь»³ (Московский журнал. 1792. Ч. V. Кн. 2. Февраль), который представлял собой *лирический монолог* героя-повествователя, сперва — с нетерпением ожидающего минуты любовного свидания, затем — со всей пылкостью влюблённого предающегося восторгам страсти со своей возлюбленной и, наконец, в финале — воспевающего «Любовь всемогущую».

2. Если продолжить движение вспять, то в качестве предыдущего «пункта» писательской биографии Карамзина, в соответствии с задачами исследования, следует выделить «Райскую птичку» (Московский журнал. 1791. Ч. III. Кн. 2. Август) — *миниатюрную притчеобразную сказку*, соотносимую, хотя бы

² Ср.: «<...> именно “Бедная Лиза”, более чем что-либо иное из сделанного Карамзиным в художественной литературе, слилась с именем автора, стала как бы его личным знаком: он создал её, и она навеки сделала ему имя <...>» (Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. М., 1995. С. 6).

³ Ср.: Ю. М. Лотман, например, считал «Ночь» Карамзина и вовсе «бессюжетным лирическим монологом» (См.: Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 329–330).

только по своему объёму, с рассказом, а никак не с повестью, и являющуюся, по утверждению самого автора⁴ и мнению исследователей⁵, неким «вольным переложением» древнерусской повести.

3. Месяцем раньше «Райской птички» на страницах журнала появился «Фрол Силин, благодетельный человек» (Московский журнал. 1791. Ч. III. Кн. 1. Июль) — произведение, размытый жанр которого можно весьма условно обозначить как *художественно обработанный очерк панегирического характера*⁶, представляющее собой эмоциональный рассказ о благодеяниях реально существовавшего «симбирского мужика». Важно подчеркнуть, что сам Карамзин воспринимал это своё творение, по всей видимости, исключительно как «анекдот» — сюжет, взятый напрямую из действительности, а ни в коей мере не как художественный текст⁷, и, вероятно, именно по этой причине «Фрол...» отсутствует во всех трёх прижизненных изданиях сочинений писателя.

4. Продолжая погружение в прошлое, минуя период путешествия Карамзина по Европе (май 1789 — сентябрь 1790), мы переходим к этапу сотрудничества писателя в «Детском чтении для сердца и разума» (1787–1789). Именно в данном журнале увидела свет повесть «Евгений и Юлия» (Детское чтение для сердца и разума. М., 1789. Ч. XVIII. № 25), ставшая для её автора

⁴ См. подстрочное примечание Карамзина: «Мысль сей пиесы взята из Русской народной сказки <...> Я нахожу в сей выдумке нечто пиитическое» (Райская птичка // Московский журнал. 1791. Ч. III. Кн. 2. Август. С. 201).

⁵ См., например: *Крестова Л. В.* Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа Посадница» (Из истории раннего русского романтизма) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 193–226.

⁶ Ср. с точкой зрения В. П. Степанова: «Вольно интерпретируя жизненный материал, Карамзин создаёт не столько художественное, сколько публицистическое произведение» (*Степанов В. П.* Повесть Карамзина «Фрол Силин» // XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. Л., 1969. С. 244).

⁷ Лучшим доказательством этому, как мне кажется, может служить следующее высказывание самого писателя: «Забавно ещё то, что Коафье <...> описание добрых дел Фрола Силина выдаёт также за повесть <...> Добрый Фрол <...> ещё жив: не удивится ли он, что имя и дела его стали известны в Париже и в Германии» (Вестник Европы. 1802. Ч. VII. №3. С. 231).

первым опытом создания самостоятельного художественного прозаического сюжетного произведения.

5. В предыдущем номере журнала была опубликована «Прогулка» (Детское чтение для сердца и разума. М., 1789. Ч. XVIII. № 24), которую можно охарактеризовать как *лирико-философский этюд в прозе*, посвящённый любованию героя-повествователя весенней природой и в большей степени — его размышлениям о Натуре, мироздании, Творце, о Вселенной и месте человека в ней и т. п.

Из перечисленного выше следует, что «Лиодор» стал для Карамзина всего лишь второй попыткой написания сюжетной повести, хронологически располагающейся после «Евгения и Юлии» и непосредственно перед «Бедной Лизой». Между первой оригинальной повестью и вторым, неоконченным, опытом пролегают не просто три календарных года: очевидно, что где-то между этими двумя произведениями проходит граница, решительно отделяющая творчество молодого писателя, ещё только ищущего себя в художественной прозе, от творений подлинного мастера. Вне всякого сомнения, уже в «Евгении и Юлии» обнаруживаются многие черты, присущие зрелой повествовательной прозе автора. Так, например, Ф. З. Канунова ещё в 1960-е годы справедливо указывала на «изящный и лёгкий, без тяжёлых синтаксических конструкций и церковнославянизмов» язык произведения, а также отмечала, что «в стиле повести появляются уже очень характерные для прозы Карамзина анафоры, усиливающие эмоциональное напряжение речи <...>»⁸. Вместе с тем даже столь выдающимся для начинающего писателя успехам в области новаторства языка и стиля ещё далеко до той поистине «гармонической точности», которой Карамзин достигнет в данной сфере всего несколькими годами позже в «Бедной Лизе» и — в «Лиодоре». Несомненными признаками новаторства «Евгения и Юлии» следует признать и принципиальную несводимость идейного содержания повести к каким-либо изначально заданным отвлечённым сентенциям, а также многозначность этого содержания, которая рождается

⁸ Канунова Ф. З. Из истории русской повести (Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). Томск, 1967. С. 42.

в первую очередь благодаря столкновению и взаимодействию в произведении разнонаправленных смыслов, идей и тем⁹. К безусловно новаторским принципам текстопорождения необходимо отнести пересечение и сцепление в первой оригинальной повести Карамзина многочисленных имплицитных смыслов, что приводит к возникновению сложных парадигматических связей, пронизывающих весь текст¹⁰. В то же время сюжет «Евгения и Юлии» ещё до такой степени прост и «одно-сложен», что В. В. Сиповский не без оснований окрестил этот опыт молодого писателя «повестушкой»¹¹, а Ф. З. Канунова утверждала, что «в основе повести нет сколько-нибудь острого, даже морального конфликта <...>»¹².

И всё же с позиций проводимого в данной статье исследования наиболее существенным отличием «Евгения и Юлии» от прочих сюжетных повестей Карамзина, на мой взгляд, является *отсутствие* в «повестушке» того самого принципа, который стал основополагающим для всех последующих повестей писателя (в первую очередь — с недиегетической, во вторую — с диегетической формами повествования¹³), начиная именно с «Лиодора»: *принципа последовательной эксплицитной ориентации на читателя (реципиента)*.

В самом деле, в первой самостоятельной повести обнаруживается всего три фрагмента, в которых, подчеркну, забегая вперёд, лишь весьма условно могут быть выявлены некоторые слабые зачатки впоследствии развитого и доведённого

⁹ Подробнее об этом см.: Тираспольская А. Ю. «Евгений и Юлия» Н. М. Карамзина: Функции катарсиса и особенности смыслопорождения // Материалы XXXV Международной филологической конференции. История русской литературы. Сб. памяти профессора А. Б. Муратова. 13–18 марта 2006 г. СПб., 2006. С. 65–78.

¹⁰ См.: Тираспольская А. Ю. Повесть Н. М. Карамзина «Евгений и Юлия»: к проблеме трагического смысла // Литературная культура России XVIII века. Вып. 2. Санкт-Петербургский гос. ун-т. Факультет филологии и искусств, 2008. С. 120–128.

¹¹ См.: Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1910. С. 604–605.

¹² Канунова Ф. З. Указ. соч. С. 42.

¹³ О терминах «диегетический — недиегетический нарратор» и диегетическом — недиегетическом повествовании см.: Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 80–88.

Карамзиным до совершенства принципа эксплицированной ориентации на определённую аудиторию — на читателей текста или же слушателей излагаемой повествователем истории.

Начать разговор стоит с эпизода повести, в котором, сообщая, что Юлия не могла «без сердечного размягчения» исполнять песню Клопштока на музыку Глюка, нарратор в порыве чувств восклицает:

«Кроткие, нежные души! вы одни знаете цену сих Виртуозов, и вам единственно посвящены их бессмертные сочинения! Одна слеза ваша есть для них величайшая награда»¹⁴.

Представляется, что, при всей силе общего эмоционального воздействия фрагмента на потенциального реципиента, слова повествователя, во-первых, обращены к некоей *абстрактной аудитории* (ко всем чувствительным почитателям «истинно прекрасной» поэзии и музыки), очевидно, могущей частично или даже вовсе не совпадать с кругом читателей данной конкретной повести. Во всяком случае, нарратор «Евгения и Юлии» никак не обозначает связь вышеназванных ценителей поэзии и музыки с категорией собственных читателей, а это означает, что в его лирическом отступлении *отсутствует момент эксплицитного определения круга предполагаемых реципиентов*. Для того чтобы нагляднее продемонстрировать это «досадное упущение» повествователя (а на самом деле — его неопытного создателя), сравним данный фрагмент с одним лирическим отступлением более «зрелого» карамзинского нарратора из «Натальи, боярской дочери», в котором последний как бы между делом заявляет, что повествование его адресуется, ни много ни мало — всем истинно «чувствительным» людям, верящим, в том числе, и в любовь с первого взгляда, о которой он рассказывает:

«А кто не верит симпатии, тот <...> не читай нашей истории, которая сообщается только для одних чувствительных душ, имеющих сию сладкую веру!»¹⁵

¹⁴ Евгений и Юлия (Русская истинная повесть) // Детское чтение для сердца и разума. М., 1789. Ч. XVIII. № 25. С. 183–184.

¹⁵ Наталья, боярская дочь // Московский журнал. 1792. Ч. VIII. Октябрь–ноябрь. С. 44.

Во-вторых, вследствие того что рассматриваемое обращение повествователя «Евгения и Юлии» является формальным, риторическим, оно не требует от абстрактного адресата никаких ответных реакций (действий), а значит, не содержит в себе и двух других столь важных для прозы Карамзина функций: «привлечения внимания» потенциальной аудитории и «вовлечения» читателя в процесс повествования. Сравним данное лирическое отступление, например, с не менее эмоциональным вступлением к повести-сказке «Прекрасная Царевна и счастливый карла», в котором повествователь с первых же слов начинает буквально завлекать в ряды своих слушателей весьма обширный круг лиц, — как минимум, всех мужчин с непривлекательной внешностью, — активно устанавливая при этом с ними контакт:

«О вы, некрасивые сыны человечества, безобразные произведения *пластической* [курсив Карамзина. — А. Т.] Натуры! <...> вы, которые жалуетесь на природу и говорите, что она не дала вам способов нравиться и заградила для вас <...> источник любви! не отчайвайтесь, друзья мои, и верьте, что вы ещё можете быть любезными и любимыми <...> Выслушайте следующую повесть»¹⁶.

Несколько сложнее, на первый взгляд, обстоит дело с двумя другими фрагментами «Евгения и Юлии». Речь пойдёт о предваряющем произведение и поразительно похожем на обращение проповедника эпиграфе на французском языке следующего содержания:

Удержите и прекратите ваши жалобные вопли,
Слабое утешение в беде всех несчастных!
Покоримся богу, который хочет нас испытать,
Который единым словом может нас погубить
или спасти!¹⁷ —

¹⁶ Прекрасная Царевна и счастливый карла (Старинная сказка, или Новая карикатура) // Московский журнал. 1792. Ч. VII. Кн. 2. Август. С. 209–210.

¹⁷ Перевод эпиграфа с франц. яз. взят из кн.: Карамзин Н. М. Евгений и Юлия (Русская истинная повесть) // Русская сентиментальная повесть. М., 1979. С. 89.

и о предваряющем «трагическую» часть истории отступлении внутри самого текста, в котором недиегетический повествователь также обращается к своего рода «проповеди»:

«Но судьбы Всемогущего суть для нас непостижимая тайна. Пребывая искони верен законам своей премудрости и благости, Он творит — мы изумляемся и благоговеем — в вере и молчании благоговеть должны»¹⁸.

Форма проповеди — один из наиболее мощных, энергичных способов эмоционального воздействия на реципиента и побуждения слушателя (читателя) к действию. Именно её фрагментарно применяет, причём весьма успешно, молодой Карамзин, используя соответствующий эпиграф и далее «превращая» на какое-то время влюблённого в красоту жизни мягкого, чувствительного нарратора «Евгения и Юлии» в непоколебимо твёрдого в своей вере, неумолимо строгого и беспристрастного проповедника¹⁹. Вместе с тем выясняется, что этот избранный начинающим писателем удачный приём *не имеет непосредственного отношения к области повествовательных стратегий, связанных с ориентацией на читателя*. Разумеется, эпиграф «Евгения и Юлии» — «внешняя» по отношению к повествованию цитата из чужого произведения, принадлежащая по природе своей сфере *абстрактного автора*, а отнюдь не нарратора²⁰, — вступает в определённые, причём достаточно непростые и неоднозначные отношения с «основным» текстом повести²¹. Однако нельзя забывать, что само использование эпиграфа никак не может быть напрямую отнесено к принципам организации нарратива! Если же обратиться к «проповеди» внутри произведения, — принадлежащей перу Карамзина и при этом «звучащей» из уст карамзинского повествователя, — её очевидными достоинствами в отношении

¹⁸ Евгений и Юлия (Русская истинная повесть). С. 187.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Тираспольская А. Ю. «Евгений и Юлия» Н. М. Карамзина: Функции катарсиса... С. 65–78.

²⁰ О принципиальном разграничении двух данных категорий см.: Шмид В. Указ. соч. С. 53–57.

²¹ См.: Тираспольская А. Ю. «Евгений и Юлия» Н. М. Карамзина: Функции катарсиса... С. 65–78.

эксплицитной ориентации на реципиента следует признать, во-первых, заключённый в ней высокий потенциал эмоционального воздействия на предполагаемую аудиторию и, во-вторых, явно выраженную общечеловеческую направленность, ибо высказывание нарратора может быть адресовано, пожалуй, не только всем христианам, но и людям, истинно верящим в «Бога Единого» в рамках иных вероисповеданий. И всё же, несмотря на это, в данной «проповеди» опять отсутствует эксплицитная ориентация на собственно категорию фиктивных читателей повести. Как и в случае с рассмотренным выше обращением к «кротким, нежным душам», подразумеваемый реципиент, при всей его массовости, слишком уж обобщён и абстрактен, чтобы нарратор мог «требовать» от него какой-либо конкретной реакции в ответ на свои слова, а следовательно — *возможность установить «прямой контакт» с адресатом и тем самым «вовлечь» его в повествование снова упущена.*

Три года спустя после публикации «Евгения и Юлии» Карамзин попытается построить повествование своей второй повести «Лиодор», отчасти — руководствуясь новыми принципами, отчасти — совершенствуя и модернизируя некоторые ранее использованные им приёмы.

На этот раз на суд читателей предлагаются пронизанные ностальгией воспоминания диегетического повествователя о времени и обстоятельствах рождения его дружбы с Лиодором, именем которого и названо произведение. Во вступлении, которое становится не только гимном «священному союзу дружества», но и своеобразным «реквиемом» двум другим, ближайшим и более давним друзьям — «нежному Агатону» и «Изидору чувствительному», нарратор попутно указывает на *письменную форму* своего рассказа:

«...в сию минуту катятся слёзы мои *на бумагу* [курсив мой. — А. Т.] <...>» (306).

В «Лиодоре» у Карамзина впервые последовательно эксплицируется ориентация на весьма конкретного, можно даже сказать — «осязаемого» адресата повествования, именуемого «Аглаей». Эта «читательница» Аглая не просто некий постулируемый антропоморфный реципиент. Из вступления мы узнаём,

что она хотя и не принадлежит первичному диегесису²², тем не менее тесно связана с его героями, ибо оказывается, во-первых, ближайшим чувствительным другом повествователя, Изидора и Агатона, а во-вторых — *инициатором воспоминаний и самого повествования нарратора*:

«Прости мне, милая Аглая! <...> но *ты сама велела мне говорить о друзьях наших* [курсив мой. — А. Т.] <...>» (307).

Примерно половину объёма известной нам части неоконченной повести занимает вторичное повествование, в котором функции диегетического нарратора переходят к Лиодору и герой открывает друзьям душу («<...> друзья мои! я ввожу вас в святилище моего сердца!» (319)) и историю своей жизни в «исповеди»²³, обрывающейся на рассказе о первой встрече молодого человека с его возлюбленной.

Вышесказанное о «Лиодоре» позволяет заключить, что произведение обладает непростой, усложнённой повествовательной структурой, ибо в нём в рамки первичного эксплицитно ориентированного на читателя повествования заключено повествование вторичное. В повести имеются, соответственно, два нарратора (первичный и вторичный) и два сюжета — сюжет, излагаемый безымянным диегетическим первичным повествователем, и история-«исповедь», звучащая из уст вторичного и тоже диегетического повествователя Лиодора, — причём в обоих случаях присутствуют сюжетные движение и развитие. Необходимо, кстати, подчеркнуть, что во вторичном повествовании также явным образом демонстрируется направленность на весьма конкретно обозначенных (но, разумеется, фиктивных) слушателей — героя-повествователя, Агатона и Изидора,

²² То есть миру, о котором повествует первичный нарратор произведения.

²³ Напомним, что Карамзин проявлял интерес к «исповедальному» повествованию уже в период издания «Московского журнала». Об этом см., в частности: *Кочеткова Н. Д.* «Исповедь» в русской литературе конца XVIII в. // На путях к романтизму: Сб. научных трудов. Л., 1984. С. 93–94; *Кочеткова Н. Д.* Роль «исповеди» в раскрытии внутреннего мира «чувствительного» героя // *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 247–249.

к чувствам, эмоциям и жизненному опыту которых так часто апеллирует по ходу своего рассказа Лиодор, в одном случае даже требуя от своих адресатов живой ответной реплики и, как становится известно из ремарки первичного нарратора, мгновенно получая её:

«Вы сами путешествовали, друзья мои, и видели много земель и много наций: скажите, какой народ умеет так обласкать, так одолжить иностранца, как французы? — (Мы согласились с Лиодором, и он продолжал свою повесть.) [курсив везде мой. — А. Т.]» (325–326).

Вообще следует отметить, что всё повествование вторичного нарратора Лиодора выдержано в соответствии с крайне важной, свойственной зрелой нарративной прозе Карамзина стратегией: оно от начала и до конца *эксплицитно ориентировано на живое восприятие предполагаемого адресата* и, что представляется главным, *на постоянное поддержание непосредственного контакта, а местами — даже диалогического взаимодействия между повествователем и его слушателями*²⁴. Свою «исповедь» молодой человек начинает вступительной фразой, призванной привлечь внимание друзей и подготовить их к восприятию его рассказа:

«Здесь выслушайте мою историю, которая до теперешней минуты была вам только отчасти известна» (320).

Вторичный нарратор «Лиодора» не оставляет надолго слушателей наедине с излагаемым им сюжетом, регулярно «напоминая» своим друзьям о неких связывающих их воедино двусторонних отношениях, которые нам следует назвать отношениями между реципиентами акта повествования и «повествующей инстанцией». Такие «напоминания» могут приобретать, например, форму лирического отступления, в котором повествователь даёт совет адресатам своего рассказа:

²⁴ Ср. способы и цели применения данного принципа в прозе Карамзина 1792–1794 годов с недиегетическим типом повествования: Тираспольская А. Ю. О принципе игры с читателем в повестях Н. М. Карамзина 1790-х годов // Литературная культура России XVIII века. Вып. 3 / Под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, А. Ю. Тираспольской. Санкт-Петербург. гос. ун-т. Факультет филологии и искусств, 2009. С. 266–286.

«Если вы, друзья мои, будете когда-нибудь отцами и захотите, чтобы дети любили вас нежно, <...> то воспитывайте их при себе и не расставайтесь с ними надолго!» (321–322).

В других случаях нарратор ограничивается эксплицитным обращением к аудитории, тем самым создавая атмосферу сопричастности слушателей собственному акту повествования:

«Там-то, друзья мои, там-то почувствовал я, что у меня была мать и что я лишился её!» (324);

«Тут, любезные друзья мои, узнал я всё счастье, к которому Натура сотворила меня способным <...>» (327);

«Никогда ещё, любезные друзья мои, никогда не чувствовал я от пения такого удовольствия, какое тогда почувствовал <...>» (331).

В остальных ситуациях повествователь, почти что не используя форм прямого обращения к адресатам, находит другой, не менее действенный способ установления «живого контакта» со своими слушателями, а именно — активно апеллирует к их воображению, интуиции или жизненному опыту (в том числе и чувственно-эмоциональному):

«Вы знаете этот город <...>; знаете славную его пристань <...>; знаете прекрасные его окрестности <...>» (327);

«Вы сами догадаетесь, что я не усомнился войти в сад <...>» (332);

«Вы видели её [Турчанки — возлюбленной Лиодора. — А. Т.] изображение, друзья мои; но оно не представляет ни тысячной доли её прелестей. Если бы вы тогда на неё взглянули <...> Если бы вы, по крайней мере, взглянули на зыблющийся образ её в кристальной воде бассейна <...> Без того вам трудно иметь понятие о чувствах, с какими я рассматривал незнакомую красавицу <...>» (332–333).

Как же могло случиться, что повесть «Лиодор», наглядно демонстрирующая гораздо большую в сравнении с «Евгением и Юлией» опытность автора в вопросе построения сюжета, а по наличию в ней новых, истинно «карамзинских» нарративных стратегий и вовсе, кажется, достойная встать в один ряд

с «Бедной Лизой», «Прекрасной Царевной и счастливым карлой», «Натальей, боярской дочерью» и многими другими «зрелыми» произведениями писателя, навсегда осталась незавершённой?

Говоря о второй повести Карамзина, необходимо указать на *подлинную незаконченность*, даже правильнее было бы сказать — «*натуральную*» её *прерванность*. Для того чтобы убедиться в абсолютно естественном обрыве повествуемой истории, достаточно сравнить сюжет «Лиодора», — ещё не «выкристаллизовавшийся» до конца и по этой причине породивший самые разнообразные гипотезы исследователей относительно его продолжения²⁵, — с *мнимой*, «*игровой*» *незавершённой повествования* более поздней повести писателя «Остров Борнгольм», в конце которой нарратор якобы «откладывает на следующий раз» некий волнующий воображение читателя, но на самом деле совершенно ненужный и потому не планируемый рассказ о «страшной тайне» героев:

«<...> и старец рассказал мне ужаснейшую историю — историю, которой вы теперь не услышите, друзья мои; она останется до другого времени»²⁶.

Намерение продолжить историю Лиодора и его друзей подтверждается и стоящей после текста повести недвусмысленной ремаркой Карамзина — издателя журнала: «*Продолжение впрёдъ*», которую также следует сопоставить с двумя другими случаями. Первый из них — предваряющее примечание-комментарий Карамзина, издателя Книжки Второй альманаха «Аглая» за 1795 год, к собственной «безделке» «Илья Муромец», в котором открыто постулируется принципиальная возможность незавершённости текста «богатырской сказки»:

²⁵ Ср.: Ю. М. Лотман, например, предполагал, что основной темой произведения должен был стать рассказ «о группе молодых людей, спяяных взаимной дружбой и любовью к поэзии» (Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина // Лотман Ю. М. Карамзин. С. 226), в то время как П. Н. Берков считал, что неоконченный «Лиодор» был впоследствии «переработан» Карамзиным в повесть «Сиерра-Морена» (см.: Берков П. Н., Макогоненко Г. П. Жизнь и творчество Н. М. Карамзина // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1964. С. 39).

²⁶ Остров Борнгольм // Аглая. М., 1794. Кн. I. С. 118.

«Вот начало безделки, которая занимала нынешним летом уединённые часы мои. Продолжение остаётся до другого времени, конца ещё нет, — может быть, и не будет»²⁷.

В качестве второго примера напомним ещё одну ремарку Карамзина — теперь уже издателя и автора «Вестника Европы», — которая в четырнадцатом номере журнала за 1803 год демонстрирует *нарочитую, «объявленную» незавершённость* романа «Рыцарь нашего времени»: «Продолжения не было».

Таким образом, в намерении Карамзина довести до конца повествование о судьбе «чувствительного» Лиодора, во всяком случае — на момент выхода первой части произведения в марте 1792 года, сомневаться не приходится. С нетерпением ожидал продолжения повести близкий друг писателя и чуткий критик его ранних литературных опытов Александр Андреевич Петров, который в своём письме от 19 июля 1792 года, восхищаясь уже опубликованной к тому времени «Бедной Лизой» (!), в числе прочего, напоминал, полушутя-полусерьёзно, Карамзину о его литературной «заложенности»:

«Лиодор твой не похож на других Романических Героев; по крайней мере бессонницею не страдает. Кинувшись на постелю, он спит сном более, нежели богатырским²⁸. Не пора ли разбудить его?»²⁹

И тем не менее за «Бедной Лизой» последовали «Прекрасная Царевна...» и «Наталья, боярская дочь», а окончания «Лиодора» читатели так и не дождались. Почему же замысел этой сюжетной повести так и не был осуществлён её автором полностью? Ю. М. Лотман писал: «1792 год был для Карамзина трудным. Последовал разгром новиковского кружка. Сам Карамзин

²⁷ Карамзин Н. М. Илья Муромец (Богатырская сказка) // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 45.

²⁸ Так А. А. Петров обыгрывает последнюю фразу Лиодора, которой как раз завершается и опубликованная часть повести: «<...> я возвратился в город и в великом утомлении бросился на постелю» (334).

²⁹ Письма А. А. Петрова к Карамзину. 1785–1792 / Подгот. текста Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1987. С. 511.

уцелел почти чудом. “Московский журнал” пришлось прервать, видимо, неожиданно для самого издателя. “Лиодор” так и не был дописан³⁰. Однако в высказывании Ю. М. Лотмана, на мой взгляд, следует видеть не причинно-следственные связи между закрытием карамзинского журнала и прекращением работы над «Лиодором», а простую констатацию печальных для русской истории и литературы фактов. В самом деле, наивно было бы предположить, что единственной причиной отказа писателя от завершения «исповеди» Лиодора стала преждевременно оборвавшаяся жизнь его собственного периодического издания. В конце концов, Карамзин всегда мог, если бы захотел, опубликовать оконченного «Лиодора» отдельной книжкой, как поступил он, например, в 1796 году со своей новой светской повестью «Юлия». Однако даже в отдельном издании произведения, как представляется, в данном случае не было особой необходимости. Если мы сопоставим текст «Лиодора» с последующими повестями, созданными писателем с 1792 по 1794 год, в хронологическом порядке их появления в печати, у нас может возникнуть впечатление, что незавершённая «исповедь» молодого человека была «рождена» или, по крайней мере, опубликована несколько преждевременно. Дело в том, что повесть «Лиодор» (во всяком случае, в том виде, в каком она нам известна) буквально «просится» на страницы двухчастного альманаха Карамзина «Аглая», увидевшего свет соответственно в 1794 и 1795 годах. По общей печально-меланхолической тональности, по «субъективно-лирической» манере повествования от лица диегетического нарратора, пишущего (безымянный герой — первичный повествователь) или рассказывающего (вторичный повествователь — Лиодор) о горестных, трагических событиях и о собственных переживаниях по поводу этих событий³¹, «Лиодор» чрезвычайно близок, по-настоящему родственен именно опубликованным в «Аглае» прозаическим сюжетным произведениям «Остров Борнгольм» (1793, опубл.: Аглая. М., 1794. Кн. I) и «Сиерра-Морена (Элегический отрывок из бумаг N)»

³⁰ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 227.

³¹ Безымянный первичный нарратор вспоминает умерших друзей; Лиодор сообщает слушателям о смерти отца и матери, начинает заведомо трагичный рассказ об обретении и утрате возлюбленной и т. д.

(1793, опубл.: Аглая. М., 1795. Кн. II)³², а вовсе не повестям «Московского журнала» «Бедная Лиза», «Прекрасная Царевна...» и «Наталья, боярская дочь», из которых все три характеризуются, наоборот, недиегетическим типом повествования, а две последние вообще имеют идиллически-счастливый конец.

Так что же на самом деле помешало Карамзину завершить произведение, в пользу которого говорили и выработанные прямо в нём новые принципы построения и оформления повествования, и очевидная общность его поэтики с повестями писателя «субъективно-лирического» периода, и, наконец, в плане содержания — столь интересовавшая автора на протяжении всего его творчества «исповедальная» направленность текста? Вполне возможно, что причин отказаться от продолжения «Лиодора», более или менее веских, у Николая Михайловича было в целом немало. В данном случае предлагается поискать ответ всего на один, вероятно, далеко не самый важный для судьбы «Лиодора» как такового, но вместе с тем, как мне кажется, значимый и необходимый для понимания пути становления Карамзина — мастера художественной нарративной прозы вопрос: не закралась ли в текст второй повести писателя некая имеющая отношение к способу организации повествования «погрешность», которая могла бы впоследствии создать достаточно серьёзную проблему при возвращении автора к работе над неоконченным произведением?

Действительно, при внимательном рассмотрении в первичном повествовании «Лиодора» обнаруживаются некоторые, возможно, не бросающиеся с первого раза в глаза, но вместе с тем не вполне понятные «странности», возникающие при обращении безымянного нарратора к эксплицитно обозначаемому им адресату своих воспоминаний — «любезной Аглае». Необходимо, в первую очередь, указать на несвойственную последующим повестям Карамзина *сугубую единичность* заявленного

³² Подробнее о круге произведений, вошедших в альманах «Аглая», и об особенностях прозы Карамзина «субъективно-лирического» периода см.: Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803). С. 321–332; Канунова Ф. З. Лирическая повесть настроения. Опыт светской психологической повести // Канунова Ф. З. Из истории русской повести (Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). С. 101–123.

фиктивного читателя повествуемой истории. Мне могут возразить, что эксплицированный в произведении фиктивный читатель, равно как и определяемое нарратором количество этих читателей, далеко не всегда совпадает с заложенным в произведении абстрактным читателем (идеальным реципиентом) и даже с численностью таковых. Как же обстоит дело в первичном повествовании «Лиодора»? Вне всякого сомнения, история, рассказанная (точнее — написанная!) безымянным нарратором, в целом может быть прочитана, понята и прочувствована любым «чувствительным» человеком. И тем не менее в повествовании отчётливо выделяется несколько моментов, ориентированных на адресата, которого никак нельзя посчитать «широким», «массовым».

Собственно говоря, в опубликованной начальной части повести насчитывается всего *шесть эксплицитных обращений нарратора к его предполагаемой читательнице Аглае*³³: в пяти из них адресат называется по имени, в одном же ориентация на реципиента выражается при помощи глагола в форме повелительного наклонения 2-го лица единственного числа («вообрази»). В трёх случаях (третьем, пятом и шестом по счёту) апелляции повествователя к Аглае следует признать *формальными*, ибо обращения «любезная Аглая» и «милая Аглая», а также ориентированный на Аглаю императив «вообрази» вполне могут быть заменены на уже привычные нам по более поздним повестям Карамзина обобщающие адресата формулировки типа «любезный читатель» / «любезные читатели» и, соответственно, «читатель вообразит» или же вовсе опущены без каких-либо ощутимых потерь или искажений смысла высказывания:

«Вообрази моё удивление, когда я под иссохшими ветвями высокого дуба увидел стоящего молодого человека <...>» (308);

«В сих теремах, любезная Аглая, сживали в старину красные девицы <...>» (314);

³³ В первичном повествовании «Лиодора» имеется ещё одно эксплицитное обращение нарратора — к покойным друзьям Агатону и Изидору: «Хотя вы, мои любезные — нежный Агатон, Изидор чувствительный! — сокрылись от глаз моих <...>» (306–307).

«Ах, милая Аглая! как любезен казался он [Лиодор. — А. Т.] нам в каждом взоре, в каждом слове и в каждом своём движении!» (316).

Совсем иначе обстоит дело с тремя оставшимися — первым, вторым и четвёртым — высказываниями. Из первого обращения, завершающего вступление произведения, нам становится известно, что «милая Аглая» является инициатором воспоминаний, иными словами, её «веление» и послужило «катализатором» для акта повествования первичного нарратора («Прости мне, милая Аглая! я возобновляю твою горесть; но ты сама велела мне говорить о друзьях наших <...>» (307)), а потому представляется вполне логичным, что далее весь рассказ (письменный!) безымянного повествователя должен быть в той или иной мере ориентирован именно на восприятие этой женщины. Для того чтобы осознать, до какой степени нова, поистине революционна для прозы молодого Карамзина *органичность* рассматриваемой апелляции к Аглае всем последующим апелляциям и ориентировкам³⁴, которые содержатся в первичном повествовании «Лиодора», достаточно обратиться к более ранней притчеобразной сказке писателя «Райская птичка». Текст сказки-притчи о благочестивом монахе, тысячу лет слушавшем пение райской птицы и не замечавшем времени, также завершается эксплицитным эмоциональным обращением нарратора (на этот раз — недиегетического) к «любезной Аглае»:

«Любезная Аглая! я также не чувствую времени, когда внимаю твоему пению!»³⁵

Однако в данном случае апелляцию к Аглае следует охарактеризовать как своеобразную «приписку», своего рода *ассоциативное присоединение* к нарративному тексту самой сказки, ибо, во-первых, это «свободное излияние» сугубо личных чувств нарратора не имеет прямого отношения к сюжету излагаемой им истории и, во-вторых, непосредственно в повествовании

³⁴ О разграничении терминов «апелляция» и «ориентировка» см.: Шмид В. Указ. соч. С. 100–102.

³⁵ Райская птичка. С. 201.

о монахе и птичке *отсутствует* *какая бы то ни было ориентация на определённого реципиента* (в том числе и на Аглаю).

Но всё же наиболее важным для нашего исследования представляется анализ *второй* и *четвёртой* апелляций к Аглае, поскольку именно в них мы сталкиваемся с уже упомянутыми выше «странностями».

Так, например, во втором обращении нарратор сообщает:

«Я взял трость свою — ту самую, любезная Аглая, которую некогда ты мне подарила и которая была мне верным сотоварищем во всех дальних моих путешествиях, — и пошёл в рощу <...>» (308).

Учитывая то, что ни означенная трость героя-повествователя, ни сам факт её дарения в дальнейшем ни разу более не упоминаются в тексте «Лиодора» и не играют никакой, даже косвенной роли в развитии сюжета произведения, нам остаётся сделать единственно возможный логичный вывод. Он заключается в следующем: в упоминании об абсолютно не важном для построения сюжетного повествования подарке Аглаи кроется желание нарратора (а вместе с ним, как мы понимаем, и стоящего за ним абстрактного автора текста) сделать приятное той единственной читательнице, на восприятие которой на самом деле ориентирован данный фрагмент повести, а может быть, в дополнение к этому напомнить также своему адресату о неких известных и памятных только им двоим обстоятельствах дарения, посвящать в которые прочих возможных читателей произведения, очевидно, не предполагается. Таким образом, в качестве максимально адекватного абстрактного читателя, идеального реципиента второго обращения повествователя может выступать только «совпадающий» с ним единичный фиктивный читатель³⁶, именуемый «любезной Аглаей»!

Наконец, ещё более удивительную ситуацию обнаруживаем в четвёртой апелляции. Здесь, стараясь как можно точнее

³⁶ Под «совпадением» абстрактного и фиктивного читателей в данном случае подразумевается *крайне высокая степень сближения идеологических точек зрения* (круга знаний, образа мышления и т. п.), заложенных в этих двух принципиально разноплановых категориях. Ср.: Шмид В. Указ. соч. С. 59–60.

передать то впечатление, которое произвёл на него при первой встрече Лиодор, нарратор сообщает о внешности молодого человека следующее:

«Прекрасное, умное лицо — большие чёрные, огненные глаза, светлое зеркало великой души, — открытый, высокий лоб <...> — бледные щёки <...> — и ещё нечто такое, чего описать невозможно, но что всего сильнее действует на сердце, — одним словом, любезная Аглая, представь себе второго Изидора, когда ему было двадцать семь лет от роду и когда ты увидела его, после тяжкой сердечной болезни, стоящего в аллее Д***го саду» (308–309).

Содержание данного описания позволяет нам прийти к двум заключениям. Во-первых, из текста следует, что Аглая, по всей вероятности, никогда не была знакома с Лиодором лично, а судя по тщательности, с которой нарратор «выписывает» портрет своего друга, знала об этом человеке до момента повествования крайне мало или же вообще ничего. Зато она прекрасно — едва ли не наравне с первичным повествователем — осведомлена о событиях жизни «чувствительного» Изидора. Во-вторых, повествование в исследуемом фрагменте снова, причём в ещё большей степени, нежели во втором обращении, *ориентировано на восприятие очень узкого «круга читателей» — одной-единственной «любезной Аглаи»*. Действительно, для всякого «прочего», «массового» читателя неизбежно останется тайной несчастье, приключившееся некогда с двадцатисемилетним Изидором. К этому следует добавить, что в данном случае «широкая» аудитория лишается не просто знания неких предельно конкретных обстоятельств, подобно, например, читателям карамзинской повести «Остров Борнгольм», которых текст произведения «вынуждает» гадать, кем же на самом деле приходится друг другу жертвы взаимной «преступной любви» — Гревзендский незнакомец и пленница Лила: братом и сестрой, пасынком и мачехой и т. д. Читатели «Лиодора» сталкиваются с гораздо более серьёзной проблемой. Они, по сути, не могут извлечь из описания нарратора достаточно информации, необходимой для адекватного, глубокого понимания образа главного героя, во всяком случае — каким он «запрограммирован» текстом на этом этапе повествования. Ведь для того чтобы

верно представить себе, какие чувства, эмоции, мысли, воспоминания и т. п. отражались на лице и во всём облике Лиодора в момент его встречи с повествователем, нужно, по крайней мере, либо *знать* хотя бы в самых общих чертах историю «тяжкой сердечной болезни» Изидора³⁷, либо же быть непосредственным свидетелем той самой сцены в аллее Д***го сада. Однако возможности быть очевидцами тех давно прошедших событий «массовые» читатели повести, по вполне понятным причинам, лишены по определению. От знания же упоминаемого печального факта из биографии Изидора их старательно «ограждает» нарратор, поскольку, в отличие от «недосказанности», касающейся лишь некоторых щекотливых обстоятельств, в «Острове Борнгольм», в «Лиодоре» мы имеем дело с почти полной «*невывысканностью*» истории одного из героев повести для широкого круга читателей. Итак, исследуемая «реплика» повествователя (описание Лиодора) обращена исключительно к Аглае как к *единственному реципиенту, чья идеологическая точка зрения (в первую очередь — в плане круга знаний!) максимально совпадает с заложенной в повествовании*. При всём этом апелляция к данному единичному адресату строится таким образом, что все прочие, «непосвящённые» должны, как представляется, чувствовать себя в этот момент повествования попросту *лишними*, ибо у «массового» читателя может возникнуть вполне оправданное ощущение, что он, кроме всего остального, ещё и вторгается в некие не терпящие постороннего взгляда «интимно-личные» общие воспоминания нарратора и его «любезной Аглаи»!

По иронии судьбы нарративное «поведение» вторичного повествователя Лиодора построено в отношении ориентации на потенциального слушателя намного более «грамотно», нежели нарративная тактика повествователя первичного. Происходит это потому, что все обращения и эксплицитные апелляции несчастного героя к трём его друзьям, на первый взгляд такие

³⁷ «Тяжкую сердечную болезнь» героя, памятуя о трагической судьбе Лиодора и общем «сентиментальном» дискурсе повести, скорее всего, следует понимать как «болезнь разбитого сердца», драму несчастной любви, следствием которой, впрочем, вполне мог стать также и физический недуг.

сугубо личные и «камерные», вместе с тем, по своему содержанию и эмоциональному наполнению, вполне доступны пониманию *всякого «чувствительного» читателя*, не выходя за рамки прогнозируемого кругозора и объёма фактологических знаний так называемого «массового» реципиента, а потому на самом деле могут быть адресованы любому конкретному человеку, взявшему в руки повесть Карамзина. Ведь, например, когда Лиодор рассказывает о своём посещении Марселя, повествование молодого человека лишь внешне, эксплицитно предназначается исключительно трём его ближайшим друзьям, хорошо знающим этот город не понаслышке. Реальность же такова, что в продуцируемом вторичным нарратором тексте имплицитно заложена ориентация на широкий круг адресатов, среди которых могут оказаться и вовсе не знакомые с Марселем люди, ибо рассказ Лиодора содержит хоть и краткое, но ёмкое описание основных достопримечательностей города:

«Вы знаете этот город, средоточие восточного торгу; знаете славную его пристань, наполненную кораблями разных наций; знаете прекрасные его окрестности, плодоносные долины и холмы, украшенные цветущими садами и сельскими домиками или *бастидами* [курсив Карамзина. — А. Т.]» (327).

Дружеский совет Лиодора — «воспитывать при себе» своих будущих детей ради сохранения их привязанности к родителю — в той форме, в которой он даётся в произведении герою-повествователю, Агатону и Изидору, на практике может (и должен!) найти отклик в сердце любого «чувствительного» читателя. И даже в момент повествования молодого человека о первой встрече с возлюбленной у трёх его друзей — эксплицитных слушателей, которые, как мы узнаём из текста, в отличие от потенциальных читателей повести **видели** ранее портрет прекрасной Турчанки, — в действительности не оказывается сколько-нибудь весомых «преимуществ» перед имплицитным «массовым» адресатом «Лиодора». Это происходит потому, что вторичный нарратор тут же заявляет о несоответствии изображения оригиналу и в подтверждение сказанному даёт вслед за этим пространное и в высшей степени опозитизированное

описание любимой — какой он увидел её в ту достопамятную ночь и какой должны представить её себе реципиенты его рассказа:

«Если бы вы тогда на неё взглянули, как она на дерновом канаве сидела, устремив блестящие чёрные глаза свои на светлый месяц, который <...> освещал снежную белизну лица её, алые щёки, алые губы, подобные розе, к которой ни дыхание бури, ни рука смертного не прикасалась! Если бы вы, по крайней мере, взглянули на зыблущийся образ её в кристальной воде бассейна, образ, которым, казалось, и самые струи любовались!» (332–333).

Повести «Лиодор» было суждено стать текстом, в процессе работы над которым произошёл переход Карамзина к поистине революционным для своего времени, ориентированным на «широкого» читателя нарративным стратегиям — тот самый «великий перелом», в результате которого русская художественная проза впоследствии получила «в дар» новаторское повествование «Бедной Лизы», затем «Натальи, боярской дочери», а вслед за ними — и других «зрелых» повестей писателя. Однако, работая над произведением, в котором, по сути, ещё только проводился своего рода эксперимент по использованию новейших повествовательных принципов, автор «Лиодора» не избежал отдельных «недоработок», «погрешностей», которые, впрочем, были им самим же учтены и исправлены в скорейшем времени. В самом деле, при сопоставлении неоконченной повести со следующей непосредственно за ней «Бедной Лизой» некоторая «сырватость» нарративной манеры «Лиодора» в отношении апелляций к читателю начинает ощущаться ещё более отчётливо. Представляется, что столь явно выраженная в определённых местах текста ориентация исключительно на восприятие «любезной Аглаи» вряд ли могла по-настоящему увлечь, «втянуть» внутрь повествования «массового» читателя, во всяком случае, тех весьма конкретных и пока что очень наивных, неискушённых читателей «Московского журнала» начала 1790-х годов, которых, напомним, самому Карамзину — писателю и издателю — ещё только предстояло воспитать и взрастить, причём далеко не в последнюю очередь — на своей же

собственной прозе³⁸! Принципиально новая перспектива *непрекращающегося живого взаимодействия между нарративным текстом и его предполагаемым адресатом* была открыта в повестях Карамзина благодаря появлению в них, начиная именно с «Бедной Лизы», *эксплицитной и имплицитной обращённости к «любезному читателю»*³⁹ — человеку любой эпохи, способному к сопереживанию и желающему приобщиться к художественному миру писателя.

³⁸ Ср.: «<...> Карамзин формировал своими текстами другой тип читателя, интересы которого не исчерпывались сюжетно-персонажной эмпирией. Этот новый читатель должен был понимать, что введение фигуры рассказчика, вот здесь и сейчас присутствующего и повествующего, вместо какого-то абстрактного, где-то там и тогда существовавшего автора, создаёт необходимый эффект непосредственного общения с этим рассказчиком, если угодно, — необходимой интимности отношений между читателем и рассказчиком» (Топоров В. Н. Указ. соч. С. 88).

³⁹ Ср.: «Собственно, с Карамзина, всегда учитывающего интересы читателя, адресующегося к нему и подчёркивающего конкретность и актуальность этой связи, и начинается ставшее позже традиционным приёмом обращение к читателю: *Любезный читатель!*!... [курсив Топорова. — А. Т.]» (Там же).

**Неизвестные имена XVIII в.:
Прохор Иванович Жданов**

Представление о культуре того или иного периода было бы неполным без знаний о деятельности ее представителей второго или третьего плана. В рамках данной статьи описывается судьба одного из деятелей русской культуры XVIII в. Прохора Ивановича Жданова (?–1801), учителя английского языка в Морском кадетском корпусе. Его имя не отмечено в «Словаре русских писателей XVIII века»¹, хотя было тесно связано с русской литературной и театральной культурой XVIII в.

Биография

О жизни Жданова до его поступления в Морской корпус известно очень немного. Он происходил из поповичей и в 1760-е гг. служил при русской церкви в Лондоне. Из-за дороговизны жизни в Лондоне высылаемого на церковь содержания не хватало, и причт русской церкви на протяжении XVIII в. постоянно бедствовал. В особенно бедственном положении находились члены причта, не имевшие сана, — дьячки, пономари, певчие, которых набирали из семинаристов, не закончивших обучение. Следствием этого было их желание любым способом как можно скорее вернуться в Россию. В 1766 г. Жданов известил русского посла в Лондоне графа Мусина-Пушкина о том, что он «не имел никакой склонности посвятить себя духовному чину», и просил перевести его студентом в Коллегию иностранных дел. Русский посол написал относительно Жданова Никите Ивановичу Панину, который, прочитав письмо, сделал помету:

¹ См.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л, 1988.

«все дьячки захотят в студенты; первым жалованье по 100–150 р., а другим по 300. Надлежит министру представлять только о таких, которые имеют превосходные качества и таланты»².

Тем не менее просьба была удовлетворена, и в августе 1770 г. «бывшей в Англии при россииской церкви студент» Прохор Жданов по представлению инспектора над классами Г. А. Полетики был определен в Морской кадетский корпус для преподавания английского языка. Жданову был поручен «верхний англинский класс» с жалованьем 250 руб. в год и с выплатой квартирных денег³. В своем прошении Жданов писал, чтобы канцелярия «по прошествии года или прежде онаго, когда ево труды и рачение во обучении усмотрены будут», сделала ему прибавку к жалованью. В июле 1784 г., в связи с увеличением числа кадет в Морском кадетском корпусе, ему были поручены верхний и средний английский классы⁴. В должности учителя английского языка Прохор Жданов прослужил до своей смерти 26 февраля 1801 г.⁵

В мае 1786 г. он помимо учительских обязанностей стал выполнять обязанности секретаря канцелярии. В определенной канцелярии специально оговаривалось, чтобы должность секретаря Прохор Жданов выполнял, не отказываясь от преподавания английского языка⁶. На поприще секретаря Прохор Жданов хорошо себя зарекомендовал, и в декабре 1795 г. канцелярия ходатайствовала о его представлении к чину премьер-

² Кросс Э. У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 68–69.

³ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 31. Л. 167–168.

⁴ Там же. Д. 324. Л. 222об.

⁵ Там же. Д. 885. Л. 129. Во всех библиографических справочниках годом смерти Жданова ошибочно указывается 1802 г.

⁶ «...Он сию должность на себя приемлет с тем, чтоб купно и прежнюю учительскую исправлял, то на сем основании ему секретарскую должность исполнять, не оставляя отнюдь учительской, и как по канцелярии не столь много, и редко бывают время не терпящие, то может он в канцелярии быть по окончании класов, то есть после одиннадцати часов, и за сей ево труд к получаемому им ныне жалованью производить по сту рублей в год» (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 358. Л. 99об.).

майора; в феврале 1796 г. за «рачительное исправление должности» этот чин был ему присвоен⁷.

Литературная деятельность

Литературное наследие Прохора Жданова включает несколько книг: *Англискую грамматику* (3 издания; первое издание — 1772 г.), перевод *Нового предводителя английского языка* Томаса Дилуэрта (3 издания; первое издание — 1776 г.) и *Новый словарь английской и российской* (1784 г.). Во всех трех изданиях он выступил как первый в России английский лексикограф⁸. Кроме того, Жданов состоял членом учрежденного в 1768 г. Екатериной II «Собрания старающегося о переводе иностранных книг», для которого в 1779 г. перевел две английские пьесы: комедию *Слуга и лжец* и комедию *Тайное замужество*, получив за перевод первой 25 руб., а за перевод второй — 50 руб.⁹ Возможно, ему принадлежат и другие литературные труды.

В архивных материалах Морского кадетского корпуса сохранились сведения об издании *Англиской грамматики* и *Нового предводителя английского языка*, на которых мы подробнее остановимся.

1. В январе 1771 г. Жданов обратился в канцелярию корпуса с доношением, в котором писал, что

«изданная прежде учителем Пермским Граматика весьма недостаточна и чтоб повелено было напечатать на казенной счет ево Жданова собственныя правила, служащая ко удобнейшему понятию аглинскаго языка, которые он по долговременном упражнении в аглинском языке собрал из наилучших Граматиков и особливим рассмотрением на российском языке изъяснил».

За свой труд Жданов просил «определить ему награждение, какое канцелярия Морского корпуса заблагорассудит». Канцелярия корпуса, рассмотрев доношение, решила напечатать

⁷ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 654. Л. 308; Д. 686. Л. 33об.-34.

⁸ Алексеев М. П. Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки ЛГУ: Серия филологических наук. Вып. 9. 1944. № 72. С. 77–137.

⁹ Семенников В. П. Собрание старающегося о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II, 1768–1783. СПб., 1913. С. 80–81.

целый выход (1200 экземпляров) грамматики¹⁰. В 1772 г. *Англиская грамматика* была напечатана¹¹.

О втором издании грамматики никаких сведений не сохранилось. В январе 1802 г., через год после смерти Прохора Жданова, вышло из печати 3-е издание его английской грамматики. Третье издание было существенно переработано, что отражено на титульном листе: «АНГЛИСКАЯ ГРАММАТИКА, вновь сочиненная»¹².

Издание 1772 г. состояло из двух разделов: 1) грамматического раздела и 2) практического раздела, включавшего в себя «словарь Англиской и Российской»¹³, «Употребительныя речи», «Употребительные разговоры» (37 разговоров), «Числы». Первому изданию предпосылалось посвящение вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу Ивану Григорьевичу Чернышеву:

«Не природа ваша знатная; но особливья блистающия в вас дарования, а паче покровительство, которое науки всякаго рода от вас

¹⁰ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 44. Л. 143–143об. Жданов должен был получить за перевод деньгами за 200 экземпляров по продажной цене, а Семен Котельников — за 100 экземпляров («за поправление»).

¹¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800: В 5 т. Т. 1. М., 1962. №2224, 2225. (Далее: СК.) Издания различаются расположением колонцифр, кустодами и отсутствием буквы «я» в названии *Англиская* в №2224.

¹² Ордер на печатание был дан 29 сентября 1800 г. Тираж издания составил 1200 экз. (в т. ч. 20 экз. на «александрийской» и 30 экз. на «любской» бумаге) и обошелся в 1071 руб. 50 коп. По высочайшему повелению императора Павла Петровича грамматика была напечатана на счет казны; весь тираж после напечатания должен был поступить Прохору Жданову «в награждение его трудов для собственной его продажи». После смерти Прохора Жданова на тираж еще печатающейся грамматики в петербургском уездном суде в октябре 1801 г. заявил свое право его сын поручик Илья Жданов, однако это требование было отклонено, поскольку, как сообщала 1 ноября 1801 г. в уездный суд канцелярия Морского корпуса, «помянутая грамматика сочинена Секретарем Ждановым одним без помощи его сына» и «предположенные к напечатанию оной экземпляры повелено выдать в награждение трудов одному ему Секретарю Жданову».

¹³ Как отмечает Э. Кросс, около 3000 английских слов, содержащихся во втором разделе книги, являются, по сути, первым англо-русским словарем. См.: Кросс Э. У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке. С. 69–71.

получают, побудили меня посвятить Вашему Сиятельству сии малые труды; следуя в сем примеру ученых, которые в знак своего почтения и благодарности приносят свои труды благодетелям. Сверх сего благоденяя Ваши особливо мне учиненныя требуют достожднаго признания: к исполнению сего удобнейшаго способа не имею, как только все мне порученное от вас с ревностным прилежанием исполнять, и прославляя имя Ваше с наиглубочайшим почтением пребыть».

Издание 1801 г. было значительно переработано и состояло из трех разделов: 1–2 отдели — грамматическая часть; 3 отдел включал «Словарь», «Общественныя речи» (20 речей), «Общепотребительныя разговоры» (25 разговоров), «Примеры для сочинения кратких записок называемых Message Cards», «Таблица слов, коих выговор сходственен (или почти одинакой), но знаменованье и складыванье разноеобразное»¹⁴. Грамматика предварялась развернутым предисловием, которое начиналось так:

«Неоцененный дар слова, коим Творцу природы угодно было наградить человека, доставляет ему изящнейшия, многочисленныя и разноеобразныя преимущества: изобретение же способа посредством известных знаков начертывать свои мысли, послужило к приведению тех преимуществ в возможное совершенство, и приумножение его чувственных и нравственных наслаждений.

Живопись и ваятельныя художества служат также к изображению мыслей человеческих; и потому некоторым образом подобны дару слова соединенному с искусством писмян, но далеко не столь сильно изъявить могут все воображаемое нашими мыслями и чувствуемое нашим сердцем. Конечно весьма было бы полезно иметь всеобщий язык; но напротив каждой из разных народов населяющих обитаемый нами земной шар имеет особенный язык. Правда все сии разные языки происходят от малаго числа коренных, но столько между собою различествуют, что для познания каждаго потребно особенное обучение. Предлагая здесь к сему способ для Англискаго, по разным отношениям только нужнаго служащим во флоте, за полезное почитаю сообщить в кратце о начале сего языка; и каким образом оный доведен до настоящего его состояния».

¹⁴ Иными словами, этот раздел представляет собой небольшой словарь омонимов и паронимов английского языка.

Далее П. И. Жданов описывал историю образования английского языка как результат многочисленных завоеваний и смешения языка побежденных и победителей.

2. В 1776 г. в корпусе был напечатан переведенный Прохором Ждановым *Новый предводитель англискаго языка* Томаса Дилуэрта¹⁵ (в документах корпуса издание упоминается как «английская азбука»). Это издание было предназначено для обучения кадет в нижнем английском классе; персонажами 26 разговорных «уроков» в этой грамматике выступают главным образом кадеты. В сентябре 1803 г. «Предводитель» вышел 3-м изданием¹⁶. *Новый предводитель англискаго языка* Томаса Дилуэрта состоял из трех частей: Part I — азбука, односложные, двусложные и многосложные слова; Часть 2 — «Басни по выбору» (12 басен); Часть 3 — 26 уроков; «Словарь английской и российской» (18 уроков).

Оба учебника английского языка представляют большой интерес как с точки зрения подачи языкового материала в практической части (уроки и разговоры), так и с точки зрения особенностей русского языка, использованного при переводе английских диалогов. Подача материала обнаруживает незаурядное драматургическое мышление автора учебников: многие разговоры представляют собой законченные театральные сценки (см. Приложение).

Наибольший интерес представляют сочиненные им диалоги к учебникам. С культурной точки зрения их ценность обусловлена тем, что они являются содержательным источником для истории дворянского быта 2-й половины XVIII в. В диалогах точно схвачены различные ситуации, в которых мог оказаться дворянин этой эпохи. Изображаемые ситуации даются через

¹⁵ СК. Т. 1. №1870; РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 102. Л. 72, 133. Тираж этого издания, как и первой грамматики, переведенной Ждановым, составил 1200 экземпляров. При типографии книга продавалась «охотникам» по 30 коп.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 885. Л. 130, 137. Распоряжение о печатании было дано канцелярией 30 января 1802 г. после сообщения И. Т. Смирнова о том, что при типографии осталось 86 книг предыдущего издания 1793 г. (СК. Т. 1. № 1871). Новое издание имело тираж 1200 экз. и обошлось в 168 руб. 30 коп.

язык, причем этот язык очень гибок, приспособлен к конкретной коммуникативной ситуации. Это позволяет использовать диалоги как источник для изучения русского разговорного языка дворянского общества 1770–х гг.

Особенности русского языка в произведениях Жданова

Практическая часть первого издания английской грамматики включала в свой состав 37 разговоров: (1) «Поздравить кого, и спрашивать о здравии»; (2) «Идучи спать и будучи в постель»; (3) «Вставать поутру»; (4) «Одеваться»; (5) «Между Госпожею и ея горничною служанкою»; (6) «Посетить кого по утру»; (7) «Завтракать»; (8) «Перед обедом»; (9) «За обедом»; (10) «Говорить по руски»; (11) «Говорить по Англиски»; (12) «О поварничестве»; (13) «Между господином, портным, и суконщиком»; (14) «Между господином, и портным»; (15) «Между теми же»; (16) «Говорить с башмашником»; (17) «Нанимать покои»; (18) «Спрашивать о ком»; (19) «Разтаваться или прощаться»; (20) «О новостях»; (21) «Между больным, доктором и лекарем»; (22) «Между темиже»; (23) «Между двумя приятелями»; (24) «Писать письмо»; (25) «Меняться»; (26) «Играть в карты»; (27) «Идти купаться, или плавать»; (28) «Говорить с конюшим»; (29) «Отправляться в дорогу»; (30) «В корчме, или в постоялом дворе»; (31) «Нанимать бот»; (32) «Покупать книги»; (33) «О деревенских забавах, или веселостях, а особливо о звериной и рыбной ловле»; (34) «Итти в комедию»; (35) «О крестинах, свадьбе и похоронах»; (36) «Просить ково петь»; (37) «Прыгать и бегать».

Если проанализировать порядок расположения разговоров, то можно сделать вывод, что в учебнике более или менее выдерживается принцип расположения от тем, отражающих бытовые, повседневные ситуации, к темам, в которых описывается пребывание вне дома (путешествие, пребывание в гостях и т. д.). В большей части разговоров героем диалога является молодой дворянин (что и не удивительно, если вспомнить, что учебник написан для кадет Морского корпуса), однако некоторые разговоры строятся вокруг фигуры дворянки или с ее участием.

Перед Прохором Ждановым стояла сложная задача перевода английских диалогов (разговоров) на русский язык: диалоги

в своей переводной части должны были ориентироваться на разговорную русскую речь, однако разговорного варианта литературного языка в это время не было, в связи с чем при переводе диалогов перед автором вставала проблема отбора слов и конструкций. Язык разговоров обнаруживает сильную зависимость языка от ситуации, в которой он использовался. Темы, отражающие бытовые ситуации, ориентируются на разговорно-просторечную стихию. Ср. фрагмент из разговора 5 «Между Госпожею и ея горничною служанкою»:

Who is there?	Кто там?
Do you call, Madam?	Вы кличите, Сударыня?
Yes, what's o'Clock?	Да, который час?
I do not know, Madam.	Я не знаю Сударыня.
See by my Watch.	Посмотри по моим часам.
It does not go, or It is down.	Они не ходят, или они остановились.
Give it me, that I may wind it up.	Поддай их мне завести.
There it is, Madam.	Вот они, Сударыня.
Go and see what o'Clock it is by the Clock in the Parlour?	Поди, посмотри в прихожей по стенным часам, который час?
Madam, it is eèn half an hour past ten.	Одиннадцатый уже в половине, Сударыня.
Is it so late?	Не ужели так поздно?
Yes, Madam.	Так Сударыня.
Well, give me my Shift.	Хорошо, поддай мне мою рубашку.
It is no warm.	Она не нагрета.
I am going to warm it.	Я иду ее греть.
Is there a good Fire in my Closet?	Хорош ли огонь в моей горнице?
Very good.	Очень хорош.
Take care not to burn my Shift.	Смотри, не сожги мою рубашку.

Совсем другие языковые элементы использовались в тех разговорах, где описываются ситуации, связанные с пребыванием дворянина в общественном месте: этот язык лишен признаков просторечия и представляет собой сочетание разговорных и книжных элементов. Ср. фрагмент из разговора 32 «Покупать книги» (см. также разговор 36 «Просить ково петь», который приводится в *Приложении*):

Sir, have you any new Books?	Естьли у вас сударь какия новыя книги?
Yes, Sir, what sort of Books do you desire to have?	Есть сударь, какия книги вы желаете иметь?
Will you have Books of History, Mathematics, Philosophy, Divinity, Physicks, or Law?	Не изволите ли Исторических, Философских, Богословских, Физических, или гражданских книг?
No, I look for Books of Poetry.	Нет, я ищу стихотворческих книг.
I can furnish you with them, in all sorts of Languages.	Я вас могу снабдить такими, на всех языках.
For I have all the Greek, Latin, Spanish, Italian, French, & English Poets.	Ибо у меня есть все Греческие, Латинские, Испанские, Итальянские, Французские и Англиские стихотворцы.
I have also a great many of them.	И у меня их также довольно.
What Poets have you then a mind to buy?	Так каких же стихотворцов желаете купить?
Lomonosoffs, Soomarocoffs, & Prince Cantemirs Works.	Ломоносовы, Сумороковы и Князя Кантемира сочинении.
I have all those Books.	У меня все эти книги есть.
Let me see them if you please.	Пожалуй покажи мне их.
Will you have them bound in sheepscalves, or Turkey Leather?	В какой коже переплесть, в бараньей, апойковой, или в Турецком сафьяне?
In Turkey leather.	В Турецком сафьяне.
Will you have them gilt on the Back, & titled?	Не прикажите ли спинку позолотить и поставить надпись?
Yes, surely.	И подлинно надобно.
Must they be gilt on the leaves?	Не в золотом ли обресе?
There is no occasion for it.	В этом нет нужды.

Приведенные фрагменты помогают лучше понять языковую пестроту новиковских журналов, относящихся к этому же времени, и отражают тот этап в истории русского языка, когда общепринятая разговорная речь, очищенная от диалектизмов и просторечия, отсутствовала (последнее особенно рельефно выступает на фоне стилистически нейтральной английской части диалогов). Прохор Жданов в разговорах к своей грамматике обнаруживает удивительную языковую чуткость и чувство меры при создании русского перевода. В ряде учебников того же времени русский язык, использующийся для перевода

иностранных диалогов, отличается книжностью и никак не подходит на разговорный язык.

Разговоры из первого издания английской грамматики интересно сопоставить с разговорами в третьем издании. Анализ практической части третьего издания английской грамматики, в частности разговоров, показывает, что по сравнению с первым изданием она подверглась существенной переработке. Обращают на себя внимание несколько отличий. Во-первых, значительно сокращается число диалогов — с 37 до 25: (1) «Здороваться и спрашивать о здоровье»; (2) «Ложась в постель, и будучи в постелѣ»; (3) «Вставая по утру»; (4) «Одеваться»; (5) «Между госпожей и ея горничной»; (6) «Между двумя девицами»; (7) «При свидании, здороваться, и спрашивать о здоровье приятелей»; (8) «Просить, отказывать, давать, благодарить и проч.»; (9) «Утверждать, отказывать, соглашаться и проч.»; (10) «Идти, приходиться и проч.»; (11) «Знать, быть знакомым, слушать, подслушивать, разуметь, забыть, помнить и спрашивать»; (12) «Для кушанья, питья и проч.»; (13) «О часе и времени»; (14) «О погоде»; (15) «О временах»; (16) «В рассуждении училища»; (17) «Между посетителем и учащимся»; (18) «Окликать судно под парусами»; (19) «Прогуливаясь на пристани, или близ гавани укрепленной»; (20) «На военном корабле, между Офицером, и другим вновь определенным»; (21) «По входе в порт или в реку»; (22) «Касающейся училища»; (23) «Говорить с Портным, Башмашником, и проч.»; (24) «Итти смотреть представление»; (25) «Разговаривать и провождать свое время в беседе».

Во-вторых, это сокращение не было простым отказом от некоторых тем. Из приведенного списка видно, что автор грамматики одни разговоры из первого издания оставил практически без изменения (например, разговоры 1–6, 24), другие разговоры объединил, в том числе сократив их (например, разговор 23 третьего издания объединяет фрагменты разговоров 13–16 из первого издания); наконец, в третьем издании были добавлены новые разговоры, относящиеся к собственно морской и учебной тематике (в частности, разговоры 16–22). Изменение тематики разговоров явилось отражением важных изменений, произошедших в учебных программах военных училищ

в середине 1790–х гг.: из своеобразных шляхетских университетов, где кроме военных предметов широко преподавались гуманитарные дисциплины, они превращались в специализированные военные учреждения с углубленным изучением военных специальностей.

В-третьих, изменения коснулись и языка разговоров, хотя и не всех. В новом издании английской грамматики русские переводы английских диалогов уже не имеют столь яркой функционально-стилистической окраски. За 30 лет, прошедших с момента первого издания, русская разговорная речь прошла ряд преобразований, напоминающих изменения в письменном языке, — преобразований, связанных с постепенным нивелированием различий в языке в зависимости от ситуации и тематики общения. В разговорах из третьего издания это проявляется даже в особенностях их названий: по сравнению с первым изданием некоторые из них называются более обобщенно (см. разговоры 7–15 и др.).

Театральная деятельность

Проход Жданов был связан не только с литературной, но и с театральной культурой XVIII в. В Морском кадетском корпусе в 1774–1777 гг. он руководил любительским театром, позже передав обязанности руководителя театра подпоручику Степану Лобысевичу. Театр просуществовал в корпусе недолго: в июне 1783 г. помещение театра в Кронштадте было разобрано и переделано под жилье для кадет¹⁷. Вполне возможно, что Жданов был автором напечатанной в 1775 г. в типографии корпуса книги «Добродетель, приобретенная в училище»¹⁸: это вполне могло быть одной из театральных постановок в его бытность руководителем театра. Выше уже упоминалось о том, что в 1779 г. он перевел две английские пьесы. Отражением интереса Жданова к театральной культуре является включение

¹⁷ Подробно о деятельности театра см.: Руднев Д. В. Деятельность любительского театра в Морском кадетском корпусе в 1770–е годы // Основание национального театра и судьбы русской драматургии (К 250-летию создания театра в России). СПб., 2006. С. 52–61.

¹⁸ СК. Т. 2. 1964. №1929 (*Добродетель приобретенная в училище, представление в одном действии*).

в практическую часть своей грамматики разговора, посвященного посещению театра: в первом издании «Англиской грамматики» это разговор 34 «Итти в комедию», в третьем издании — разговор 24 «Итти смотреть представление», существенно расширенный по сравнению с первым изданием. Несмотря на то что после 1783 г. театра в корпусе не было, артистическая натура Жданова находила себе применение. Так, в 1790-е гг. по поручению директора корпуса И. Л. Голенищева-Кутузова Прохор Жданов руководил певческим хором в корпусе¹⁹.

Любопытным свидетельством связи Жданова с театральной культурой Петербурга конца XVIII в. является тот факт, что он волею судьбы был отцом знаменитой русской актрисы первой половины XIX в. Екатерины Семеновны Семеновой. Согласно известию историка П. Ф. Карабанова, смоленский помещик Путята в благодарность за хорошее обучение сына в Морском кадетском корпусе подарил Жданову двух слуг — Семена и Дарью. Дарья забеременела от нового барина, и ее выдали замуж за дворового Семена²⁰. От этого брака родилась 7 ноября 1786 г. актриса Семенова²¹. Она окончила Петербургское театральное

¹⁹ Так, в мае 1797 г. Жданов доносил в канцелярию, что «как при оном хоре нет порядочных книг с нотами, а какие есть ныне все почти ветхи и неверны, то не соблаговолено ль будет на первой случай приказать на заведение по выбору ево таких книг для вписывания концертов и других сочинений церковных, также на покупку нотной печатной бумаги и на уплату писцам за переписывание отпустить подканцеляристу Кудрину яко старшему в том хоре денег 60^р» (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 730. Л. 184–184об.).

²⁰ Русская старина. СПб., 1872. Сентябрь. С. 289.

²¹ Ряд историков театра сомневается в достоверности этих сведений, однако аргументы против этой версии не выдерживают критики. Так, И. Медведева утверждает, что Жданов не мог владеть дворовыми, поскольку происходил из поповичей, а следовательно, и вся версия относительно отцовства Жданова не более чем легенда (*Медведева И.* Екатерина Семенова. Жизнь и творчество трагической актрисы. М., 1964. С. 18). Это утверждение не верно: Жданов, как видно из документов корпуса, дослужился до чина премьер-майора (VIII класс по Табели о рангах) и, как следствие, получил право на потомственное дворянство и мог владеть крепостными. Возражения Р. Беньяш против версии Карабанова имеют психологическую подоплеку. Исследовательница недоумевает, что могло быть помехой браку Прохора Жданова и Дарьи: «И Жданов не был женат, и владела свободой, имевшая на руках вольную, Дарья, и росли бы их дочери, не неся на себе креста незаконнорожденных. Нет, на правду такая версия

училище, где училась у И. А. Дмитриевского. Без сомнения, любовь к театру Семенова унаследовала от своего отца, и, по-видимому, именно он ввел ее в театральное сообщество и помог ей сделать первые шаги на сцене. В 1803 г. она впервые выступила на придворной сцене.

Заключение

Судьба Прохора Ивановича Жданова обнаруживает любопытное сходство с судьбой другого преподавателя Морского кадетского корпуса, Михаила Пермского (1741–1770). Выходец из духовного сословия, Пермский в 1758 г. был послан в Лондон, где служил дьячком в русской церкви. В 1760 г. за «невоздержанное поведение» он был возвращен в Россию, где сначала был определен студентом в Московский университет, а в 1765 г. — учителем английского языка в Морской кадетский корпус. Ему принадлежит ряд переводов литературных произведений, а также *Практическая английская грамматика*, изданная в Морском корпусе в 1766 г. По-видимому, и Жданов, и Пермский во время своего пребывания в Лондоне были покорены богатством культурной жизни английской столицы. Вернувшись на родину, оба

[версия, изложенная Карабановым. — Д. В.] явно не походила» (*Беньяш Р. Катерина Семенова*. М., 1987. С. 11). Между тем версия о том, что Жданов не был женат, не соответствует действительности. Из документов известно, что у Жданова был сын Илья, который в 1801 г. находился в чине поручика (см. сноску 5). О жене Жданова прямых сведений нет, однако в документах корпуса содержатся сведения о «надзирательнице над малолетними кадетами» Ждановой, которая не только надзирала за малолетними кадетами, но и учила их английскому языку. Можно предположить, что эта надзирательница и была женой Жданова. Жданова работала надзирательницей многие годы и умерла около 1795 г. После смерти Ждановой на ее место была нанята Киреевская, но поскольку она не преподавала английского языка подобно предшественнице, то в 1797 г. на ее место была принята жена корабельного мастера Амосова, англичанка по национальности, которая обязалась кроме выполнения функций надзирательницы за малолетними кадетами преподавать им английский язык (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 731. Л. 144об.). Сведения Карабанова заслуживают доверия хотя бы в силу точности приводимых биографических данных о Прохоре Жданове, а именно что он по происхождению был из поповичей, служил в Морском кадетском корпусе учителем и исполнял должность секретаря. Все это подтверждается архивными данными.

берутся за переводы; Жданов лондонскому периоду жизни обязан своим интересом к театру. Судьба Прохора Жданова (а отчасти и судьба Михаила Пермского) показывает и еще одну яркую черту русской культуры XVIII в. — ее служебный характер, подчиненность государственным потребностям, в частности потребностям воспитания и образования. Все, что нам известно о литературной и театральной деятельности Прохора Жданова, было связано с его преподавательской работой в Морском кадетском корпусе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Dial. XXXVI.	Разг. 36.
To desire one to sing.	Просить ково петь.
Sir, will you be pleas'd to sing us a little song?	Государь мой, пожалуй спойте нам песенку?
Madam I would do it with all my Heart, if I could sing.	Я бы спел сударыня с великою охотою, естлиб мог.
Why do you tell me you can not sing?	Для чево вы говорите, что петь не умеете?
I tell you nothing but truth.	Я вам сказываю сущую, или самую правду.
I know you sing very well.	Я знаю, что хорошо поёите.
How do you know it, Madam?	По чему вы это знаете, сударыня?
Your singing Master told me so.	Ваш певчий учитель мне про вас так сказал.
He say's so for his own Credit.	Он это сказал ради своей чести.
He must no be believed.	Ему ненадобно верить.
You may deny it as long as you please, I am persuaded you sing very well, & that you have a fine voice.	Вы отговаривайтесь столько, сколько хотите, только я уверена, что вы поите хорошо и что у вас изрядный голос.
Why are you persuaded of it?	За чем вы этому верите?
Because all good singers love to be much entreated, or courted to sing.	Ибо все хорошие певцы любят, чтоб их много просили.
There's no Rule without exception.	Нет такого правила, котороеб было без выключения.
You refuse me then the pleasure of hearing you?	Так вы меня лишаете удовольствия слышать вашего пения?

Madam, I have a mind to leave you the good opinion you have of my voice.	Я сударыня намерен оставить вас в том хорошем мнении, которое вы изволите иметь об моем голосе.
You will increase it, if you please to oblige me.	Вы оное умножите, естли меня столько одолжите.
The certainty I have of the contrary will keep me silent.	А чтоб это было действительно, то мне надобно лучше молчать.
You disoblige me for ever, if you don't sing.	Вы смертельно меня обидите, естли не запоюте.
That threat is sufficient to oblige me to sing.	Этой угрозы довольно уже принудить меня петь.
But I am very hoarse.	Но я очень охрип.
I shall grate you ears.	Я лишь только нажужжу в ваши уши.
Pshaw, Pshaw! all those excuses are good for nothing.	Тьфу какой! все эти извинения ни к чему негодятся.
Well, Madam, since you must be obey'd, what tune will you have me sing?	Изволь сударыня, когда уже мне должно вам повиноваться, что же прикажете мне петь?
What you please.	Что вы изволите.
Sir, I thank you.	Благодарствую сударь.
You sing very well.	Вы очень хорошо поюте.
I am very glad I have heard you sing.	Я очень рада, что слышала ваш голос.
Madam, you are very obliging, to excuse so kindly the defect of my voice, & my small skill in singing.	Вы чрезвычайно милостивы сударыня, что изволите извинять так благосклонно недостаток моего голоса, и малое знание в пении.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ
XVIII ВЕКА

Выпуск 4

Под редакцией

*П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева,
А. Ю. Тираспольской*

Корректор: *О. С. Федулова*

Тех. редактор и компьютерная верстка: *Е. Е. Кузьмина*
Дизайн обложки: *К. Ю. Тверьянович*

Подписано в печать 31.05.2011. Формат 60×84 ¹/₁₆

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 17,5.

Тираж 300 экз. Заказ №

Для заметок

Для заметок

Для заметок
